

Альбина НУРИСЛАМОВА

НАСЛЕДНИЦА

Пока не начался весь этот кошмар, Вера считала себя счастливой: любимая работа, благополучная семья. Пройдут лишь две недели, и вся ее жизнь рассыплется в прах.

Странные и страшные события, сменяющие друг друга с головокружительной быстротой, череда загадочных смертей, неожиданно всплывающие мрачные семейные тайны...

Перед Верой встает единственный вопрос: как спасти не только жизнь, но и свою бессмертную душу?

Альбина Нурисламова

НАСЛЕДНИЦА

Роман

Глава 1

В пятницу Вера пришла домой раньше обычного и открыла дверь своим ключом. Вернулась как раз вовремя, чтобы застать своего мужа Марата и соседку Аську в самой недвусмысленной позе. Так они втроем и застыли: Вера с ключами в руке у входной двери, Марат на диване и едва одетая Аська на Марате.

Муж молчал. А что тут скажешь?

Вера тоже не сумела выдать ни слова. Прямо в обуви промчалась на кухню, захлопнула за собой дверь, швырнула на стол сумку и упала на табурет возле окна. Сердце колотилось, не давая вздохнуть, в голове гудело, ладони были ледяные и влажные. Хотелось выскочить из дома и бежать отсюда куда подальше, но она не могла. Не было сил.

Вдобавок в коридоре мыла полы ненавистная Лидия Адольфовна — Вера только что на нее наткнулась.

Иногда ей казалось, что в их девятиэтажке по улице Северной вообще нет нормальных людей. Ну, или почти нет. Просто они считали это место перевалочным пунктом, всеми силами искали возможность найти вариант получше и надолго здесь не задерживались. Накопив денег, продавали свою конуру, приобретали что-то попримечательнее и съезжали, стремясь побыстрее забыть, «где эта улица, где этот дом».

Навсегда застревали на Северной старики, которым уже ничего менять не хотелось, да невезучие, достигшие жизненного потолка. Это была малосемейка, построенная в семидесятых, с лязгающим, вечно ломающимся лифтом, длинными темными коридорами и дверями по обе стороны.

Жили здесь, как в аквариуме, на виду у соседей. Ругаться, мириться, любить и ненавидеть следовало по возможности тихо, чтобы не доносить до невольных зрителей и слушателей подробностей личной жизни. К сожалению, это мало кому удавалось. Железные двери, которые ставили некоторые жильцы в надежде спрятаться от чужих глаз, не спасали: стены-то все равно картонные.

Подъезды, коридоры и лестничные клетки были загажены так старательно, будто кто-то поклялся не оставить ни сантиметра чистой поверхности. Квартирки в доме имелись только однокомнатные, но зато двух видов — большие и маленькие. Те, кому повезло жить в «больших», жировали на шестнадцати квадратах. Прочие, в том числе и Вера с Маратом, довольствовались одиннадцатью. Плюс кухня, коридор в виде крохотного пяточка и совмещенный санузел.

Квартира просматривалась сразу и навывлет. У Веры просто не было шансов не заметить своего блудного мужа с Аской. Вошел в квартиру, не слишком широко шагнул вперед — уперся носом в перегородку между кухней и комнатой, а плечом — в дверь туалета с ванной. Повел глазами влево — кухня, вправо — комната. Вот и все хоромы.

Как говорила покойная соседка тетя Дуся, «и сральня, и спальня — все рядом». Хвост негде протянуть.

Но и этому жилищу они с Маратом радовались — свое, не съемное! Мечтали о большем, строили планы по расширению. И продолжали бы мечтать, строить и радоваться, если бы не сегодняшняя сцена. Нелепая случайность, из которых и состоит жизнь.

Сегодня в библиотеке, где работала Вера, закончилась проверка фонда. Длилась она всю неделю и, слава богу, осталась позади. За эти дни Вера вымоталась до предела,

застревала на работе на два, а то и три часа сверхурочно, но кто эти часы считает? Заплатят обычный минимум, даже премии не жди.

Однако о грустном не думалось.

Во-первых, по случаю завершения проверки сотрудников отпустили пораньше. Скоро, думала Вера, спеша с работы, должен вернуться Марат. Можно сходить куда-нибудь. Или просто посидеть вдвоем дома, расслабиться, выпить вина, скачать с Интернета какой-нибудь фильм.

Во-вторых, с понедельника у нее начинался очередной отпуск. Муж тоже взял две недели, и они мечтали рвануть к морю.

В-третьих, в потайном карманчике сумки лежали немалые деньги. Пятнадцать с лишним тысяч отпускных, да еще Аня долг отдала, а ведь держала без малого год. Итого двадцать четыре — огромная сумма по меркам Веры.

Жизнь была прекрасна и удивительна. Самая лучшая, самая светлая пора — конец весны, начало лета. Выходя из лифта, Вера улыбалась в предвкушении приятного вечера. И тут же наткнулась на Лидию Адольфовну со шваброй.

Та дежурила по этажу и мыла полы. От неожиданности Вера оступилась и задела ведро ногой. Мутная вода выплеснулась на пол, и Лидия Адольфовна немедленно завопила, сладострастно смакуя каждое слово:

— И чё ты за корова такая, а? Мою, мою целый день, а эта нате вам — явилась! Шалава! Кто за тобой подтирать должен?

Лидия Адольфовна, которую за глаза, разумеется, звали Гитлером, была женщиной странной. Ходила зимой и летом в замызганном зеленом плаще, только в самую лютую жару меняя его на зеленый же ситцевый халат с рваными карманами. На голове ее красовалась выкрашенная хной в ржаво-рыжий цвет «улитка», которая непонятно за счет чего держалась на макушке и при каждом движении норовила сползти на шею.

Гитлер вечно развешивала для просушки на общем балконе рваные тряпки неопрятного вида. Непонятно, как она использовала их в домашнем хозяйстве: такими даже унитаз страшно мыть. Она запросто могла облить помоями целующуюся под балконом парочку или брякнуть обалдевшему мужу: «А твоя-то шляха вчера днем опять мужика приводила, сама видела!»).

На Веру у Лидии Адольфовны имелся особый зуб. Давно, когда они только переехали с Маратом в этот муравейник и принялись обустроиваться, соседка явилась с визитом и с порога принялась надирать глотку.

Суть сводилась к тому, что пожилой женщине, трудовому человеку мешают отдыхать звуки их ремонта. Как потом выяснилось, Гитлер жила в противоположном конце длинного коридора, так что особого беспокойства новоселы ей не доставляли. Вера попыталась извиниться и объяснить, что это ненадолго. Но Лидия Адольфовна не слушала, по обыкновению получая удовольствие от процесса склоки. К тому же в выражениях она не стеснялась, и Вера узнала о себе и своем муже много нового и неожиданного. Терпение у нее вскоре лопнуло, она послала Лидию Адольфовну ко всем известной матери и захлопнула дверь. С тех пор Гитлер вышла на тропу войны.

Сегодня вступать в дискуссию и портить себе настроение не хотелось. Вера коротко извинилась и поспешила домой, стараясь не обращать внимания на летевшие вслед выкрики. Кто ж знал, что ее ожидало дома!

Она сидела на табурете и смотрела перед собой невидящим взглядом. Хотелось

заплакать, но почему-то не получалось. За закрытой дверью кухни слышались возня и нервные перешептывания. Один раз что-то с глухим стуком упало, Марат споткнулся о ножку дивана и громко чертыхнулся. Наконец дверь за Аськой захлопнулась.

Марат зачем-то метнулся в ванную, включил воду, через минуту выключил ее и снова вернулся в коридор. Потоптавшись в прихожей, видимо, сообразил, что Вера отлично видит его через прозрачную кухонную дверь и вошел.

— Вер... Как-то глупо все...

Он мучился, оттого что не знал, как выбраться из неприятной ситуации. Ждать, когда муж сформулирует свою мысль, Вера не стала. Рывком поднялась со стула и шагнула к двери, отеснив Марата в сторону.

На миг в большом зеркале прихожей мелькнуло их отражение.

Им часто говорили, что они похожи, как брат с сестрой: темноволосые, темноглазые, худощавые и тонкокостные, почти одного роста — Вере до метра семидесяти не хватало трех сантиметров, а Марат на сантиметр перерос этот рубеж.

— Вер, — опять затянул муж, пряча глаза, — ты же знаешь, как я к тебе отношусь...

Она, не оборачиваясь, бросила:

— Да, Марат, теперь точно знаю.

И вышла из квартиры.

Видимо, события, поставившие с ног на голову ее жизнь, произошли в очень короткий промежуток времени. Гитлер еще продолжала возить тряпкой по полу, который чище от ее потуг не становился. Увидев Веру, она завела:

— А-а! Опять попёрлась куда-то, сучка. Чё, нашел твой-то себе бабу? — радостно ощерилась Лидия Адольфовна. — А чё, и пра-а-альна! Чё ему с тобой, паскудой! Ты, небось, в койке колода колодой...

Договорить она не успела, потому что Вера стремительно пересекла коридор и подошла к ней. Вид у девушки, наверное, был тот еще, потому что Гитлер немедленно заткнулась, беззвучно разевая дряблый рот и тупо моргая.

Вложив в удар всю свою обиду и боль, Вера с силой пнула ведро с водой. Оно опрокинулось и с грохотом покатилося по коридору. Серая вода забрызгала остолбеневшей тетке плащ, окатила ноги в галошах.

— Не смейте больше ко мне лезть! Убью, — тихо, но убедительно прошипела Вера в лицо соседке. Развернулась и пошла к лифту.

Она ждала, что Гитлер разразится мерзкой бранью, но сзади не раздавалось ни звука.

Справа открылась коричневая обшарпанная дверь, пахло густым ароматом мясного варева. За дверью проживала «тихая» таджикская семья из двенадцати человек. Интересно, как они там помещаются, всегда недоумевала Вера. Может, спят и едят по очереди? Сейчас из квартиры дружным роем выкатывались один за другим разнокалиберные дети от трех до шестнадцати, круглоголовые, черноволосые, черноглазые и горластые. Самого маленького мать несла на руках. Вся эта гвардия вознамерилась забраться в лифт, так что Вера сочла за лучшее спуститься пешком.

Она быстро шла вниз по лестнице. Один пролет, другой, третий... Перед глазами мелькали ступеньки, обшарпанные, изрезанные перила, заплеванные лестничные клетки, открытые двери.

Нельзя сказать, что поступок Марата разрушил ее идеалы и поправил веру в людей. Конечно, Вера продолжала, несмотря на близость тридцатилетия, верить в любовь. И

считать, что любит своего мужа, пусть не так пылко и иступленно, как в романах, но все же достаточно, чтобы оставаться вместе и получать от этого удовольствие. Однако прожив двадцать два года в общежитии швейников, потом два года мыкаясь по съемным квартирам, а последние три проведя на Северной, трудно удержать на носу розовые очки. Волей-неволей приходится замечать вещи, о которых не пишут в классической литературе.

Остается либо принять жизнь во всей ее красе и безобразии, либо решительно противопоставить себя ей. Вера не была ни идеалисткой, ни революционеркой, поэтому предпочла первое.

Умом она сознавала, что Марат, возможно, изредка погуливает на стороне, хотя особых поводов сомневаться в своей верности муж не давал. Так, кое-какие штришки и приметы, на основании которых, если очень постараться, можно сделать далеко идущие выводы. Но стараться и разоблачать Марата Вера не стремилась. Она наивно принимала тезис о полигамности мужчин, полагая, что против природы не попрешь. И вместе с тем умудрялась вполне искренне верить, что Марат любит ее, и они всегда будут вместе. Вот такая двойная философия! Мелкие же интрижки, если они и есть (*а может, ничего такого и нет!*), не навредят их отношениям.

У Веры не было других родственников, кроме мужа. И свое будущее она видела только совместным с Маратом: общий дом (другой, конечно!), общие дети, поездки, интересы, желания, старость.

Его предательство, да еще такое явное, не оставляющее сомнений и не дающее даже крохотной надежды, что все неверно истолковано, выбило почву из-под ног. В глубине души она понимала, что жалеет о вскрывшейся правде. И презирала себя за собственное малодушие.

Недавняя сцена поставила обоих в затруднительное положение. Теперь у Марата нет шансов половчее соврать, а у Веры не получится сделать вид, что ничего особенного не случилось. Больно, обидно и совершенно ясно, что жить, как раньше, не получится.

На первом этаже, проходя мимо почтовых ящиков, она заметила, что в их ящичке что-то белеет. Газет они не выписывали, писем не получали. Это не мог быть рекламный мусор: в остальных ящиках, покореженных и большей частью не запертых, было пусто, а рекламу обычно раскладывали всем.

Она, будто взломщик, попыталась открыть ящик без помощи ключа. Вскоре все получилось, и в руках у нее оказался официального вида конверт с письмом на имя Веры Владимировны Андреевой. «Может, что-то выиграла?» — глупо подумала она. Но в конверте оказалось совсем другое.

Администрация Владимирского района повторно уведомляла гражданку Андрееву о необходимости лично явиться и оформить необходимые документы для вступления в права собственности на землю и дом в деревне Корчи, а также оплатить сборы и долги в фонд сельского поселения.

Повторно — это потому, что пару лет назад Веру уже ставили в известность: со смертью дедушки по отцовской линии она является единственной наследницей имущества. Старик умер, не оставив завещания, и дочь его единственного (ныне покойного) сына, наследовала все по закону.

Большого значения этому Вера тогда не придавала.

Дело в том, что после смерти Вериного отца мать не общалась с родственниками мужа. Прервала всяческие контакты, даже на Новый год не поздравляла. А поскольку овдовела,

когда дочь была совсем крошкой, то ни бабушки, ни дедушки Вера никогда в глаза не видела.

Кроме того, мать буквально заклинала ее ничего от них не принимать, о наследстве забыть и в деревню с дурацким названием Корчи не ездить. К тому же вскоре после получения того письма мама заболела и, промучившись несколько месяцев, умерла. Вере стало не до ненужного дома. И вот сейчас он напомнил о себе вновь.

— Верка, привет! — окликнули ее.

Она обернулась и увидела свою подругу Светку, которая волокла за руку упирающуюся девчушку — трехлетнюю дочь Ксюшу.

Светка была похожа на располневшую куклу Барби. В области талии, живота и бедер — многочисленные валики и складочки, бесстыдно подчеркнутые открытыми кофточками, топами в обтяг, облегающими платьями и брюками «в облипочку», до которых Света была большая охотница. На круглых белых плечах помещалась головка с кукольным личиком: огромные голубые глазищи, маленький носик, губки бантиком, блондинистые локоны до плеч. От нее всегда крепко пахло сладковатыми духами, заказанными по каталогу «Эйвон». Их названия Вера никак не могла запомнить.

— Ты чего тут? Да отцепись от подоконника, Ксюш! Письмо получила?

— Привет, — рассеянно откликнулась Вера. — Да, получила.

— Нет, посмотрите на нее, а! Балбеска! Всю дорогу мозги выносила. Полдня из садика дойти не можем, Вер! То тут застрянет, то там. Встанет, главное, и стоит, как баран на новые ворота! — тараторила Светка. Наткнулась взглядом на опрокинутое Верино лицо, нахмурилась и спросила:

— А ты чего... такая?

— Какая?

— Не знаю... Тихая. Что случилось?

За три года знакомства Вера привязалась к Светлане. Это была простая, искренняя, независтливая и добрая девушка. Вся ее жизнь, подробности которой Светке и в голову не приходило скрывать, была у Веры как на ладони. Она знала, чем Света лечит свои женские болячки, из-за чего ругается с мужем и сколько тот зарабатывает.

Сама Вера по натуре не склонна была откровенничать с людьми, но тоже частенько делилась со Светой горестями и радостями. Они нередко отмечали семьями праздники, ездили на пикники, забегали друг к дружке на чаек, ходили по магазинам. Вера охотно соглашалась посидеть с Ксюшкой, а охочая до рукоделия Света вязала им с Маратом шарфы, носки и варежки.

Сейчас подруга озабоченно смотрела на Веру, неподдельно волнуясь и пытаясь угадать, что произошло. От того, что есть на свете человек, которому небезразличны ее беды, защипало в глазах. Подступили слезы, которые никак не желали пролиться дома.

— Так, кое-что произошло, — Верин голос задребезжал и надломился, и, услышав эти жалкие звуки, она почувствовала себя такой несчастной и одинокой, что закрыла руками лицо и заплакала.

От неожиданности Ксюшка перестала шалить, оторвала пухлые ладошки от подоконника и раскрыла рот, готовясь поддержать тетю Веру собственным ревом. Мать коротко глянула на дочь и легонько покачала головой. Ксюша реветь передумала, тихонько подошла поближе к матери и встала рядом. Светлана кинулась к подруге, обхватила ее за плечи и стала подталкивать к лифту, приговаривая:

— Вер, да что случилось? Что ты... Ну, ладно, все, все, тише.

— Да не пойду я домой, — стала вырываться Вера — Что ты меня тащишь!

— Ко мне пойдём, ко мне, Верочка! Тут люди кругом. А у меня... Мой в командировке, мы с Ксюшкой одни. Посидим, успокоишься. Пошли, пошли.

Вера поняла, что именно это ей сейчас и нужно: выплакаться, выговориться, выпить — самая лучшая психотерапия для нашего человека. Она позволила Свете увлечь себя к лифту. Тот приехал на удивление быстро, и с кряхтением и скрипом повёз маленькую компанию на восьмой этаж.

Через полтора часа подруги сидели на бело-голубой Светкиной кухне. В прошлом году Марат помогал ее мужу Витьку с ремонтом, и они вдвоем ничуть не хуже бригады приезжих умельцев побелили потолок, наклеили обои и постелили линолеум. А Светка и Вера, взяв Ксюшку на прицеп, тем временем носились по магазинам, дотошно выбирая мелочи: занавески, светильники, клеенку, посуду и разделочные доски в тон.

Ксюшка самолично приобрела перечницу и солонку в виде белой кошки с котенком, и теперь фарфоровое семейство сидело на столе и равнодушно взирало круглыми нарисованными глазами на Верино несчастье.

За окном с голубыми занавесками клонился к закату день. Люди спешили по своим делам, тащили сумки с продуктами, парковали машины, ныряли в подъезды, чтобы не покидать домов до завтрашнего дня, загоняли туда детей, которые упорно не желали покидать песочницы и качели. Жизнь продолжалась, и ритм ее не изменился, а темп не замедлился.

На столе перед подругами стояла тарелка с нарезанной неровными кружочками колбасой, селедка в пластиковой таре, сыр, картошка в большой миске, сладкие перцы вперемешку с огурцами, хлеб, деревенское сало на блюдечке. А еще томатный сок в пакете и на треть пустая бутылка водки. Накормленная Ксюша смотрела телевизор в комнате.

Подруги раскраснелись, Светку слегка повело. Вере же пережитое потрясение никак давало опьянеть и расслабиться.

Загудел Верин мобильник.

— Во, опять он! — с набитым ртом констатировала Света.

— Угу, — подтвердила Вера, глянув на экран. — Не буду брать.

— Не бери, не бери. Пусть понервничает. Смотри-ка, запрыгал, козел! Вер, что...

— А, ладно, — прервала подругу Вера, — давай лучше выпьем. Не берет и все, водка какая-то непьяная.

Света наполнила простенькие граненые рюмки, долила в стаканы сок.

— За нас с вами и хрен с ними, — провозгласила она. Выпили.

— Мам, иди сюда, мультик кончился, — позвала Ксюшка.

— Иду, иду! — Светка унеслась менять диск.

Послышались громкие голоса: Светлана уговаривала дочь посмотреть «Простоквашино», а та ни в какую не соглашалась ни на что, кроме «Чип и Дейл спешат на помощь».

Вера встала и прошла в ванную. Включила воду, ополоснула лицо и грустно посмотрела на себя в зеркало. Милая симпатичная девушка: тонкие ровные брови, большие глаза, прямой нос, аккуратный подбородок — только выражение тоскливое, как у побитой дворняжки.

Она придирчиво пригляделась и решила, что пора подкрасить корни. Вера окрашивала волосы со школы. Природный цвет был светло-русый, невыразительный, «пыльный». В таких случаях девушки традиционно становятся блондинками всех мастей, однако она выкрасилась в брюнетку. И не прогадала! Темно-карие глаза сразу стали казаться больше и выразительнее, лицо приобрело законченность, исчезла расплывчатость черт. Даже мама, которая поначалу возражала против идеи красить шевелюру в столь нежном возрасте,

вынуждена была признать, что дочь похорошела.

Вера вытерла лицо полосатым махровым полотенцем. Что делать? Боль в груди не отступала, решение, как жить дальше, не находилось. Она вздохнула и вернулась на кухню.

Светка уже была там. Из комнаты доносились бодрые звуки песенки спасателей: судя по всему, победила молодость, Ксюшка отвоевала право наблюдать за приключениями бурундуков. Вера села к столу и увидела на экране телефона очередной пропущенный вызов. Марат не сдавался.

— Ни один наших слез не стоит, вот ни один! Все они сволочи! — в сердцах сказала Светка. Задумалась о чем-то своем и, не дожидаясь Веры, опрокинула рюмку, со стуком поставив ее на стол.

Про сволочей Светлана Сюкеева знала немало, причем на собственной шкуре. Ее муж Витек, водитель с ликеро-водочного завода, лично преподавал жене немало веских уроков.

Были они из одной деревни, приехали в город в поисках работы, потому как на селе с этим туго. Светка, окончившая педучилище, быстро устроилась в детский садик. Витек пошел крутить баранку. Родилась Ксюшка. Когда дочке исполнилось полтора года, Светка вышла на работу, пристроив дочь в свой садик. Получилось удачно — душа спокойна, что ребенок под присмотром, и деньги в семье нелишние. Квартиру на Северной они сначала снимали, потом выкупили по ипотеке. Теперь большая часть семейного бюджета перетекала в банк.

Витек трудился на своей «ликерке», считался неплохим работником и вообще хорошим парнем. С женой они жили неровно. Вроде и деньги Витек приносил, и по дому мог помочь, и ремонт своими руками делал, и жену с дочкой любил.

Но несколько раз в году в нем играло ретивое. Ипотека, прочнее любых уз связавшая его судьбу с судьбой Светки, накинула петлю на бесшабашную веселую жизнь. И иногда этот узел так давил на шею, так туго затягивался и перекрывал кислород, что Витек рвался прочь и зверел.

Уходил в загул, начинал пить литрами. Делать этого тихо и пристойно не умел, и окружающим, а в первую голову — жене, становилось попросту жутко. Детина ростом под два метра, с кулаками размером со средний вилок капусты, Витек легко прошибал стены, выбивал окна, швырял и крушил мебель и посуду. Исступленно матерился, ревел дурным голосом, говорил Светке гадости, несколько раз избивал так, что она ходила в синяках и лечила почки.

Все это, естественно, на глазах у ребенка. Правда, дочь не обижал, как бы пьян ни был, за что Светка была благодарна ему иррациональной благодарностью. Бывало, Витек не ночевал дома, и Светка ночи напролет рыдала, потому что была уверена, что муж с другой женщиной. Она страшно его ревновала, хотя и знала, что эти пьяные измены на отношение к ней не влияют, и жену он ни за что не бросит.

О разводе Светка не помышляла. Всплески его пьяной дурной энергии прощала с истинно русской покорностью, которая давно уже стала особенностью национального характера, и которую не способны вытравить ни американские фильмы, ни вошедшие в жизнь новые технологии, ни статьи продвинутых журналистов, ни призывы феминисток. Света понимала и внутренне принимала мужнины метания, не задумываясь о том, что ей-то, в сущности, живется не легче. Только вот женщины не могут позволить себе ни загулов, ни послаблений.

Выпустив пар, протрезвев и отгулявшись, Витек становился покорным и кротким,

трогательно просил прощения, клялся, что это последний раз (хотя оба прекрасно знали цену таким клятвам). Будь Света более рассудительна, вдумчива и склонна к анализу, она понимала бы, что с годами загулы будут становиться чаще, а промежутки между ними — короче. Что бурные семейные сцены не проходят бесследно для психики Ксюшки. Что Витек, каждый раз обретая прощение, начнет наглеть, позволять себе все больше, и в своей склонности к разрушению заходить все дальше.

Однажды Света сказала Вере с наивной прозорливостью: «Если бы я задумалась о том, как живу, то, наверное, пошла бы и повесилась. Но я не задумываюсь, и поэтому живу хорошо». В этом была вся Светка.

История подруги, по правде говоря, не произвела на нее большого впечатления. Увидев Веру в слезах, она поначалу испугалась, подумала, случилось что-то непоправимое, ужасное. Например, рак или СПИД.

Но поняв, что произошло, успокоилась. В ее понимании, случай был пустячный. Она, разумеется, сочувствовала Вере и негодовала по поводу поведения Марата, но в глубине души не считала случившееся поводом для сильного расстройства. Ну, изменил мужик, ну привел бабу. Но ведь не заявил, что любит другую и собирается разводиться! Из дому не гонит, наоборот, звонит, прощения хочет попросить. Света была уверена, что все у подруги наладится, и не собиралась подливать масла в огонь. Мудро рассудив, что если мириться все равно надо, так зачем долго друг друга терзать, она начала исподволь подталкивать Веру к мысли о прощении.

— Смотри, опять названивает! Настырный! Вер, а может, это она его соблазнила? Такое сплошь и рядом! Сучка не захочет — кобель не вскочит. А эта стерва белобрысая та еще тварь! Раскрутила мужика, а они ведь, сама понимаешь, слабые, — Света выразительно округлила глаза и отправила в рот кусок колбасы.

— Почему белобрысая? — прервала Светкин поток сознания Вера. — Она же рыжая!

— Кто рыжая? — опешила Светка.

— Аська, кто еще! Он же с Аськой был. Или ты... — Вера замолчала, сообразив, в чем дело.

В разговоре подруги называли разлучницу не иначе как «эта блядешка», уверенные, что имеют в виду одну и ту же девицу.

— Вот черт, — пробормотала тоже разобравшаяся, что к чему, Светка.

Зато теперь решение нашлось.

Одну женщину, может быть, действительно, случайную слабость помноженную на хищный характер любовницы, Вера могла бы Марату простить. Помучилась бы сама, помучила его, чтоб не повадно было, но в итоге простила. Слишком многое их связывало.

Теперь все изменилось. Это уже, как говорится, другой компот. Помимо рыжей Аськи имелась, оказывается, белобрысая Оксана! С ней Марат, как выудила Вера из окончательно растерявшейся простодушной Светы, встречался около полугода назад. Причем регулярно: та многократно заставляла его возле Оксаниной двери (Сюкеевы жили в соседней квартире). Светлана молчала, чтобы не расстраивать подругу.

Логично предположить, что до Оксаны у Марата были другие пассии — разнокалиберные, разновозрастные, с волосами всех цветов и оттенков. Похоже, все эти годы в Вериной семейной жизни незримо присутствовала дублерша. Стало противно и тошно. В прямом смысле. Вера вскочила, выбежала в ванную и ее вырвало.

Пока за стенкой лилась вода и слышались характерные звуки, Света костерилась себя

последними словами. Сама того не желая, усугубила ситуацию настолько, что положительный исход не предвиделся. Она была не из тех людей, про которых говорят «сделал гадость — вот и радость», ей искренне хотелось все исправить.

Она протянула руку к Верину телефону, чтобы набрать Марата. Рассуждала просто: пусть человек подготовится к разговору с женой, придумает оправдание, попросит прощения, купит цветы или подарок. Но не успела взяться за телефон, как в дверях показалась заревавшая Вера. Света поспешно отдернула руку.

— Можно я у тебя переночую? Не могу его сегодня видеть, — горло саднило, голос звучал хрипло.

— Что ты спрашиваешь! Ночуй, конечно!

— Если это неудобно, скажи.

— Перестань! — возмутилась Света. — Мы с Ксюшкой на диване ляжем, а ты в ее кресле отлично поместишься!

— Спасибо, — слабо улыбнулась Вера.

Светка бросилась стелить постели, и она осталась одна. Повертела в руках замолчавший мобильник, нашла номер Марата, изменила «Любимый» на «Бывший муж» и выключила телефон.

Когда вошла в комнату, Света и Ксюша уже лежали в кровати. Малышка возилась, что-то лопотала, требовала Мишутку. Света вполголоса отвечала, уговаривала закрыть глазки, сердилась, объясняла, что Мишутке с ними в кроватке будет тесно, он слишком большой и толстый, а под конец пригрозила выкинуть «драного медведя» с восьмого этажа. Ксюшка обиженно засопела и мигом заснула. Вскоре и Света, устав от пережитых волнений и выпитой водки, тоже крепко спала.

Вера слушала их возню, потом слаженное сонное дыхание, и до слез жалела себя. Конечно, у Светки жизнь не сахар, но все-таки у нее есть дочка. А у Веры теперь вообще никого нет.

И ведь только-только все устоялось, наладилось! Они с Маратом стали всерьез задумываться о детях. На море планировали поехать. Вот тебе и море!

Что дальше? Даже если отбросить мысль, что ее предали, растоптали, наплевали в душу, то никуда не денешь тот факт, что снова надо начинать с нуля. Встречаться с кем-то другим, притираться, строить новые планы...

Мысли о том, чтобы навсегда остаться одной, Вера не допускала. Не думала на манер Тоси из «Девчат», что одной лучше — хочу халву ем, хочу пряники. Понимала, что не сможет так жить. Она принадлежала к числу женщин, которым непременно нужно вить гнездо, заботиться о ком-то и чувствовать тепло в ответ. Без этого жизнь казалась пустой и бессмысленной. В последнее время Вера часто представляла себя беременной, думала, какие у нее будут дети, радовалась, что ей достался такой положительный муж — не пьющий, не бьющий, не гуляющий.

Да, с последним качеством вышла промашка. Вера повернулась на другой бок и вздохнула. Как он мог? Чего ему не хватало? Ведь и не ссорились почти, и в постели все было нормально. Спортивный интерес? Азарт? Испорченность натуры?

В полной мере осознать и оценить случившееся еще предстояло, а пока она испытывала шок. Вера читала, что после самой тяжелой раны человек в первые минуты ничего не чувствует. Даже пытается бежать на оторванных взрывом ногах. Боль приходит и ослепляет позже, когда ощущения возвращаются в полной мере...

Вера думала, что ни за что не уснет. Сон и в спокойном-то состоянии приходил к ней не сразу, она могла подолгу лежать и таращить глаза в темноту, слушая гудение лифта, кашель и скрип половиц в соседних квартирах, звуки подъезжающих к подъезду автомобилей, писк сигнализации. Однако истрепанные нервы требовали отдыха, да и усталость взяла свое.

Проснулась Вера рано, в начале седьмого. Стараясь не шуметь, прошла в ванную, долго стояла под душем, выдавила из тюбика пасту прямо на палец и кое-как почистила зубы.

В районе желудка застыл противный холодок, как это обычно бывало перед экзаменом, и она постаралась занять себя чем-то, сосредоточиться на привычных вещах. Плотнее прикрыла обе двери, прибралась на кухне, устранив следы вчерашнего застолья. Приготовила завтрак: пожарила яичницу с остатками колбасы и сыра, заварила чай, намазала маслом хлеб. На часах было уже почти восемь, когда в кухню выползла сонная растрепанная Светка.

— Привет! — зевнула она. — Ой, каждый раз бы так просыпаться: завтрак готов, все сверкает.

— Доброе утро. Давай умывайся и садись. Ксюшка спит? — Вера говорила непринужденно-бодрым чужим голосом.

— Без задних ног, — отозвалась Света уже из ванной. — Раньше девяти не встанет.

Завтракали тихо. Молчали каждая о своем. Светке нужно было заняться уборкой, сходить на рынок — затарить холодильник на неделю вперед. Вечером должен приехать муж, и она собиралась приготовить что-нибудь вкусненькое. Света вынырнула из привычных размышлений и виновато посмотрела на Веру: вот у той заботы так заботы!

— Вер, — несмело позвала она, — ты как... вообще? Спала хоть?

Вера поставила чашку на блюдце, отложила бутерброд.

— Да, как ни странно.

Света помолчала, потом рискнула повторить первую часть вопроса.

— А вообще-то ты как? Отошла?

— Нормально, не переживай. Дело житейское, — бледно улыбнулась Вера и махнула рукой.

Света осторожно перевела дух. Может, еще и утрясется. Помирятся.

— И чего ты надумала?

— Тут и думать не о чем, Свет. Развод и девичья фамилия. Даже проще: мы же официально не женаты. Пусть катится со своими бабами.

— Как?! Да ты что! Не руби с плеча, Вер! Всякое бывает, нельзя вот так, сразу! Надо успокоиться, все обдумать, — она лепетала обычные в таких случаях слова и видела, что эти банальности отскакивают от подруги, которая все для себя решила.

— Ладно, Светик, начну собираться. Время уже... — Вера покосилась на часы, — почти девять.

— Сиди, не торопись!

— У тебя своих дел полно, и так со мной второй день возишься. Неудобно.

— Неудобно трусы через голову надевать, а здесь чего неудобного? Оставайся, сколько надо! — Света говорила горячо и торопливо. В глубине души ей было стыдно: если честно, дел и в самом деле выше крыши, и гостя уже некстати. Мыслями она вся была в заботах по уборке, готовке, встрече любимого мужа.

Вера уловила настроение подруги, на ее месте она чувствовала бы то же самое. Подруга подругой, а семья есть семья.

— Нет-нет, Свет, пойду. Рано или поздно нам придется поговорить с Маратом. Только косметичку дай, а то я все дома оставила, лицо нарисовать нечем.

— Конечно, бери, что надо! — Света притащила из ванной объемный, доверху заполненный сундучок. Поковырявшись в залежах засохших румян, пустых тюбиков помады и рассыпавшихся теней, Вера отыскала относительно новую тушь, пудру и блеск для губ. Хватит, не на дискотеку.

— Тут у меня свалка, старье выкинуть некогда, — виновато улыбнулась Светка, занявшись посудой. — Вот говоришь, развод. Но вы так давно вместе, как же ты...

— Как-нибудь. Не пропаду, не бойся. Крыша над головой есть, а там посмотрим. Он пускай к мамочке переезжает. То-то она обрадуется.

Вера поморгала накрашенным правым глазом и принялась за левый.

После смерти матери она продала их комнату в общежитии. Комната была большая, ухоженная, поделенная гипсокартонной перегородкой на две части, с новым окном и дверью. Даже душевая кабина имелась!

Покупатели нашлись моментально. Добавив денег, они с Маратом сумели приобрести пусть небольшую, но изолированную квартирку. Недостающую сумму пришлось взять в кредит, который на себя оформляла опять-таки Вера. Платили они его с двух своих зарплат, сэкономили, выкручивались, и три месяца назад досрочно погасили долг.

Квартиру оформили на имя Марата. Решили, так будет проще. Все равно оба знают, что жилье общее. И хотя по документам получалось, что хоромы на Северной — собственность мужа, а Вера там просто зарегистрирована, она была уверена, что он добровольно отдаст квартиру.

— Ну, все, — Вера напоследок изучила свеженакрашенные глаза и губы в маленьком зеркальце и захлопнула пудреницу.

Попрощаться как следует не удалось — проснулась Ксюша, причем сильно не в духе. То ли недоспала, то ли переспала. Залезла к матери на руки, уткнулась носом в ее шею. На призывы сказать «пока-пока» не отреагировала, в ванную идти умываться не пожелала.

— Ладно, воюйте. Спасибо за все, Светик.

— Брось! Но ты подумай еще разок, Вера, — завела было Светка, поглаживая дочку по спинке. Вера мягко перебила:

— Девчонки, я побежала, — чмокнула Свету в щеку, Ксюшу куда-то в район затылка и ушла, прикрыв за собой дверь.

Светлана грустно смотрела ей вслед.

Как выяснилось, прошлой ночью Марат спать не ложился. Едва Вера вошла, он вскинулся с кресла, в котором вчера прикорнул, не раздеваясь.

— Ну, наконец-то! — с облегчением проговорил он. — Где ты была? Я весь вечер тебе звонил, почему трубку не берешь? Так нельзя, я волновался, ночь не спал. Куда ты пропала?

«Вроде не играет. Вправду волновался», — отстраненно подумала Вера.

— С добрым утром, — холодно бросила она.

Скинула туфли и быстро прошла в комнату. Приоткрыла балконную дверь, села на диван напротив Марата. В голове вертелись обрывки слов, которые она собиралась швырнуть в лицо мужу, но заговорить не получалось. Как ни крути, а сказать-то надо одно — мы расстаемся, а это оказалось нелегко. Он тоже молчал, настороженно глядя на Веру. Тишина разрасталась, давила на нервы.

— Ладно, Марат, — кинулась в омут с головой Вера. — Я больше не хочу с тобой жить. Нам надо расстаться.

— Где ты была? — невпопад отреагировал муж.

— Какая разница? Ну, если тебе так уж надо знать, у Светы.

— Ах, у Светы! — Марат всплеснул руками. — Она наплела черт-те что, а ты и поверила?

— Ты издеваешься? Она наплела? А ничего, что я эту корову Аську на тебе застала? — возмутилась Вера. — Или у меня галлюцинации?

— Нет, ты, конечно, видела... — Марат смешался, но позиций не сдал и тут же отбил мяч. — Послушай, Вер, я вел себя как идиот. Признаю! Сам не знаю, как такое вышло. Честное слово, в первый раз! Ты же знаешь, какие бабы бывают...

— Какие бабы бывают, тебе виднее, — брезгливо прервала его Вера.

— В каком смысле? — не понял Марат.

— В прямом. Их у тебя вагон и маленькая тележка.

— С чего ты взяла?! Я же говорю, это было в первый и последний раз!

— Ну, надо же! Врет и не краснеет! А Оксана? Может, ты дверью каждый раз ошибался когда к ней таскался? — ядовито прошипела Вера.

— Все-таки наплела, зараза!

— Что ты стрелки переводишь! Какая разница, кто сказал! Главное, я знаю! Ты меня обманывал, спал со всякими прошмондовками, а потом шел сюда, к своей доверчивой дуре! Да как ты мог? — почти прокричала Вера.

А ведь собиралась не доводить до скандала, мелькнуло в голове. Не упрекать, не спрашивать, не заставлять объясняться. Со стороны такие сцены выглядят убого, поэтому она намеревалась просто гордо уйти. Но нахлынули, накрыли с головой обида, тоска, боль. Она захлебнулась и барахталась в словах и чувствах, не в состоянии замолчать, остановиться.

Тихое интеллигентное расставание отменялось. Соседи, наверное, приникли к стенам, но Веру это уже не волновало.

— Вера, успокойся, ты не так поняла...

— «Не так поняла»! — яростно передразнила она. — Как еще это можно понять?

— Хорошо, хорошо! — Марат вскочил и забегал по комнате. Он тоже разозлился. На себя, на Веру, на всю эту досадную ситуацию. — Да, случались у меня бабы время от

времени. Но это ничего для меня не значит!

— Для тебя — нет. Зато для меня значит! Значит, что ты подлец и скотина! — выкрикнула Вера.

— Я скотина, а ты у нас нежная белая роза! Да пойми ты, я просто муж-чи-на! — по слогам проскандировал Марат. — А мужикам свойственно ходить налево!

— Блядство половых признаков не имеет, — выдала Вера вычитанную где-то фразу. — Не греби всех под одну гребенку! Если тебя член ведет по жизни, это не означает, что все такие же. И вообще, хватит! Видеть тебя больше не хочу.

— И что ты предлагаешь?

— А ты не понял? Давай расстанемся. Живи, как хочешь. Собирай вещи и уходи.

— Я? — Марат неприятно улыбнулся. — А почему это я должен уходить из своего *собственного* дома? Это же тебе что-то не нравится. Надоело со мной жить. Ты выдаешь штампованные фразочки и строишь из себя невесть кого. Вот и иди — ищи себе достойного.

В этот момент Марат был до странности похож на свою мать, Римму Ринатовну. Она тоже, как и мама Веры, воспитывала ребенка одна. Тихая девочка из глухой татарской деревни приехала в город, поступила учиться на парикмахера и вышла замуж за brutального русского парня Родиона Слепнева, который однажды неосмотрительно подставил свою русую голову под ее ножницы и расчески.

Неизвестно, чего ожидал от брака этот самый Родион. Возможно, надеялся, что скромняга Риммочка будет ему ноги мыть и воду пить, спокойно смотреть на загулы и молча воспитывать детей. По всей видимости, так он представлял себе идеальную мусульманскую жену.

Однако Римма надежд не оправдала, быстро показав, кто в доме хозяин. Нрава она была крутого, к тому же обладала деревенской хваткой и умением пускать корни в любой, даже самой неблагоприятной, почве. Итогом их недолгого союза стал сын Марат и стремительный развод. Римма Ринатовна приобрела фамилию незадачливого мужа и половину его жилплощади, куда в свое время удачно прописалась. Родион сопротивляться не стал, квартиру поделить не отказался и, как порядочный человек, исправно платил бывшей жене алименты, пока не погиб под колесами автомобиля какого-то лихача.

Римма Ринатовна замуж больше не выходила. В городе она пообтесалась, приобрела определенный лоск и манеры, научилась говорить без акцента, разбираться в моде, поверхностно, но дерзко рассуждать о театре и кино. Этого вполне хватало, чтобы считаться современной, умной и, как бы сказали сейчас, продвинутой. Работать она умела, клиенты ее любили, и парикмахерское дело быстро стало приносить хороший доход.

Через несколько лет щелкать ножницами ей уже не приходилось: Римма Ринатовна возглавила салон, в который когда-то пришла после училища. Комнату в коммуналке она вскоре расширила до двухкомнатной квартиры в хорошем районе, и теперь с полным правом свысока цедила «понаехали».

Работа работой, но главной страстью в жизни Риммы Слепневой всегда был любимый Марочка. Ему с детства, по праву рождения, полагалось все лучшее — игрушки, одежда, обувь, кусок за столом. Школа — так самая престижная, вуз — так самый востребованный. К слову, Марат и сам был неглупый молодой человек, поэтому на юрфак университета, куда его засунула мать, вполне мог поступить и самостоятельно.

Когда учеба осталась позади, мама устроила Марочку на работу: госучреждение, солидная зарплата, неплохие перспективы. Вчерашнему выпускнику без опыта работы

попасть туда было нереально, но Римма пёрла, как танк, и Марочка оказался в желаемом кабинете. В учреждении его, кстати, весьма ценили. Устроился по блату — так что с того? Мало кто в наши дни попадает «с улицы» на хорошую должность.

Из Риммы Ринатовны получилась настоящая водевильная свекровь. Слова «я посвятила жизнь сыну» она произносила абсолютно серьезно, без тени иронии, со слезой и надрывом. Была убеждена, что ни одна женщина по определению не достойна обожаемого «сыночки». Веру она невзлюбила сразу и навсегда, потому что та была первой, кто не только завладела вниманием и временем Марочки, но и, посягнув на святое, увела мальчика из дому.

Свекровь и невестка находились в состоянии войны — почти всегда холодной, но со вспыхивающими время от времени очагами открытых конфликтов. Если Вера еще старалась держать себя в руках, то у Риммы Ринатовны тормозов не было. Она запросто могла сказать сыну: «Ты своей-то передай, с такими кривыми ногами короткие юбки не носят» или «Вера на дне рождения была покрашена как проститутка». Однажды заявила в лицо снохе: «Сегодня в гостях у меня будут сестра с мужем, образованные интеллигентнейшие люди. Будь любезна, помалкивай, пока к тебе не обратятся, не позорься». «Образованные и интеллигентнейшие» были под стать самой Римме Ринатовне, дальше кулинарного училища дело не пошло, зато муж был начальником хлебопекарного цеха, а жена заведовала школьной столовой.

Иногда доходило до откровенного маразма. Например, свекровь знала, что у Веры аллергия на помидоры, и на свой юбилей положила их во все блюда — начиная с салатов и заканчивая рагу и подливой к мясу. Не поленилась даже приготовить томатный суп-пюре! Бедная Вера, увидев это томатное буйство на праздничном столе, просто обомлела. Выхода было два: либо съесть что-то с риском для здоровья, либо весь вечер просидеть перед пустой тарелкой с куском хлеба. Естественно, она поступила, как подсказывал здравый смысл и инстинкт самосохранения. А Римма Ринатовна, которая этого и ждала, разрыдалась и заявила, что она-де старалась, ночи не спала, готовила, а неблагодарная сноха «как обычно» плюет на все усилия «мамы», выдумывает чушь про аллергию, брезгует есть в гостеприимном доме.

Воспоминания за доли секунды пронеслись в голове, и Веры поежилась — теперь их двое против нее одной. Она перевела дыхание и постаралась взять себя в руки, чтобы не разрыдаться или не раскричаться.

— Послушай, давай поговорим как взрослые люди, — примирительно начала Вера. — Ты прекрасно знаешь, я имею на эту квартиру больше прав. Идти мне некуда, я продала нашу с мамой комнату. И кредит тоже я на себя брала, — Марат хотел что-то возразить, но Вера предостерегающе подняла ладонь и быстро договорила: — Помню, что мы выплачивали его вместе! Я верну тебе половину этих денег. Да ладно — всю сумму, если хочешь. Снова возьму кредит, не привыкать. Забирай музыкальный центр, телевизор, компьютер и...

— Стоп, стоп, моя дорогая, — громко перебил Марат, — хватит рассказывать, что ты продала и какой кредит брала! Свои подвиги опишешь Светке на досуге. Юридически, по документам, квартира принадлежит мне. Я отсюда съезжать не намерен — и это не обсуждается. Хочешь — живи здесь, со мной, как раньше. Не хочешь — скатертью дорога, — Марат с ленцой тянул слова, а договаривая последнюю фразу, для убедительности ткнул в сторону входной двери указательным пальцем.

Он стоял возле большого глиняного горшка с карликовой пальмой, — единственным растением, которое прижилось в их доме. Маленькая игрушечная пальма и невысокий

Марат, который всегда немного комплексовал из-за своего роста. Сладкая парочка. Вера еле-еле сумела проглотить комом разбухавший в горле неуместный истерический хохот.

— Какой же ты все-таки... мелкий, Марат. Как я раньше не замечала?

Марат надулся, хотел что-то ответить, но Вера опередила.

— Успокойся, я не рост твой имею в виду, а натуру. Хотя по мне лучше быть маленьким, чем ничтожным. Но это дело вкуса.

— Прекрати играть словами! Терпеть не могу эту твою манеру! Я тебя не гоню, готов даже попросить прощения за свой проступок. Давай оставим все, как было, забудем этот неприятный разговор, — он криво улыбнулся и шагнул к ней, но Вера отшатнулась.

— Ты таким способом хочешь заставить меня остаться?! Это что — вместо раскаяния? И тебе даже не стыдно? Ты говоришь жуткие вещи, и для тебя это нормально?!

— Вера, Вера! — досадливо поморщился Марат. — Вечно ты все ставишь с ног на голову! Не надо патетики, это жизнь, а не твои смешные книжки. Нечего читать мне мораль, обойдусь без проповедей. Я просто здраво смотрю на вещи. Уговаривать тебя не собираюсь. Не хочешь, как хочешь. Но скажу сразу: про то, чтобы продать эту квартиру, а деньги поделить, тоже забудь. Еще раз повторяю, квартира — моя, а мы с тобой официально не женаты, так что ты мне — никто. Юридически.

— Между прочим, можно доказать, что это я дала деньги, что мы давно жили вместе в гражданском браке, — запальчиво проговорила Вера, — есть же, в конце концов, свидетели: наши знакомые, соседи...

— Иди, попробуй, — хладнокровно произнес Марат, — подай на меня в суд, притащи туда своих подружек. Только не думай, что я это проглочу! Тоже найду свидетелей, это раз. А еще у матери есть нотариально заверенная расписка трехлетней давности. И там черным по белому написано, что я взял у нее в долг энную сумму денег на покупку квартиры. Поэтому если в суде возникнут вопросы, то покупал квартиру я, деньги мне одолжила мать, а уж куда ты дела кредитные средства и деньги от продажи комнаты — твое личное дело.

— Расписка трехлетней давности? — ошеломленно переспросила Вера. — Значит, ты уже тогда планировал меня обокрасть? Вы со своей мамочкой заранее все обдумали? Она ноги об меня вытирала, травила как зайца на охоте, и при этом планировала лишиться всего?!

— Что за слова, Вера! Мама права, в тебе нет тонкости. «Обокрасть»! Мы просто подстраховались, и, как видишь, не зря.

— И эту подлость ты называешь «подстраховаться» и «здраво смотреть на вещи»? — Вера обхватила голову руками.

Она понимала, что ничем не перешибет его уверенности. Он был горд своей предусмотрительностью, а у нее не было сил, желания и, скорее всего, возможности с ним бороться. Вдвоем с мамой Риммой они асфальтным катком пройдутся по ней и размажут тонким слоем. Ничего она не добьется. И хватит сидеть тут, унижаться.

Вера медленно поднялась с дивана и принялась собирать вещи. Сняла с антресоли большую сумку, прошла в ванную, взяла фен, зубную щетку из стаканчика с веселым енотом и косметичку. Раскрыла шифоньер, сгребла с полок нижнее белье, пару полотенец, покидала в сумку джинсы, свитера, кофточки, юбки.

Марат был настроен продолжать разговор. А может, рассчитывал заставить Веру остаться жить здесь на его условиях. Что-то говорил, но она ничего не слышала. В ушах стучало и бухало, голова болела, слова доносились как сквозь толщу воды. «Только бы в обморок не грохнуться», — подумала она.

Сумка быстро заполнилась, кое-что пришлось положить в большой пакет.

— Вроде бы все, — с усилием проговорила Вера. — За остальным приду позже, тут немного осталось. Дубленка, сапоги, теплые вещи.

Видимо, Вера выглядела такой измученной и несчастной, что Марат растерялся и слегка покраснел.

— Пока, Марат. Ты умница и молодец, конечно. *Юридически*. И ни в чем, вернее, ни в ком, себе не отказывал, и квартиру получил. А я идиотка. Дураков учить надо, правда? Спасибо за науку. Ну, удачи тебе и счастья.

Марат не нашелся с ответом и застыл на пороге. Вера была довольна собой. Ей показалось, что прощальные слова прозвучали как надо, уйти от мужа она сумела достойно, несмотря на полуобморочное состояние. Это чуть-чуть подняло настроение. Вопрос только в том, *куда* уйти, думала она, волоча котомки по коридору.

У лифта ей встретилась Лидия Адольфовна. Вера внутренне приготовилась к атаке, но та, как ни странно, бочком протиснулась мимо и ничего не сказала. Хоть в чем-то повезло. Вера вошла в раздолбанный лифт и поехала в свою новую жизнь.

Вера сидела на лавочке у автобусной остановки и напряженно размышляла. Сердечные переживания и обиды временно отошли на второй план, потому что надо было срочно решить насущный вопрос — куда идти? Где теперь жить?

Бодро и уверенно пройдя сто метров до остановки, теперь она была в полнейшей растерянности. Идти к Светке не вариант: сколько можно злоупотреблять ее гостеприимством! Посиделки на кухне в отсутствие мужа — это, конечно, здорово, но Витек сегодня возвращается из командировки. Вряд ли он обрадуется присутствию Веры. К тому же жить по соседству с бывшим, наткаться на него в коридорах, встречать у подъезда — нет уж, увольте!

Родственников, по крайней мере, тех, о которых ей известно, у Веры не имелось. Близкая подруга Лена, бывшая одноклассница и одногруппница, вышла замуж за коренного питерца и жила теперь в Санкт — Петербурге. За последние пять лет они виделись всего три раза, когда Лена приезжала в гости к матери. Вера тоже в Питер не ездила. Время и расстояние сделали свое дело: постепенно темы для разговоров иссякли, жизнь потекла в разных берегах, интересы поменялись. Ленка родила мальчишек-близнецов, упоенно занималась домашним хозяйством, обустроив шикарную двухуровневую квартиру (бизнес мужа стал приносить хороший доход). А Вера... — ну, тут все ясно. О том, чтобы свалиться бывшей лучшей подруге на голову со своими проблемами, нечего было и думать.

Оставались две приятельницы — Аня и Гуля. Они вместе работали в библиотеке. Аня была на три года старше Веры, а Гуля, наоборот, на три года моложе. Девушки вместе обедали, болтали обо всякой чепухе, ходили в кафе и по распродажам. Они, конечно, охотно посочувствуют Вере, но и только. Ни одной не придет в голову предложить пожить у себя — и ничего удивительного. К тому же Аня жила с мужем и дочкой, а Гуля — с родителями.

Итак, родственников и подруг нет. Значит, придется снимать квартиру. Денег на первое время хватит. Слава богу, отпускные в общую копилку — банку на кухне — положить не успела. В отпуске надо будет где-то подработать, но это даже хорошо: отвлечет от невеселых мыслей. Вера немного успокоилась и решила купить газету с объявлениями о сдаче жилья внаем. Полезла в карман за мелочью и наткнулась на плотный бумажный конверт.

Поначалу не сообразила, откуда он взялся, но взглянув на обратный адрес, вспомнила: наследство! Домик в деревне.

— Может, туда и поехать? — невольно произнесла Вера вслух. Стоящая рядом бабка с клетчатой сумкой недоуменно воззрилась на странную соседку и на всякий случай отодвинулась подальше.

А что? Мысль неплохая. Во-первых, ехать все равно надо: требуется уладить дела. В бюрократическом государстве живем, бумажки — прежде всего. Во-вторых, хочется взглянуть на дом. Возможно, он пригоден для жилья. Хотя бы какое-то время можно будет перебиться. Все лучше, чем на вокзале! Но если он и окажется совершенной развалиной (а так, скорее всего, и будет), земля ведь должна что-то стоить. Ее можно продать. Получается, в Корчи съездить однозначно стоит. А снять квартиру всегда успеется.

Оставалось узнать, далеко ли от города это место, и как туда добраться — на электричке, автобусе или по Волге, на теплоходе?

Проблема решилась на раз — два. В газетном киоске нашлась карта республики с

расписанием движения пригородных автобусов и электричек. Выяснилось, что деревня Корчи Владимирского района находится в семидесяти километрах от Казани. Попасть туда можно, добравшись на рейсовом автобусе до поселка Большие Ковши. А оттуда до Корчей — рукой подать.

Приободренная, довольная собственной находчивостью, Вера купила билет и вскоре села в автобус. Примерно через час она окажется в Больших Ковшах. И уж на месте разберется, что к чему.

Автобус быстро выбрался за пределы города и весело катил по трассе. Рассеянно глядя на мелькавшие за окном дома, поля, рощицы, речонки, коттеджные поселки и бензоколонки, Вера опять начала нервничать.

Конечно, ехать неизвестно куда на ночь глядя было чистейшей воды авантюрой. Пока она доберется до места, будет уже почти три часа. А если выяснится, что в такое время, да еще в субботу, никакой автобус до Корчей не ходит, а попутку поймать не удастся? Что тогда — пешком идти туда, не знаю куда? А придется, потому как вряд ли в Больших Ковшах есть гостиница! Обратно в Казань ехать, так ничего и не узнав, — просто глупо. К тому же снова встанет вопрос: где ночевать?

Ну, хорошо, допустим, попала она в Корчи. Само по себе одинокое проживание ее не страшило — Вера была не из пугливых. Но как быть, если выяснится, что дом — это развалюха без стен, крыши, воды, света и тепла? Да вдобавок в заброшенной деревне? Бог с ним, с теплом, сейчас почти лето. Но провести ночь черт знает где, в полуразломанном доме — удовольствие ниже среднего!

Паника нарастала, Вера беспокойно вертелась в кресле. Прекрасно задуманный план самостоятельной жизни трещал по швам.

Зазвонил телефон. «Кому это я понадобилась?» — подумала Вера, пытаясь извлечь вибрирующий аппарат из недр сумочки. Может, Марат? Все обдумал, осознал, что наговорил лишнего, умоляет простить? Высветившийся на экране номер разрешил все сомнения:

— Привет! Ты где? К вам идти боюсь, мало ли, а сил уже нет терпеть! Как поговорили со своим? — зачастила Светка.

— Привет, Светик! — откликнулась Вера, злясь на себя. Марат! Надо же такое удумать! — У меня все нормально. Я в автобусе. Еду в Корчи.

— Какие такие Корчи? Что еще за новости? Ты с Маратом?

— Нет, не с Маратом. Мы с ним поговорили. — Вера почувствовала, что слезы уже близко, и, боясь расплакаться, быстро договорила:

— В общем, я от него ушла. Квартиру он мне оставить отказался, прав на нее у меня нет, они с мамочкой все предусмотрели, чтобы я не рыпалась ни в суде, ни еще где. Короче, я давно уже какой-то дом получила в наследство от отцовских родственников, вот туда и еду.

— Вер, даже не знаю, что сказать, — пролепетала потрясенная Светка. — Он вот так тебя выгнал?! Да его убить мало! И ты ушла?! Сам блядует, а ты же еще и ушла? Вера, надс было...

— Ладно, Свет. «Надо было» не связываться с таким дерьмом. И головой думать, а не одним местом, и квартиру на себя записывать. А теперь чего уж... Ничего не докажу, только вымажусь вся в этой грязи.

— Вер, нельзя так все оставлять! Тебе же жить негде! Почему ко мне не пришла? — переполошилась Света.

— У тебя только меня и не хватало, — отмахнулась Вера, — Светик, ну о чем ты

говоришь? Своих проблем мало?

— Мы подруги! — решительно заявила Света. — Не дури, слезай с автобуса и возвращайся!

— Да ты что? — засмеялась Вера. — Спасибо, что беспокоишься, но я все-таки доеду, посмотрю, что мне за дворец достался.

— Все храбришься? Все шуточки тебе? — грозно проговорила Света. — А если там одни уголовники? Или пьяницы? Что ты одна будешь делать? Немедленно назад! Придешь ко мне, завтра вместе с Витьком поедем, если тебе приспичило!

— Ага, скажешь тоже! Он только-только из командировки, а тут я со своим наследством! В самый раз.

— Да, Витек, он... Но как же...

— Нормально все! Не маленькая, разберусь. Приеду, осмотрюсь, не понравится — вернусь и сниму квартиру. А дом продам. Еще и денег заработаю, видишь, как все классно? — Вера говорила с убежденностью, которой сама не ощущала.

Попрощавшись со Светкой, которая взяла с нее клятву позвонить и рассказать, как дела, вернуться сегодня же, если «что-то пойдет не так» и «не вздумать пропадать», она убрала телефон и посмотрела в окошко. Пейзаж был совершенно незнакомым, но обыденным и мирным. Это успокаивало. Вера глянула на часы. Без четверти три. Наверное, скоро приедем. И словно в подтверждение пожилая кондукторша зычно объявила:

— Большие Ковши! Готовимся на выход! Не задерживаемся!

Вера поднялась с места, взяла пакет, сняла с верхней полки сумку и двинулась к выходу. Вместе с ней автобус покидали трое: женщина с мальчиком лет десяти и молодой мужчина.

Въехав в большое селение, автобус остановился метров через сто. Вера замешкалась в дверях, и молодой человек помог ей с сумкой.

— Спасибо большое, — благодарно улыбнулась Вера.

— Не за что. — Он вернул ей улыбку, перешел дорогу и зашагал уверенной походкой человека, знающего, куда идет. «А вот в романе он непременно влюбился бы в меня с первого взгляда, мы бы познакомились, сошлись и все мои проблемы разом решились».

В реальной жизни Вера осталась одна на пыльной улице. Из соседнего дома, словно выросшего в землю по самые пыльные окна, доносилась громкая музыка. «Синий туман-а-а-н, похож на обман», — с пьяной сосредоточенностью перекрикивал Добрынина сиплый мужской голос.

— Заткнись, паскуда! Дай поспать, мне на работу идти! — визгливо проорала из глубины дома женщина. В ответ Добрынин и его поклонник заголосили еще громче.

Недалеко от остановки располагался небольшой магазинчик под названием «У тети Сони». «Куплю попить и шоколадку, — решила Вера, — заодно спрошу, как добраться до Корчей».

Магазинчик оказался небольшим, но уютным и чистеньким. Внутри было прохладно и малоллюдно: у кассы топталась очередь из трех человек. Обслуживала посетителей маленькая расторопная женщина. Видимо, та самая Соня. Вера решила купить бутылку минеральной воды без газа, батончик «Марса».

— Сонечка, мне батон, пакет кефира и ряженку.

— В бутылке или в пакете?

— В пакете, в пакете, — торопливо проговорила полная одышливая женщина с редкими серыми, неаккуратно подстриженными волосами. — А, чуть не забыла, еще соли дай. Пачку.

Рассчитавшись, женщина отошла от кассы и окинула Веру равнодушным взглядом.

— А вам что? — Тетя Соня с доброжелательной улыбкой смотрела на незнакомую клиентку. Всех местных, с Ковшей, она знала.

Вера поздоровалась и улыбнулась в ответ:

— «Бон акву» и «Марс», пожалуйста. — Она секунду подумала и добавила: — Два пакетных супа, майонез, хлеб и сыр голландский, если есть.

— Есть. А вы из города? Далеко едете? — поинтересовалась тетя Соня.

— Да, из города. И уже почти приехала, — ответила Вера, — мне надо в Корчи. Вы не знаете, это далеко?

Тетя Соня положила перед ней покупки и стала отсчитывать сдачу. Вере показалось, что ее улыбка стала несколько натянутой, да и с ответом продавщица медлила.

— Чё тебе там понадобилось? — грубо прокаркали со стороны входной двери. Оказывается, полная женщина с мышинными волосами не вышла из магазина и прислушивалась к разговору у прилавка.

— Значит, по важному делу надо, Анечка, раз так далеко забралась, — поспешила сгладить неловкость тетя Соня. — Вы на машине?

— Нет, на автобусе, — рассеянно произнесла Вера, обескураженная реакцией на свои слова.

— Туда ничего не ходит, — сказала тетя Соня со странной смесью опасения, раздражения и сочувствия в голосе, — придется пешком.

Оглушительно хлопнула входная дверь. Анечка вышла на улицу и, переваливаясь с ноги на ногу, заковыляла прочь.

— Так я и знала! — с досадой воскликнула Вера. — Далеко идти?

— Не очень. Полчаса, если быстрым шагом.

— Хоть это хорошо.

Тетя Соня поколебалась и повторила, в более деликатной форме, бестактный Аничкин вопрос:

— В самом деле, если не секрет, зачем вам туда?

— Никакой не секрет. Мне там дом достался от родственников. Вот, еду посмотреть, узнать, что к чему, — еще не договорив, Вера заметила, как вытянулось лицо собеседницы.

— Значит, наследница? — деревянным голосом откликнулась она. — Понятно...

— Что понятно? — нервно спросила Вера. — Извините, но вы обе как-то странно себя ведете! Получил человек наследство, и что с того?

— Да ничего, конечно! — засуетилась тетя Соня, не поднимая глаз, и зачем-то принялась перекладывать продукты на прилавке.

— А, — осенило Веру, — вы знаете, о каком доме речь? И там кто-то живет, да? Претендует на наследство? В этом все дело?

— Я знаю, что это за дом, — подтвердила продавщица. Губы ее поджались, меж бровей пролегла глубокая складка. — Но вы ошибаетесь, там никто не живет. Пойдемте, покажу, куда идти.

— Вы меня проводите? — удивилась Вера.

— Нет, у меня же магазин, не бросишь, — покачала головой тетя Соня, вышла из-за прилавка и пояснила на ходу, — просто покажу дорогу.

Она повесила картонную табличку «Перерыв» и заперла дверь. Женщины вышли на улицу и направились мимо автобусной остановки обратно к окраине поселка. Здесь,

недалеко от въезда в Большие Ковши, влево уходил проселок.

— Вот, вам сюда.

— Нормальная дорога, идти можно, — бодро отозвалась Вера. — Вон там, на холме, дома стоят — это и есть Корчи?

Тетя Соня утвердительно кивнула:

— Теперь доберетесь. Пойду, а то вдруг кто зайдет.

— Спасибо вам огромное, — сказала Вера, — проводили, показали... Не знаю, как вас благодарить!

— Ой, да ладно, что вы! — женщина повернулась и заспешила прочь.

— До свидания, — крикнула вдогонку Вера.

— Всего хорошего, — тетя Соня улыбнулась через плечо.

Вера поудобнее перехватила ручку сумки и двинулась по дороге, которая серой лентой вилась среди полей.

Лето в этом году началось в среду. И впервые Вера встречала его в самой настоящей деревне. Раньше она никогда не задумывалась о том, что всего в полутора часах езды от города встречаются такие места, как Корчи. Не то, чтобы сюда не дошли блага цивилизации: свет и вода в доме были. Даже старенький телевизор имелся.

Иной, словно вырванной из времени, была сама атмосфера — ощущение затерянности, невозможность выбраться из деревни иначе, как пешком, удобства на улице, отсутствие привычного слуху многоголосья большого города: автомобильных гудков, шороха шин, громких разговоров, музыки, обрывков рекламных слоганов, телефонных мелодий. Кстати, телефон ловил не везде, только в определенных точках.

Вера жила в Корчах уже четыре дня. Здесь оказалось всего шесть домов, включая полученный ею в наследство. Раньше это была большая деревня, но сейчас вся жизнь протекала возле основной трассы, в Больших Ковшах. А здесь, в этом «аппендиксе», доживали свой век деда да бабки, которым никуда не хотелось ехать. Или некуда было.

Этакое стариковское царство.

Раз в неделю, по понедельникам, в Корчи приезжал продуктовый автобус, который привозил чай, сахар, соль, макароны и еще что-то. Можно под заказ. Плюс каждый месяц доставляли пенсию. Овощи, фрукты, ягоды росли в саду-огороде, грибы — в лесу. В одном доме держали коз, в другом — корову, во всех без исключения — кур. За хозяйственными надобностями, а также в аптеку или больницу старики шли пешком до Больших Ковшей, поскольку автомобиля ни у кого не имелось.

На одинокую девушку, которая забрела в Корчи под вечер субботы, вышли поглазеть все местные жители. Событие нерядовое, но, как позже поняла Вера, дело было не только в том, что гости редко сюда заходили.

Имена соседей она скоро узнала. А в тот момент тетка Татьяна (как она сама представилась) с мужем Федором Степановичем, Маруся, дед Николай Семенович Емельянов (можно просто Семеныч) с женой Марией Сергеевной, бывшая учительница Ирина Матвеевна и братья Михаил и Кирилл Козловы — итого восемь человек, виделись ей просто пестрой кучкой стариков.

— Эт-та кто ж к нам пожаловал? — без обиняков поинтересовался Семеныч. — Заблудилась, что ли?

— Здравствуйте, — со всеми разом поздоровалась Вера. — Наверное, не заблудилась. Это ведь Корчи?

— Они самые, — подтвердил все тот же Семеныч. Остальные молчали.

— А где здесь дом номер четыре по улице Залесной, не подскажете?

Кто-то из стариков тихо ахнул, Михаил, старший из братьев Козловых, высокий и бровастый, отвернулся и сплюнул. Маруся перекрестилась и уставилась на Веру. Пауза затянулась.

— Я не понимаю, — заговорила было Вера.

Но тут вмешалась Ирина Матвеевна, интеллигентного вида пожилая дама в очках с золотистыми дужками. На ней единственной были не калоши или войлочные тапочки, а туфли без каблучков из мягкой коричневой кожи.

— Улица здесь теперь всего одна, а четвертый дом — вон он, — негромко ответила она.

Из толпы высунулась тетка Татьяна, женщина лет шестидесяти. У нее была своеобразная внешность: коротенькое и толстенькое, почти квадратное, тело, на котором помещалась маленькая головка с узким личиком. Будто взяли две детальки из детского конструктора, да и соединили вместе, не заботясь о пропорциях. Быстрые глазки, сильно выдающиеся вперед нос и рот придавали ей сходство с любопытной крольчихой.

— И надолго сюда? С вещичками-то?

— Пока не знаю.

— Вы кто Толмачевым будете? — продолжала допрос тетка Татьяна.

— Кому? — не поняла Вера. И тут же сообразила, что Толмачев — это фамилия отца. — Я дочь Владимира Толмачева, а мой дед — Игорь Толмачев. Папа давно уже умер, а дед примерно четыре года назад. Ни его, ни бабушку я никогда не видела. Мне письмо пришло, что я единственная наследница этого дома, вот и приехала взглянуть, — принялась объяснять Вера. Все настороженно слушали. Напряжение передалось и Вере, хотя она не могла уловить его природу. Снова эта необычная реакция на слова о наследстве!

— Может, поживу пока здесь, — неуверенно закончила она.

— Ну-ну. Вот, значит, оно как, — кивнула тетка Татьяна.

— Беда таперича будет, беда, — вдруг громко заголосила сухонькая старушка в клетчатом платке, низко надвинутом на лоб, смешно выговаривая «бьяда» и «таперича».

«Сумасшедшая!», — решила поначалу Вера, но наткнулась на взгляд старухи и поняла, что поторопилась с выводом. Из рта кликуши размеренно неслись горестные рулады, при этом выцветшие глаза, в которых светился ясный ум, цепко, с инквизиторской холодностью всматривались в лицо Веры.

— Возвернулася — теперь уж никуда не денисси, никому не жить тут! Окаянная ты, окаянная. Были нам знаки! Все видали, не все верили-и-и!

— Машка, что ты как на похоронах, — цыкнул на жену Семеныч. — Но вообще, да. Не к добру.

Все заговорили разом. Вера не могла ничего разобрать и растерянно вертела головой, пытаясь понять смысл происходящего.

— Хватит вам! Совсем запугали девушку! Пусть осмотрится, поживет. Может, и уедет, что ей с нами, стариками, делать? — зычным учительским голосом возвестила Ирина Матвеевна. — А вы, милая... Как вас, кстати, зовут?

Вера назвалась.

— А меня Ириной Матвеевной. Вы, Верочка, не обращайтесь внимания. Мы живем обособленно, своим мирком. Люди здесь не злые, сами увидите. Не сердитесь, пойдете, я провожу.

Они с Ириной Матвеевной пошли, наконец, к дому. Пожилая учительница сразу понравилась Вере. Бывает иногда, что человек, которого видишь впервые в жизни, кажется близким и давно знакомым.

Дом, полученный в наследство, оказался совсем не таким, как боялась Вера. Она ожидала увидеть почерневшую от времени ветхую, полуразвалившуюся деревянную лачугу, покосившийся забор, заросший сад — брошенный, неухоженный клочок земли. Дед умер несколько лет назад, бабушка, по всей видимости, и того раньше, так что за домом некому было присматривать. А может, они тут вообще не жили. Вера ведь ничего о них не знала.

Ирина Матвеевна оставила Веру любоваться своим имуществом, а сама отправилась домой. «Ваш дед оставил мне ключи, когда уезжал», — пояснила она. Дом стоял особняком.

Единственный на четной стороне улицы. Все остальные вытянулись немногочисленным строем напротив. Одноэтажный, с прочной на вид дверью и тремя глядевшими на улицу окнами, он был выстроен, вопреки Вериним ожиданиям, из белого кирпича.

За домом виднелась баня, небольшая и тоже кирпичная. Деревянный забор, который опоясывал участок, почти везде был целый, ровный, с аккуратной калиткой. Пройдя по периметру участка, Вера лишь в одном месте, возле яблони, увидела разрыв: в открывшемся провале на земле валялись гнилые черные доски. К крыльцу от калитки вела дорожка, выложенная плоскими каменными плитками, сквозь которые упорно пробивалась трава. Все выглядело добротным и обжитым. Обитаемым. И только большой сад был запущенным, заросшим травой и кустами.

Подошла Ирина Матвеевна с ключами на железном колечке.

— Заходите, Верочка, не стесняйтесь. Калитка не заперта, — улыбнулась она, — толкайте сильнее.

Они прошли по короткой дорожке к дому. Ключ повернулся в двери легко и без усилий, словно замок недавно смазали. Женщины попали в пустые сени — ни мусора, ни пыли, ни старой обуви. Деревянные крашеные полы и стены, лестница на чердак, небольшое окошко во двор. Идеальная чистота и пустота.

Дверь в жилую часть дома открывалась другим ключом из связки. Вера вошла в темное помещение. Ирина Матвеевна, протянув руку из сеней, нашарила слева выключатель. Свет вспыхнул, осветив коридорчик с пятью дверями: одна напротив, две с правой стороны, две — с левой.

За крайней левой дверью оказалась кухня, за остальными — комнаты. Рядом с кухней — просторная гостиная, «зала», пояснила Ирина Матвеевна. Остальные комнаты оказались практически одинаковыми по размеру, небольшими, в каждой — по одному окошку. Мебели почти не было, только в комнате напротив — кровать, тумбочка и шифоньер, в «зале» — низкий столик с телевизором и диван, в кухне — обеденный стол и три стула, несколько шкафчиков, рабочий стол для готовки, плита, маленький допотопный холодильник да белая раковина.

В коридорчике висело большое овальное зеркало.

— Ирина Матвеевна, я смотрю, на кухне кран. В доме есть вода?

— Да, Верочка. На участке собственная скважина, ваш дед провел воду прямо в дом и баню. Очень удобно! Он был строителем. Вы, наверное, знаете.

Вера ничего такого про деда не знала. Равно как и про бабушку, и про отца. Она неопределенно промычала что-то в ответ и стала осматриваться дальше.

— Ирина Матвеевна, это вы приглядывали за домом?

— Простите? — не поняла та.

— Здесь очень ухожено, — пояснила Вера. — В заброшенных домах всюду тенета, грязь, а здесь и окна вымыты, и полы. Это вы прибрались?

— Нет, Верочка. Сюда никто не заходил за последние семнадцать лет, почти с самой смерти Валентины Андреевны, вашей бабушки. Чудесная была женщина, мы с ней дружили.

Вера недоверчиво уставилась на Ирину Матвеевну.

— Вы серьезно? Семнадцать лет? Но это невозможно!

Та, не переступая порога, стояла в сенях и смотрела на Веру. Ей показалось, пожилая женщина хотела что-то сказать. Но передумала.

— Вы устраивайтесь, Верочка. У вас есть что покушать? Если нет, приходите ко мне на

ужин. И вообще приходите. Я живу коричневом доме с зеленой крышей. Не буду вам мешать, — и она быстро ретировалась, словно опасаясь расспросов.

Вера осталась одна. Остаток дня прошел в домашних хлопотах: она умылась, разобрала сумку и пакеты, повесила вещи в шкаф в комнате напротив, которую решила сделать спальней. Прошла по всему дому, заглядывая в каждый угол.

Зашла в баню, решив спросить попозже у Ирины Матвеевны, как ее топить. Там было свежо и чистенько, готово к помывке или стирке. Ковши, тазики, даже пара веников на веревке под потолком. Чудеса, да и только.

Вера на скорую руку приготовила себе ужин. Благо, посуда нашлась, в том числе кастрюли, сковородки, чайник. Все, разумеется, кристальной чистоты. Вода из крана текла не ржавая, прозрачная, хотя и тонкой струйкой.

Завтра надо в магазин сходить, решила Вера. Помыла посуду и аккуратно придвинула стул к столу.

Ужасно хотелось спать: день выдался невероятно длинный, нервный, трудный. Она настолько устала, что даже о Марате не думалось. Застелив кровать постельным бельем в яркую разноцветную клетку, Вера с наслаждением потянулась всем телом и подумала: «На новом месте приснись жених невесте». Грустно усмехнулась и заснула, прежде чем усмешка сошла с губ.

Глава 6

Следующие дни пролетели незаметно. Самым ярким впечатлением воскресенья стала баня. По совету Ирины Матвеевны Вера купила дрова у братьев Козловых, которые обеспечивали ими всю деревню, и обратилась за помощью к Семенычу. Он охотно показал, как топить баню, где включить воду и прочие премудрости. Правда, Вере подумалось, что ему натерпится скорее уйти с территории ее участка. Но, возможно, это только показалось.

Его жена Мария Сергеевна больше не вешала дурным голосом и без платка показалась Вере моложе, чем накануне вечером. У нее был высокий лоб и патрицианский нос, что придавало старухе смутное сходство с Анной Ахматовой. Мария Сергеевна пытливно ощупывала Веру внимательным взором, но, встречая ответный взгляд, всякий раз отворачивалась. А в целом Емельянова вела себя совершенно нормально. Даже поинтересовалась, как «соседушка» спала на новом месте.

Намылась Вера славно. Пошла, когда было не слишком жарко, и просидела в бане с перерывами часа два. Смывала с себя городскую и дорожную грязь, а вместе с ней выпаривала из пор застарелые обиды, переживания, страхи, ревность. К тому же подкрасила корни волос и сделала маску из голубой глины. После бани она чувствовала себя новой, легкой и прекрасной женщиной, у которой все впереди. Это вам не душ за пятнадцать минут принять: так и чувствуешь, что каждая клеточка задышала.

В Ковши она в этот день так и не выбралась, решила дожидаться продуктового автобуса. Из продуктов оставался хлеб и пакетный суп, вдобавок Вера купила у Ирины Матвеевны яиц. К тому же вечером соседка пригласила ее к себе на чай с пирогами.

Пироги были отменные, чай душистый, собеседница замечательная. За разговором Вера заочно познакомилась со всеми жителями Корчей. Узнала, что у тетки Татьяны и Федора Степановича, которые жили в первом доме на въезде в Корчи, детей не было. Он был старше жены на десять лет, привез Татьяну откуда-то из-под Самары. Всю жизнь они проработали на молокозаводе в Больших Ковшах. Федор Степанович больше сорока лет трудился шофером и ушел на пенсию только из-за нарастающих проблем со зрением. До сих пор во дворе их дома стоит проржавленная «буханка», списанная с баланса и подаренная руководством. Когда крепко выпьет, рассказывала Ирина Матвеевна, Федор обычно садиться за руль и плачет. Потом засыпает там же, в машине, и жена, кряхтя и чертыхаясь, тащит его домой, сонного и жалкого.

Колоритная чета Емельяновых жила в самом центре Корчей, между домами Маруси и Ирины Матвеевны. Дом у них самый большой и самый неопрятный, потому что Мария Сергеевна все делала исключительно в охотку, в том числе и занималась хозяйством. Была она, как выразилась Ирина Матвеевна, женщина импульсивная. («Оно и видно», — заметила про себя Вера). А поскольку желание наводить чистоту возникало у Емельяновой от силы пару раз в год, то и вид у дома был соответствующий. Во дворе вечно валялись дырявые ведра и тазы, громоздились кучи мусора и ботвы, забор и сам дом не красили лет пятнадцать или больше, одна ставня почти отвалилась и кособоко висела на ржавой петле.

Зато огород, непреходящая страсть Марии Сергеевны, был в образцовом порядке, как ни у кого другого. Помидоры и огурцы всегда самые крупные и вкусные, редиска и морковь — одна к одной, на зависть, картошка, тыква и яблоки — круглобокие и ровные. Детей у Емельяновых родилось целых пятеро, но двое сыновей умерли молодыми, один безвылазно

сидел в тюрьме. Старшая дочь жила в Казани, младшая — в Москве. Детей ни у той, ни у другой не было, родителей дочери навещали редко. Так что, произведя на свет пятерых детей, ни одного внука старики так и не дождались, да уже и не дождутся, и это было предметом постоянных сетований Семеныча.

Зато у Маруси обратная ситуация: единственная одна дочь, Анна, которая с мужем жила в Больших Ковшах, оказалась плодовита, как крольчиха. У Маруси шестеро внуков и один правнук. Дочь и внуки часто навещались сюда, Анна постоянно звала мать переехать к ней в Ковши, но та, несмотря на мягкость характера неизменно отказывалось.

Никто никогда не звал Марусю по имени-отчеству, хотя ей было уже далеко за семьдесят, как и Ирине Матвеевне. Всю жизнь она проработала в районной поликлинике медсестрой, а муж, Петр Никитич, был врачом, которого до сих пор во всей округе вспоминали с любовью и уважением. Он умер давно, прямо как чеховский доктор Дымов: приехал по вызову в одну из дальних деревень, стал спасать задыхающегося от скарлатины ребенка, заразился сам и вскоре скончался. Маруся, которая боготворила и обожала мужа, так до конца и не смирилась с его смертью. В ее доме рядом с иконами висела большая фотография супруга, на стуле — пиджак, в котором Петр Никитич ездил на работу, и говорила она о муже в настоящем времени.

Братья Козловы жили на окраине Корчей, в добротном большом доме. Были они похожи друг на друга, немногословны и основательны. Раньше Козловы жили с женами и детьми — у того и другого было по одному сыну. Но лет семь назад умерла от инфаркта жена младшего брата, Кирилла, а через год — жена Михаила. Сыновья уехали из деревни много лет назад, появившись только на похоронах матери и тетки.

Сын Кирилла, тоже Кирилл, был военным, он приехал с высокой сутулой женщиной — женой, и ее сыном от первого мужа. Своих детей у него быть не могло, потому что в подростковом возрасте он переболел свинкой. Два Кирилла встретились как чужие и расстались без сожаления. Кирилл — старший корнями врос в Корчинскую землю, а Кирилл — младший был отрезанный ломоть, что могло их связывать? Скорее всего, следующая встреча состоится снова на чьих-нибудь на похоронах.

Неизвестно, кем был сын Михаила, но после его приезда разговоры о шикарной машине, роскошном пальто и «всей из себя» приехавшей с ним фифе не утихали неделю...

Жены остались на кладбище, сыновья приехали и уехали, и братья Козловы жили теперь вдвоем. Рубили лес на дрова, распахивали себе и другим за плату огороды, держали коз, ловили рыбу на Глубоком озере, которое находилось, оказывается, совсем рядом с деревней. Там было на самом деле очень глубоко, до сих пор водилась рыба, а вот купаться местные не рисковали: вода ледяная, а дно илистое и вязкое.

Про себя Ирина Матвеевна рассказывала мало и неохотно. Приехала в Большие Ковши из города по распределению после пединститута, да так и осталась. Выйти замуж «не получилось», хотя в ее жизни, как поняла Вера, была печальная любовная история. Ирина Матвеевна больше тридцати лет работала школьной учительницей, преподавала русский язык и литературу. Теперь вот на пенсии — что тут рассказывать?

Вера не настаивала. Ей ведь тоже не слишком хотелось говорить о себе. Ирина Матвеевна это поняла и тактично не расспрашивала о причинах внезапного визита на родину предков.

Засиделись чуть не до ночи. Вера помогла вымыть посуду и ушла домой, получив на прощание к завтраку большой кусок яблочного пирога.

Заснула она, едва опустив голову на подушку. Она вообще засыпала здесь моментально: бессонница, которая мучила ее в Казани, исчезла без следа. Теперь Вера спала крепко, без сновидений, не просыпаясь до утра.

Почти вся следующая неделя пролетела в хлопотах. В понедельник приехал продуктовый автобус, и Вера до отказа забила холодильник. Вдобавок купила у Марии Сергеевны овощей, в том числе и законсервированных, а у Ирины Матвеевны — десяток яиц. Договорилась с Татьяной, которая держала корову, о покупке молока раз в два дня. Корову почему-то звали Галкой.

Вера рьяно взялась за дела по оформлению дома. Побывала в филиале Владимирской администрации в Больших Ковшах, съездила в саму администрацию, представила все нужные документы, долго подписывала бесконечные бумажки и заявления. В целом все прошло на удивление быстро и гладко: уже через месяц она станет законной, документально подтвержденной земле- и домовладелицей.

Каждый вечер, ложась спать, Вера с удовлетворением отмечала, что вполне довольна жизнью. И почти не думает о бывшем муже. Вернее, у нее почти получается не вспоминать о нем. Она надеялась, что однажды, когда пройдет какое-то время, память проявит милосердие и перестанет постоянно выталкивать на поверхность сознания жесты бывшего мужа, его привычки, словечки, манеру хмурить брови и откидывать со лбы волосы. Улыбку, шуточки, смех, запах его кожи. И тогда она научится быть счастливой без него. Не назло ему, не вопреки предательству и не в пику его личному благополучию. А просто так — сама по себе. Сумеет освободиться, чтобы открыть себя чему-то новому.

В пятницу, когда ездить по делам уже было не нужно, Вера решила навести порядок в доме и на участке, потому что собиралась в субботу позвать на шашлыки Светку с семьей.

Было начало восьмого, встать не хотелось. Вера нежилась в кровати, лениво размышляя о том, как удивилась бы мама, если бы узнала, что от отцовских родственников, с которыми она прервала всяческое общение, ее дочери достался такой замечательный дом и сад. Интересно все же, что произошло между ними и матерью.

Вере всегда хотелось больше знать об отце и его семье, но мать никогда ни о чем не рассказывала, не делилась воспоминаниями, не показывала семейных архивов. В том, что отец вообще существовал на свете и был женат на ней, Веру убеждали только свадебные фотографии, глубоко запрятанные в дальний ящик стола.

Что за людьми были дед с бабкой, как и почему отец умер таким молодым? Мать упорно обходила эту тему молчанием. Была она женщиной замкнутой, необщительной, даже мрачной. Со свадебных фотографий и снимков ранней юности на Веру смотрела хохочущая жизнерадостная девушка с густой челкой и длинными роскошными волосами. Но такой — легкой, радостной, беззаботной — Вера свою мать не знала.

Всю жизнь Зоя Васильевна Андреева проработала на швейной фабрике. Пришла после училища и получила койко-место в общежитии. Уходила на пенсию мастером, но и тогда продолжала шить и кроить на заказ, потому что запас карман не тянет и лишняя копейка в доме не помешает. Сколько Вера себя помнила, они жили в общежитии швейников на улице Крымской. В той самой комнате, которую с огромным трудом удалось приватизировать, а затем и продать. Чтобы, в конечном счете, потерять из-за глупой доверчивости Веры.

А ведь мать так гордилась, что ей, детдомовской девчонке, которой никто не помогал, удалось оставить дочке вполне приличное жилье!.. Зоя Васильевна не хотела, чтобы дочь повторила ее судьбу и всю жизнь подрубала подолы, пришивала пуговицы и строчила карманы. Мать мечтала, что девочка получит высшее образование и станет трудиться в тихом, красивом месте, а не в душном цеху.

Вера никогда не отличалась блестящими успехами в учебе, однако на то, чтобы без взяток и блата с первого раза поступить на библиотечный факультет, знаний хватило. Учеба в институте доставляла удовольствие и давалась куда легче, чем в школе, потому что там не было математики, химии и физики. Она на радость маме сдавала сессии без хвостов и в итоге получила диплом без троек. Ей предложили остаться работать в институтской библиотеке, где она проходила практику и подрабатывала летом, и Вера согласилась. Так и проработала больше пяти лет после окончания учебы, и была, по сути, всем довольна. По крайней мере, о смене места работы всерьез не задумывалась.

Кстати, о месте работы. Ездить отсюда в город будет сложновато. Вера работала по графику, неделю через неделю, с восьми до восьми. Добираться придется по два часа — пешком, автобусом до города, потом от автовокзала до института. А обратный путь? Интересно, до какого часа ходят рейсовые автобусы во Владимирское? Или, может, взять в кредит машину?

Ладно, как говорила Скарлетт, подумаем об этом завтра. В конце концов, у нее отпуск! Вера спрыгнула с кровати, босиком побежала на кухню. Теплый деревянный пол словно целовал пятки: так приятно было ступать по нему. Вера мельком глянула в окно, посмотрела

на дом Ирины Матвеевны, и подумала: вот кого можно расспросить о родителях и деде с бабкой. Она должна была хорошо их знать. Надо как-нибудь опять напроситься на чай. К себе приглашать, похоже, бесполезно: Ирина Матвеевна неизменно отказывалась переступать порог дома, выдумывая всевозможные неуклюжие предлоги.

Поставив чайник на плиту, Вера набрала Светкин номер. Та ответила сразу, будто не выпускала телефон из рук.

— Привет, пропащая! — радостно заорала она.

— Привет! — захохотала в ответ Вера и поняла, что страшно соскучилась.

— Что, совсем забыла нас, городских, в своей деревне?

— Замоталась совсем, прости! Но я исправлюсь! Хочу позвать в гости! Шашлыки замутим, баньку затопим — у меня знаешь, какая баня? И сад! Ксюшке будет, где побегать. Приедете?

— А с бумажками как?

— Да нормально все с ними, — отмахнулась Вера, — приедете или нет? В субботу.

— Конечно, раз приглашаешь!

— Витек не будет против?

— Не будет. Я тебе не говорила, он после командировки загудел, не просыхал с субботы до среды. Ему отгула дали, ну и... Сама понимаешь, — в голосе Светы прозвучала едва заметная горечь.

— Сейчас-то остановился? — озабоченно спросила Вера.

— Ясное дело, в четверг же на работу пошел. Теперь не пьет. Ходит, как пришибленный, угождает. А, ну его... Когда приезжать?

— Да прямо с утра, Витек поможет баню топить.

— Что привезти? — деловито осведомилась Светка.

— Ничего не надо, — попыталась отказаться Вера.

— Как это «не надо»? Не с пустыми же руками ехать на новоселье! И ты вроде только дом получила, а не миллион баксов. Мы тоже в столе поучаствуем. Давай привезем выпивку...

— Так Витек же не пьет!

— Мы с тобой зато пьем! — отрезала Светка. — Я возьму пару бутылочек красного вина, сок куплю, колбасу, сыр. Мангал привезем, он у нас всегда в багажнике болтается. А с тебя шашлыки и овощи, договорились?

— Договорились, — смеясь, согласилась Вера.

Она подробно объяснила подруге, как ехать в Корчи, Светка пообещала приехать к одиннадцати, на том и распрощались. Настроение от общения с подругой стало еще лучше. Вера позавтракала и решила подняться на чердак — она там пока не была. К тому же надо бы в Ковши сходить, купить все к столу. И занавески присмотреть, а то окна голые. Дел полно, начнем, пожалуй, с чердака.

Лестница туда вела из сеней. Вера полезла наверх по скрипучим ступенькам, толкнула дверцу и попала в просторное пустое помещение. Два небольших оконца освещали его слабо, но вполне достаточно, чтобы Вера сумела разглядеть сундук у дальней стены. К нему и направилась, осторожно ступая по полу. Сундук оказался незапертым. Вера откинула тяжелую крышку и ахнула от восторга. Внутри оказались занавески, темные и тюлевые, а на дне — половики и дорожки.

Вера перетащила это богатство вниз. Здесь были комплекты на все окна, дорожки она

постелила в спальне и в «зале», а два полосатых коврика — в прихожей и в сенях. Как ни странно, занавески не требовалось стирать, они были в отличном состоянии — выстираны и выглажены. Вера решила просто освежить их, развесив во дворе, а вечером повесить на окна.

Этот дом словно ждал ее. Она давно заметила, что он был не совсем обычным. Взять хотя бы чистоту. За все время, что Вера тут жила, она ни разу не протерла пыль — даже в день приезда! Ее попросту не было. Вообще. Она не скапливалась в углах, на столах и полках, не висела в воздухе, не укутывала серым покрывалом подоконники. Необходимость мыть полы тоже отсутствовала.

Однажды вечером Вера налила себе сладкого чаю с молоком и пошла в «залу» посмотреть телевизор. По пути не вписалась в косяк и расплескала содержимое чашки. Решила, что вытрет лужу позже: по телевизору начиналась очередная передача с Андреем Малаховым. Следя за словесными баталиями на экране, Вера совершенно забыла о липком пятне на полу. А когда передача закончилась, собралась взять тряпку и вытереть его. Но вытереть оказалось нечего — все исчезло. Вера внимательно осмотрела пол, но от сладкой лужицы не осталось и следа. «Куда оно могла деться?» — растерянно соображала Вера.

Возможно, дом расположен в каком-то особом, хорошем месте. В мире ведь много непонятного. Вера читала, что святая вода не цветет, а на старинные иконы не ложится пыль. Может, и тут нечто подобное — положительная энергетика и все такое?

Разобравшись с занавесками и ковриками, Вера вышла во двор. Обходя заросший сад, порадовалась, что в этом году сможет поесть свои собственные яблоки, малину и вишню. Внезапно она остановилась как вкопанная. Возле одной из трех яблонь в день своего приезда Вера заметила дыру в заборе, которая выглядела словно рот с выбитыми зубами. Теперь ее не было. Доски ровным строем окаймляли участок.

— Наверное, это было возле другой яблони, — неуверенно произнесла Вера. И хотя точно знала, что видела дыру именно здесь, для собственного успокоения обошла весь сад и тщательно осмотрела забор. Никаких дыр в нем не было.

Отремонтировать ограду никто не мог — кому это нужно? Тогда что произошло? Получается, забор починился сам собой, как в сказке. Вера озадаченно потерла переносицу. Забор отремонтировался, пятно от чая пропало, пыли нет, занавески словно вчера выстирали и выгладили... На нее повеяло холодком, как из раскрытого холодильника. Вера попыталась заглушить в себе зарождающееся беспокойство. Она не будет об этом думать, не станет портить свое хорошее настроение из-за какого-то забора. Тем более, он починился, а не сломался! Наверняка существует простое логическое объяснение, просто пока оно ускользает от ее внимания.

Она развернулась и пошла в дом. Переделась в голубое платье в крупный белый горох, положила в сумку кошелек, телефон, ключи. Составила подробный список покупок, она всегда так делала, чтобы ничего не забыть. Привычка, надежно привитая мамой с самого детства.

Надоело, конечно, ногами мерить километры, но ничего не поделаешь. По крайней мере, для фигуры полезно, и на том спасибо.

Глава 8

Семейство Сюкеевых прибыло точнехонько в одиннадцать. Подружки, визжа от восторга, расцеловались у калитки. Вера схватила на руки и затормозила застенчивую Ксюшу («Ух, какая ты большущая стала, я тебя не узнала!»). Немногословный Витек снисходительно поглядывал на женскую возню и улыбался.

Светка, как всегда, была в невесомой кофточке и джинсовых шортах, едва прикрывающих объемную попу. Вера тоже надела светло-зеленые шорты и белую футболку с надписью «Прорвемся!».

Прежде чем осмотреть дом, решили, по выражению Витька, «накрыть поляну», выгрузить из машины мангал и снесь. Расположились в саду, под вишнями, где был врыт в землю небольшой столик и пара скамеек.

Витек отправился топить баню, после собираясь заняться шашлыком. Ксюшка радостно носилась по саду, время от времени подбегая к матери и показывая то найденную корявую ветку, («Мам, она как рука у Бабы-яги!»), то смешного жука, то еще что-то.

Вера передавала Светке через раскрытое окошко кухни кастрюлю с замаринованным мясом, помидоры, огурцы, яблоки, груши, кетчуп, салфетки, хлеб, посуду, блюдо вареной картошки, заботливо укутанное в одеяло.

Болтали без умолку, будто не виделись года два. Про Верины походы по инстанциям, про местных жителей, про Ксюшкин насморк, про Светкину работу и даже — вполголоса — про запой Витька.

— Классно тут у тебя, прямо не верится! — с восторгом приговаривала Света. — Ты у нас богатенький Буратино! Ксюшка, приедем малину есть, как созреет. Пригласишь, тетя Вера?

— Уже приглашаю!

— Кстати, — будто только вспомнив, невзначай оборонила Светка, — я на днях твоего видела.

— Никакой он не мой, — отрезала Вера.

— У подъезда столкнулись, — проигнорировала ее слова Светка. Она была убеждена, что у подруги с Маратом не окончательное расставание, а временная размолвка. — Не поздоровался: обиделся на меня! Зыркнул и дальше пошел. Один был.

Светка украдкой бросила на Веру испытывающий взгляд.

— Пёс с ним. Хоть один, хоть впятером. — Вера старалась говорить о муже равнодушно, но в груди немедленно заныло, заболело. Света заметила и круто сменила тему:

— Пошли-ка дом посмотреть!

— Ой, точно! Заработались! — спохватилась Вера и стала громко звать Ксюшу.

Та подбежала и выжидательно уставилась на мать и тетю Веру.

— Пойдем, посмотрим тети-Верин домик, — весело сказала Светка.

Взяла дочь за руку, и они вместе поднялись на крыльцо. Вера пошла первой и заговорила, как экскурсовод:

— Вот здесь у меня сени.

— А лесенка куда? — спросила Ксюшка.

— На чердак.

— А кто там живет?

— Никто не живет, не приставай к тете Вере, — одернула дочку Света.

— Она не пристаёт! Интересно же, да, малыш?

— Веди уже дальше, — ухмыльнулась Светка, — так и будем в сенях торчать?

— Баня уже топится! — отрапортовал подошедший Витек.

— Молодчага! — Света обняла мужа и посмотрела на него снизу вверх. — А мы дом смотрим.

— Вот это — прихожая. Тут кухня, здесь — большая комната и моя спальня, — перечисляла Вера, — а там я пока не знаю, что. Просто комнаты.

— Так красиво! Здорово! — Света бегала по дому, всюду заглядывала и восхищенно ахала.

— Мебели, правда, маловато.

— Были бы кости — мясо нарастет, — резонно заметила Светка.

Витек осматривался медленно, обстоятельно. Ничего не говорил, но по выражению лица было видно, что дом понравился и ему.

В этой суматохе они совсем забыли про Ксюшку, которая, оказывается, все это время так и стояла у стены возле входной двери.

— Дочь, а ты чего там? Иди, смотри, какой домик хороший! — Света подошла к девочке и присела возле нее на корточки.

Ксюшка не двигалась с места и упрямо смотрела в пол. Светка попыталась взять малышку за руку, но та с неожиданной силой вырвалась.

— Да что с тобой? Почему не слушаешься? Смотри, какой домик хороший, — неуверенно улыбаясь, повторила Света.

— Он не хороший! — вдруг громко выкрикнула Ксюшка. — Я туда не пойду!

Взрослые растерянно переглядывались.

— Она никогда так себя не вела! Вить, что это с ней?

— А я откуда знаю! — откликнулся Витек. — Может, на солнце перегрелась?

— Хочу в сад, — верещала Ксюшка. — Там тетя!

— Где? — удивилась Вера.

— Там! — Ксюшка показывала пальцем на зеркало.

— Малыш, там никого нет. Наверное, это просто наши отражения.

— Нет, там тетя! — упорно твердила Ксюшка. — Хочу в сад!

Витек взял девочку за руку.

— Пошли, пошли, доча.

Они вышли из дома. Подруги переглянулись.

— Извини, Вер. — Светке было неловко.

— Да брось, это же ребенок. Мало ли что ей показалось. Просто думала, вы у меня заночуете. — Вера огорчилась чуть не до слез.

— Мы бы так и так уехали — Витек любит дома ночевать, — попыталась успокоить ее Светка.

— Пойду отнесу полотенца в баню, а ты возьми лечо, овощную икру и маринованные грибы из холодильника. Они в вазочках. Я тут у одной старухи купила — ум отъешь.

Вера взяла приготовленные полотенца и вышла. «Вот еще один человек, которому не душе мой дом, — уныло думала она, — такое впечатление, что здесь плохо всем, кроме меня».

Через полтора — два часа, выпив бутылку вина и основательно закусив, Светка и Вера

отправились в баню. Ксюшка — с ними. Витек решил пойти после них, а пока дожарить шашлыки. Света быстро вымыла дочку, одела ее, розовую и горячую, в предбаннике, и отправила к отцу.

Подруги решили выпарить лишний жирок и вдарить вениками по целлюлиту. Распаренные и расслабленные, отхлестав друг друга по бокам и натерев животы медом с солью, подружки валялись на лавке и болтали.

— А вообще что ты решила?

— В смысле? — лениво осведомилась Вера.

— С домом. Оставишь как дачу? Или продашь?

— Продать не продам. Место непопулярное, от трассы далеко, — задумчиво заговорила Вера, — народ избалованный пошел, за нормальные деньги никто не купит. А дешевить не хочется — дом хороший, участок большой, баня.

— Угу, — неуверенно промычала Светка.

— Можно, конечно, как дачу оставить, летом приезжать. Но я собираюсь здесь жить.

Вера вдруг отчетливо поняла, что именно этого и хочет больше всего: остаться здесь навсегда.

— Ты уверена? А работа? От города далеко!

— Придумаю что-нибудь. Я же неделю через неделю работаю. Можно машину в кредит взять. Права у меня есть.

— Можно, — нерешительно подтвердила Светка.

— А что — лучше по съемным квартирам мотаться? — Вера начала заводитьсь, чувствуя внутреннее сопротивление подруги.

— Вер, разве ты сможешь жить в деревне? — вдруг горячо заговорила Вера. — Здесь же одни старики, а если они помрут? Ты одна останешься? В чистом поле! Не страшно?

— «Страшно»! — передразнила Вера. — Что ты, как Ксюшка?

— Между прочим, меня тоже твой дом пугает! — выкрикнула Света и осеклась.

— Как? — опешила Вера. — Тебя? Чем пугает? Я живу здесь неделю, и все отлично.

— Ладно, извини, — проямлила Светка.

Но Вера закусила удила. Что такое, в самом деле? Что за детские игры?

— Нет, не ладно! Ничего не ладно! Договаривай! Что такого в моем доме?

Светка стремительно соскочила с лавки и ополоснула лицо прохладной водой.

— Только не сердись, Вер. Просто когда ты ушла с полотенцами, я осталась одна в доме, — она замялась, — и мне показалось, за мной кто-то следит! Как будто даже дышит. Ты меня знаешь, я не психичка, но... Я полезла в холодильник, достала все, и боковым зрением вижу — в коридоре что-то движется!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Чушь какая. — Вера тоже села и, нахмурившись, слушала подругу.

— Нет, не чушь! Никакая не... В общем, я вышла в коридор, думала, может, ты вернулась, — сбивчиво, глотая слова, говорила Светка. — В твоей спальне — шаги! Очень четко было слышно! Шаги и такой звук, как будто кто-то раздвинул занавески. Захожу в спальню — никого!

— Конечно, никого! Свет, ты что? — раздражение закипало, нарастало, поднималось откуда-то изнутри. Вера с трудом сдерживалась, чтобы не наговорить грубостей.

— Да то! — выкрикнула Света. Волнение мешало ей сформулировать мысли, она запинаясь, видела, что подруга ей не верит, и это выводило ее из себя. — Мне стало

страшно, как в ужастике, чуть всю посуду не перебила! Взмокла вся! Из спальни выскочила и бегом к двери. А потом... Не знаю, как объяснить... Мне показалось, что коридор удлиняется! Как во сне, идешь, идешь — и в то же время топчешься на месте. Прошла мимо двери — а она опять рядом! Знаю, как это звучит! — Светка предостерегающе подняла руку. — Но все было именно так! Я как начну молиться: Господи, говорю, помоги мне выйти! Зажмурилась, пошла и уперлась лбом в дверь.

Света откинула волосы со лба и перевела дух.

— Короче, я бы ни за что в твоём доме не стала ночевать. Даже одну ночь! А уж жить!.. Ребенок, Вера, тоже, между прочим, почувствовал, — с победной ноткой в голосе закончила она.

Вера чувствовала себя странно. Она слышала Свету и ... не слышала. Уши заложило, подступила тошнота. В ней душной тяжелой волной поднималась ярость. Захотелось взять что-то тяжелое и ударить Светку изо всех сил! Бить ее, бить, пока не заверещит, как свинья на бойне. Она и есть мерзкая свинья! Жирная и противная, с этими уродливыми складками на животе и боках. «Я пригласила ее в свой дом, а она пытается его опоганить!» Ненависть к Свете буквально перехватила горло. «Грязная тварь! Хочет выжить меня из собственного дома!» — стучало в мозгу.

Одновременно Вера сама испугалась силы своего гнева, беспричинной злости и неизвестно откуда взявшейся ненависти к подруге. Это было необъяснимо и странно, и.... больше Вера ничего не помнила.

Очнулась в предбаннике, завернутая в большое мохнатое полотенце. Света плескала ей в лицо водой, гладила по мокрым волосам и причитала:

— Вера, Верочка, ты как? Что с тобой? Сердце? Тебе лучше?

— Все нормально, — слабым голосом проговорила Вера. — Что случилось?

— Может, скорую, а?

Вера покачала головой и повторила:

— Что со мной случилось?

— Это я, дура, виновата! Расстроила тебя! — сокрушалась Света. — Говорила — говорила, а ты слушала, а потом вдруг побелела вся, заорала что-то и как грохнешься! Я чуть не умерла! Схватила тебя под мышки и поволокла сюда.

Вера все вспомнила — и слова Светы, и свою реакцию.

«Что это было? Никогда в жизни ни на кого так не злилась, даже на Марата. А уж на Свету...» Вера виновато покосилась на подругу. Та стояла на коленях, красная, несчастная, ничего не понимающая. Похоже, винила себя во всех смертных грехах. Чувство стыда стало настолько сильным, что Вера отвела глаза и расплакалась. Света незамедлительно поддержала подругу. Так их и нашел через некоторое время Витек.

— Вот и пьяные слезы, — добродушно заметил он. — Идите, пока мы с Ксюхой все шашлыки не слопали.

Остаток вечера, несмотря на тягостную сцену в бане, прошел отлично. Они ели, подтрунивали друг над другом, болтали обо всякой чепухе, даже Витек разговорился. Потом немного потанцевали, хохоча над Ксюшиными па, и только ближе к восьми вечера Сюкеевы засобирались домой. Вера положила им с собой шашлыка, грибов, овощей и лечо, усадила Ксюшку в автомобильное кресло и пристегнула ремни.

Предложить им переночевать она не решилась.

Все долго и бурно обещали друг другу чаще встречаться, целовались, обнимались и,

наконец, синяя «восьмерка» скрылась за поворотом, а Вера устало побрела домой мыть посуду.

Баня, вино, вкусная еда, бурные эмоции — эта гремучая смесь быстро уложила Веру в кровать. Она с трудом нашла силы прибраться на кухне, но так и не сумела продержаться до Светкиного звонка: та обещала сказать, как они добрались до дому.

В ту ночь Вера впервые за все время, проведенное в новом доме, увидела сон. Точнее, кошмар. Она шла по коридору своего нового дома, только он почему-то был длинным и извилистым. Шла чересчур медленно, как это часто бывает во сне. Двигалась вдоль стены, опираясь на нее одной рукой, держа во второй фонарик. За спиной слышались шаги, но стоило ей остановиться, как шаги тоже замирали. Она оглядывалась и никого не видела.

Наконец добралась до зеркала и заглянула в него. Поверхность зеркала была похожа на пруд, она двигалась и словно бы переливалась волнами. Ее лицо там не отражалось! От ужаса перехватило горло, она силилась и никак не могла закричать. Отойти прочь, отвернуться тоже не получалось: тело словно онемело, ноги, как каменные колонны, намертво вросли в пол. И тут зеркальная поверхность словно бы забурилась, потом стала ровной, и на ней проступило женское лицо. Приглядевшись, Вера ахнула — это же Светка! Подруга что-то кричала, но слов слышно не было. Внезапно Света подняла руки к лицу, словно защищаясь от чего-то, отвернулась, и в этот миг ее утатило назад. Зеркало сразу стало обычным, и в нем отразилось Верино бледное перепуганное лицо. Она застучала по зеркалу кулаком, стала звать Свету и...проснулась, мокрая как мышь, боясь повернуться с боку на бок, с колотящимся сердцем.

Стояла ясная глубокая ночь, за окном висело неровное желтое полукружье луны. «Нечего было столько есть и пить на ночь», — подумала Вера. Вот и результат — приснится же такое! Постепенно отдышавшись и успокоившись, она снова заснула.

Было почти десять утра, когда Вера, зевая во весь рот и чувствуя себя разбитой, выбралась на кухню. Отключила телефон от зарядки и глянула на экранчик. Странно: Светка, оказывается, так и не позвонила. А Вера-то думала, что проспала подружкин звонок! «Наверное, тоже вырубилась вчера», — усмехнулась она, набирая знакомый номер.

— Да, — откликнулась трубка.

— Светик, это я, привет! — заговорила Вера и запоздало сообразила, что ответил ей мужчина. — Простите, а с кем я говорю? Мне нужна Светлана.

— Это Виктор.

От звука неузнаваемого, чужого голоса, вялого и тихого, непохожего на обычный громкий бас, Вере стало страшно, как в давешнем сне.

— Витя? — севшим голосом вымолвила она, уже понимая, что случилось что-то нехорошее. — Это Вера, я хотела узнать, как у вас дела, как добрались?

Витек некоторое время молчал, потом послышались сдавленные хрипы. «Он же плачет!» — ужаснулась Вера и заголосила:

— Витя, Витя, пожалуйста, не молчи, скажи, что случилось? Что-то со Светкой, с Ксюшей, да? Витя!

— С Ксюхой ... хорошо. Ни царапины. Как и на мне. А Света, — голос его сорвался, и Витек снова заплакал.

— Что со Светой? — Веру словно окунули в прорубь с ледяной водой. — Она жива?

— Жива пока. В реанимации. Я с ней. Мы с Ксюхой.

— Витя, в какой вы больнице? Я сейчас же приеду! Что-то привезти? Лекарства или еще что?

— Ничего не привози, — глухо отозвался Витек и объяснил, где лежит Света. — Только к ней не пускают.

— Ничего, я все равно приеду. Уже выхожу!

Веру трясло, слезы лились сплошным потоком, руки дрожали, она никак не могла застегнуть джинсы. «Это из-за меня, — стучало в голове, — они приехали сюда, ко мне! Если бы не я, ничего бы не случилось».

Она схватила сумку, выскочила из дома и понеслась по улице, чуть не сбив с ног тетку Татьяну.

— Доброе утро! — размеренно поздоровалась та.

— Доброе, — машинально откликнулась Вера.

— Случилось чё? Чё ревешь?

— Подруга... вчера приезжала... в плохом состоянии, — на ходу проговорила она, не замедляя шага.

— Да-а-а-а, — протянула тетка Татьяна, глядя вслед убегающей Вере. — Чё делается, господи!

Света лежала в пятнадцатой городской, куда чаще всего и привозили по «скорой» жертв аварий, падений и пьяных дебошей. В реанимацию Веру не пустили, но поговорить с врачом удалось. Тот пояснил, что в результате сильного удара головой у Светы отек мозга и ствола мозга. Она не приходит в сознание и не может самостоятельно дышать, поэтому подключена к аппарату искусственной вентиляции легких.

«Она выживет?» — еле выговорила Вера. И получила сухой ответ: «Скорее всего, нет». Врач, наверное, навиделся всякого, и смерть стала для него обыденным делом. Он скривился, услышав, как зарыдала Вера, и быстро пошел прочь по широкой лестнице с витыми перилами из темного металла.

Витек кое-как сумел рассказать, что авария произошла на подъезде к городу. Все было в порядке: Светка дремала, Ксюшка давно сопела на заднем сиденье, тихо журчала магнитола. И машин-то не было, трасса почти пустая, сокрушался Витек, не понимая, как он, водитель с двенадцатилетним стажем, ни разу не попадавший в серьезные аварии, мог не вписаться в обычный поворот. Машину на полной скорости занесло, развернуло и ударило о столб точнехонько со стороны переднего пассажирского сиденья. Витек заорал, пытаясь вывернуть руль, Ксюшка тоненько завизжала в своем кресле, а Светка проснулась, но не успела толком ничего понять, вскинула руку к лицу и...

Витек винил себя. Плакал, обхватив голову ручищами. Ксюша спала на кожаном диване в сестринской, куда ее пустили сердобольные медсестры. Домой они так и не ездили, ночевали в больнице.

— Езжайте, Вить! Я тут побуду. Если что, позвоню.

— Не поеду, — обрубил Витек.

— Ксюшка устала, она же совсем маленькая, — уговаривала Вера.

В итоге сама повезла малышку домой и пробыла у Сюкеевых до вечера, пока не приехала зареванная Витина мать и не осталась с ребенком. Светины родители умерли, ждали только старшую сестру, которая жила в Мурманске.

Домой в Корчи Вера попала только в понедельник вечером. Они с Витьком по очереди дежурили в коридоре, хотя толку от этого не было никакого. Помочь ничем не могли, к

Свете их не пускали. В понедельник, в шестнадцать пятнадцать, она на мгновение пришла в сознание. Широко раскрыв глаза, кривила губы, словно пытаюсь что-то сказать. После впала в кому, о чем врач спокойно сообщил Вере и Витьку.

— Здесь не сидите — мешаете! Звоните, узнавайте о ее состоянии вот по этому номеру, — доктор протянул бумажку с неровно накарябанными цифрами.

Витек поехал домой, к дочери и матери. Вера — в Корчи. Пряча друг от друга взгляд, договорились «созваниваться, если что».

Впервые, подходя к своему дому, Вера почувствовала смутное, неясное беспокойство. Дом казался присевшим на корточки за поворотом. Замершим в ожидании чего-то.

— Верочка! — заспешила навстречу Ирина Матвеевна. — Что случилось? Татьяна сказала, что-то с вашей подругой? Как она?

— Плохо. Была авария. Она умирает, — отрывисто проговорила Вера. Плакать она была уже не в состоянии.

Ирина Матвеевна прижала руки ко рту.

— Умирает? Горе какое, господи! А дочка, муж — не пострадали?

— Нет, они в порядке. Только Света.

Ирина Матвеевна обняла Веру за плечи и повела к себе.

— Пойдем, детка, я тебя чаем напою, покушаешь. У тебя же дома, наверное, никакой еды? Ничего, что я на «ты»?

Успокоительно что-то приговаривая, она усадила гостью к окошку, налила горячего супа, нарезала хлеб, вытащила из холодильника молоко в синей глиняной кружке. Налила чаю, поставила на стол блины и вазочку с вареньем. В последний раз Вера ела в субботу, и сейчас поняла, что жутко проголодалась.

Окно было открыто и затянуто марлей от комаров. Прохладный ветерок лениво трепал старомодные тюлевые занавески. Когда-то, целую вечность назад, они со Светкой вот так же сидели на кухоньке, разговаривали, обсуждали что-то, казавшееся важным и первостепенным, и не имеющее теперь никакого значения...

— Ирина Матвеевна, спасибо вам. Извините, я вас так объела, — смущенно сказала Вера, отодвигая пустую тарелку.

— Глупости, милая! Пей чай, блины только что испекла.

— Спасибо, — еще раз поблагодарила Вера, — очень вкусно. У меня такие красивые никогда не получают. Вечно горят.

— Я тебя научу, — улыбнулась Ирина Матвеевна. — Давай-ка и я с тобой за компанию чаю выпью.

Неожиданно Вера вспомнила, что хотела поговорить с соседкой о родственниках. Момент был подходящий, и она решилась:

— Скажите, Ирина Матвеевна, вы хорошо знали мою семью?

Губы пожилой женщины едва заметно дрогнули, но ответ прозвучал абсолютно спокойно:

— Знала. А как же? Я ждала, что ты спросишь. Мать тебе ничего не рассказывала о них, ведь так?

— Так, — подтвердила Вера, — я даже фотографий не видела. Знаю только, что папа трагически погиб.

— Забавно, что о своей семье ты спрашиваешь именно меня.

— Почему забавно?

— Потому что я была когда-то влюблена в твоего деда, — просто ответила Ирина Матвеевна. — Из-за него поначалу здесь и осталась, не вернулась в город. А потом привыкла, не захотела уезжать. Но Игорь выбрал не меня. Наверное, и не подозревал, как я к нему отношусь. Хотя, возможно, догадывался. Разве такое скроешь? А я больше уж никого не смогла полюбить. Так одна и живу.

— Печально, — сочувственно оборонила Вера, не зная, что сказать.

— Теперь уже нет, — возразила Ирина Матвеевна, задумчиво глядя в окно. — Слишком много времени прошло.

Она покачала головой, отгоняя прочь воспоминания, и продолжила:

— Игорь родился в 26-м, он старше меня на девять лет. Рос у своей тетки, в Казани. У нее было двое своих сыновей, и еще вот племянника приютила. Она давно умерла, до войны. Двоюродные братья Игоря погибли на фронте.

— А его собственные родители? Мои прадед и прабабка?

— Точно не знаю, Верочка, — замялась Ирина Матвеевна, — сам он никогда про них не говорил, а люди, сама знаешь, всякое болтают. Вроде бы произошел несчастный случай. Пожар. Они погибли, а Игорь, единственный сын, остался. Так вот, в 43-м его взяли на фронт. Представляешь, до Берлина дошел — и ни одного ранения! Демобилизовался только в пятидесятом году, но сразу в Корчи не вернулся. Поступил в городе в строительный институт, выучился заочно, после и приехал. Пока большую дорогу из города не проложили, здесь крепкая деревня была и колхоз «Ясная заря». Это потом, как Корчи оказались в стороне от основной трассы, жизнь стала постепенно замирать, люди перебирались поближе к Большим Ковшам. Потом там и молокозавод построили, а Корчи... Ты и сама видишь.

Ирина Матвеевна сделала маленький глоток чаю, немного помолчала и продолжила:

— Игорь приехал сюда в 55-м, а я — через год. Видела бы ты его! Статный, высоченный, на актера Тихонова немножко похож. По характеру легкий, заводной... Но, знаешь, не легкомысленный, просто умел человек жизни радоваться и людей радовать. Все у него в руках кипело, энергии хоть отбавляй. Кажется, тронь за плечо — искры полетят. Работал на стройках: после войны много строили — клуб, школу, больницу. Да еще родительский дом возводил, тот самый, где ты живешь, — по кирпичику поднимал, своими руками, в одиночку. Почти пять лет строил, в сарайчике ночевал. Так радовался, когда закончил!

Вера впервые слышала о своих родных и впитывала информацию почти благоговейно, затаив дыхание.

— А потом с ним что-то случилось. Он прожил в своем новом доме недолго, меньше года, и внезапно бросил все, уволился с работы и уехал, — в голосе Ирины Матвеевны слышались отголоски давних переживаний. — Игорь сильно переменялся, Верочка. Неузнаваемо. Стал совсем другим, молчаливым, замкнутым. Как подменили человека! Ни с кем не поговорит, глаза прячет. Нервный, раздражительный. Два раза подрался сильно, хотя раньше руки ни на кого не понимал. Я пыталась у него узнать, что происходит, но он ничего мне так и не объяснил. А однажды утром постучал ко мне, открываю — стоит с чемоданом в руке. Уезжаю, говорит, и, наверное, не вернусь. Сунул мне ключи от дома, на всякий случай, но ходить туда запретил. Я на всю жизнь запомнила его лицо! Никогда, говорит, не смей там появляться — а сам смотрит, как зверь затравленный. Я, конечно, переполошилась, стала его тормозить: в чем дело, что случилось. Игорь вроде хотел ответить, но передумал. Развернулся и пошел.

— И все? — разочарованно протянула Вера. — Больше вы не виделись?

— Почему, виделись, — Ирина Матвеевна пристально посмотрела на нее. — И прожили по соседству долгие годы. Он ведь вернулся сюда. С женой, сыном, невесткой и внучкой.

— Получается, мои родители тоже здесь жили? И... я? — потрясенно выдохнула Вера. — Но мама... мама никогда не рассказывала... Хотя она вообще ничего не рассказывала.

— Видимо, у нее были на то причины, дорогая.

— А когда они вернулись? Почему?

— Лично я уверена: будь его воля, Игорь никогда бы сюда не приехал! Но так уж сложилось. Его близкий друг, Саша Волков, царствие ему небесное, поддерживал с ним связь. И рассказывал мне об Игоре. Подробностей не знаю, но сначала, как уехал в начале шестидесятых, он жил где-то в Сибири, работал на комсомольских стройках. Там и с женой своей будущей познакомился, твоей бабушкой. А в 63-м твой папа родился. Примерно тогда они и вернулись в Казань. Вместе на одном предприятии работали, он в ремонтно-строительном отделе, а она экономистом. Квартиру им дали, двухкомнатную. Саша говорил, хорошая квартира, на четвертом этаже, он на новоселье ездил. Вроде все у них хорошо было, и слава богу. Я к тому времени любовью своей переболела, про Игоря просто как про друга у Саши спрашивала. Радовалась, когда он дедом стал. А через два года они сюда перебрались. Не знаю, Верочка, имею ли я право тебе это говорить, — пожилая женщина замолчала, нахмурилась и принялась нервно тереть скатерть.

— Ирина Матвеевна, мне нужно как можно больше узнать про своих родных, а больше мне спросить некого, вы же знаете! — взмолилась Вера.

— Да я вроде сплетница какая-то получаюсь! Людей уж на свете нету, а я грязное белье на свет выволакиваю, — с сомнением проговорила Ирина Матвеевна.

— Ну, пожалуйста, я же сама спрашиваю! Никакие это не сплетни, что вы, в самом деле! Я ведь не посторонний человек! Это несправедливо, что вы все знаете, а я — ничего. Это ведь мои родственники!

— Хорошо, хорошо, Верочка, убедила! — сдалась Ирина Матвеевна. — Одним словом, твой отец был... зависимым человеком.

— Пил? — быстро спросила Вера.

— Нет, не пил. Играл в карты и, к сожалению, много проигрывал. Намучились они с ним. Это уж мне потом Валя рассказывала, когда они приехали. Правда, больше слушала, чем другим про себя говорила. Такая уж была, редко откровенничала. Мы с ней подругами были, но некоторые вещи от нее нипочем не узнаешь! Мне кажется, ты очень на Валюшу похожа. И внешне — темноглазая, нос у тебя бабушкин. И по характеру — искренний человек, но душу никому не открываешь, до конца о себе не рассказываешь.

Веры улыбнулась и ничего не ответила.

— Валя говорила, Володя институт бросил, хотя учился хорошо, — вернулась к рассказу Ирина Матвеевна. — Нигде не работал. Пришлось с людьми договариваться, фальшивую запись в трудовой делать: тогда ведь за тунеядство и посадить могли. Валя с Игорем так радовались, когда Володя с Зоей познакомился! Очень она им нравилась: трудолюбивая, порядочная, скромная, жизнерадостная девочка. Надеялись, бросит игру, все наладится... Поначалу так и вышло, а потом еще хуже стало. Вещи из дома стал таскать, деньги воровать. А уж они с Зоей женаты были, ты родилась. В конце концов Володя проиграл огромную сумму. Сколько — не скажу, но квартиру им пришлось продать. Иначе бы живым его не

оставили. Валя с Игорем так боялись за Зою, за тебя! Ты совсем малышка была, двух лет не исполнилось!

— Ужас какой...

— Врагу не пожелаешь. Так они опять здесь и оказались — жить ведь где-то надо было!

— Где-то надо было, — механически повторила Вера. Она сама оказалась в Корчах по той же причине.

— Вот как бывает в жизни, — вздохнула Ирина Матвеевна. — Игорь с Валею, пожилые люди, уважаемые, а жилья на старости лет лишились! Они и пенсионерами работали, но тут уж пришлось перестать — не наездишься туда и обратно каждый день. Валя говорила, одно хорошо: ни одного картежника ближе, чем на пятьдесят километров!

— Неужели после всего этого он стал бы играть?! — воскликнула Вера.

Ирина Матвеевна мрачно усмехнулась:

— Алкаши квартиры-машины пропивают, жен теряют, работы лишаются, а все одно — пьют. И твой отец запросто мог за старое взяться. Хотя, конечно, теперь уж не узнаешь, как оно было бы. Играть Володьке было не с кем, сидел взаперти в деревне, под присмотром семьи, и не рыпался. Игорь был совсем как раньше — громогласный, подвижный, шумный, энергичный. Только с брюшком и почти вся голова седая. Валя тут быстро прижилась, перезнакомилась со всеми. Они такие люди были хорошие, отзывчивые. Володька, конечно, сторонился всех, пришибленный ходил, чувствовал, что на него косо смотрят. Деревня-то маленькая, ничего не скроешь. Конечно, все про все знали. Осуждали его, что родителей и жену с дочкой без крыши над головой оставил. Мама твоя ко двору пришлась: простая такая, общительная...

— Мама? Фантастика какая-то, — не удержалась Вера.

— Чему ты удивляешься?

— Нет, нет, ничего, не обращайтесь внимания.

— Так вот, примерно через полгода после переезда опять началось.

— Что началось?

— Как тебе сказать... Что-то стало происходить. Игорь все больше мрачнел. Валя в себе замыкалась, глаза у нее то и дело были красные, заплаканные. Игоря частенько стали видеть пьяным. Ссорились они все между собой, выясняли что-то, кричали друг на друга — слышно было. А однажды Валя пришла ко мне, села вот так же на кухне, голову на руки уронила и расплакалась. Я к ней — что случилось? А она: Зоя хочет с Володькой развестись. Опять что ли, спрашиваю, за старое взялся? Нет, говорит, но Зоя уехать собирается, больше не хочет здесь жить. И вдруг как выкрикнет: а кто бы захотел?!

— Выходит, мама с папой развелись?

— Нет, не успели, — покачала головой Ирина Максимовна, — вечером того же дня Володя пропал.

— Как так — пропал? Ушел куда-то?

— Никуда он не уходил, Верочка. Был дома, в их с Зоей комнате, той, что напротив входной двери. Все остальные на кухне сидели, и никто не видел, чтобы он мимо них к выходу шел. В окно тоже не вылезал: зима, снегу намело, а следов под окнами не было. Да и зачем ему понадобилось бы в окно лезть? Весь дом перерыли сверху донизу, милиция обыскивала и сад, и баню. Искали всей деревней, тогда здесь домов двадцать было, а может, и больше. И к озеру ходили, и в поля, и собак заставляли след брать. Все без толку. А через три дня, опять под вечер, нашелся.

Ирина Матвеевна зябко поежилась и бросила взгляд на темное, распахнутое в глухую ночь окно. «Надо бы закрыть. Холодно что-то».

— И где? — Вера подалась вперед. — Где он был?

— Все в той же комнате. Лежал на полу. Мертвый.

— Как? — ахнула Вера, ничего не понимая.

— Я сама видела, как его нашли. Помню, Валя так страшно закричала, все соседи сбежались. Володя лежал посреди комнаты, на спине. А лицо... Это было самое страшное, что я видела в жизни, — голос Ирина Матвеевны стал едва слышным. — Оно было...худое.

— Худое? — недоуменно переспросила Вера.

— Володя был плотный, крепко сбитый такой, и лицо круглое. А тут лежал перед нами скелет, высохший, тощий. Щеки ввалились, губы истончились. Ручки как пруттики.

— Но это же абсурд! Это невозможно! Так исхудать за три дня!

— Вид у него был, как будто он не ел гораздо дольше, чем три дня, — твердо заявила Ирина Матвеевна.

— От чего он умер? — отрывисто спросила Вера.

— Вскрытие показало, от истощения. У него даже дышать сил не было.

— Ничего не понимаю. — Вера потерла пальцами виски.

— Не ты одна. Никто не понимал. А дальше все пошло под откос. Зоя сразу же забрала тебя и уехала. Получила на руки свидетельство о смерти, чтобы пенсию ребенку платили, и сбежала. И на похороны не осталась. Валя потом говорила, Зоя запретила им с Игорем встречаться с внучкой, попрощалась навсегда. Как они убивались, словами не выскажешь! Враз и сына схоронили, и внучки лишились. Игорь совсем поседел, да и Валя сдала: постарела, сгорбилась.

— Они ни разу не пытались увидеть меня и маму?

Ирина Матвеевна пожала плечами.

— Видимо, считали, что раз Зоя не хочет, то и... Валя с Игорем не захотели оставаться в доме. Игорь привез из города строительный вагончик, они установили его во дворе и переехали туда. Так и жили с 87-го года, а дом заперли. Не ходили туда.

— Они что, считали, дело в доме? — недоверчиво спросила Вера.

— Много чего разного тогда говорили, — уклончиво ответила Ирина Матвеевна. — В том числе и про дом.

— Они жили там до смерти? Поймите, вы говорили, дед умер не в Корчах!

— Да, он умер не здесь. Года через три после смерти Володи Валя заболела. У нее нашли рак. Оперировали, облучали, словом, спасли. Она после этого ударилась в религию. Каждый день в церковь на службу ходила, в Ковши, там как раз храм после перестройки возвели, ты, видела, наверное.

Вера кивнула.

— Стала ходить в платке, говорила только на религиозные темы. О прощении, спасении, искуплении. В монастыри ездила, жила там подолгу. Игоря пыталась обратить. А потом решила освятить дом. У нее это превратилось в навязчивую идею: Валя твердила, что здесь дурное место, проклятое. В итоге пригласила батюшку, отца Михаила, и они впервые за несколько лет открыли дом. Что там делали, что увидели, не знаю, они вошли вдвоем. Игорь и мы, соседи, конечно, смотрели, но внутрь не входили. Не было их примерно час. Слышалось, как священник молитвы читал. А потом все резко стихло, и через некоторое время Валя стала кричать. Несколько человек кинулись в дом, в том числе и мы с Игорем.

Валя и отец Михаил были в коридоре, она пыталась его поднять, твердила, что у него плохо с сердцем. А он лежал на спине и тихонько стонал. Жалобно так, тоненько. Мы кое-как вытащили его из дому. Помню, Игорь запер дом, а ключи сунул мне в руку, так они у меня и остались. Пока тебе не отдала. «Скорая» приехала быстро, но отца Михаила спасти не сумели: умер по пути в больницу. А вскоре и Валя померла. Она после того случая как помешанная стала. Ни слова больше не вымолвила, не здоровалась ни с кем. В церковь перестала ходить. Умерла тихо, во сне.

— Когда это случилось? — негромко спросила Вера.

— 14 ноября 94-го года. Похоронили ее на местном кладбище, рядом с сыном. И Игоря после здесь же схоронили, — печально проговорила Ирина Матвеевна.

— Он надолго пережил бабушку?

— На тринадцать лет.

— Дедушка сразу уехал? Где он жил?

— Сначала жил в вагончике. Опустился, стал много пить. За собой не следил. Я приходила, убирала у него, приносила еду. Сердце разрывалось видеть его таким. Зимой предложила Игорю перебраться сюда, ко мне. Холодно, а он забывал топить печку. Он ведь был совсем старик. Я боялась, как бы не замерз. Игорь согласился. Стал жить вон в той комнате, — Ирина Матвеевна слабо махнула рукой влево. — Прожил около двух лет. Но прежним так и не стал. В нем жил страх, Верочка. Он вздрагивал от каждого шороха, оглядывался, прислушивался, что-то бормотал. Мы никогда, ни разу не говорили с ним о том, что случилось с его семьей. Я боялась поднимать эту тему. Игорь пил, конечно. Но я была спокойна, что он хотя бы не мерзнет, не голодает. А потом он совсем сдал. С головой стало плохо: заговаривался, иногда не узнавал меня. То ему казалось, что под домом кто-то роет подземный ход, то рассказывал, что у него воруют деньги. Казалось, кто-то охотится на него, и он стал спать с молотком под подушкой. Я жила как на вулкане: прятала от него ножи и вилки, успокаивала, когда он просыпался по ночам и плакал, искала его по всей деревне, когда убегал. Очень устала, почти перестала спать, давление скакало... Но, наверное, терпела бы и дальше, если бы однажды ночью не увидела, как Игорь крадется к моей кровати с молотком в руке, — Ирина Матвеевна сцепила руки в замок и прикусила губу. — Не знаю, что ему пригрезилось, но он точно забил бы меня до смерти, если бы я его не заметила. Короче говоря, невропатолог направил Игоря к психиатру. Выяснилось, у него острый старческий психоз, или что-то в этом роде. Его увезли в город, в лечебницу. Психиатрическую. Он пробыл там много лет, до самой смерти. Я навещала его, когда была возможность. Иногда он узнавал меня, но чаще нет. И никогда не вспоминал, что у него была семья. Наверное, такое свойство памяти. То, что причиняло ему боль, он вычеркнул. А потом умер, мы с Сашей забрали его тело, организовали похороны.

Ирина Матвеевна замолчала, глаза ее увлажнились. Вера судорожно вздохнула, чтобы прогнать подступающие слезы и выдавила:

— Спасибо вам. Простите меня. Я так виновата! Вы ухаживали за моим дедом, хоронили его, а я...

— Что ты, Верочка! — горячо возразила пожилая женщина. — Успокойся, глупенькая! Перестань себя упрекать! Здесь нет твоей вины, ты даже не знала ни о чем. Так уж вышло.

— Вышло хуже некуда. Оказывается, у меня в семье сплошные трагедии. Отец умер неизвестно от чего, бабушка с дедом под конец жизни лишились рассудка. И я обо всем только сейчас узнаю!

Ирина Матвеевна сочувственно кивала.

— Голова идет кругом, не могу со всем этим свыкнуться.

— Ой, — вскинулась хозяйка, — а время-то! Почти полночь!

— Надо же, я и не заметила, — тускло произнесла Вера, — вам, наверное, спать пора.

— Не во мне дело! Это тебе надо отдохнуть. Может, заночуешь у меня? Вон, глаза слипаются! Иди, ложись.

Вера предприняла слабую попытку возразить, но быстро сдалась. Ей и в самом деле хотелось быстрее дойти до кровати, упасть и заснуть. К тому же она поймала себя на мысли, что ночевать дома сегодня не хочется.

Проснувшись утром, Вера не сразу сообразила, где находится. Окно было не слева, а справа, занавески другие, и вся комната тесно заставлена мебелью. Она лежала на огромной кровати с железными шишечками, заботливо укутанная легким пуховым одеялом. На таком ложе не спишь, а почиваешь. Выбравшись из кровати, с наслаждением потерла руками поясницу, застелила постель и отправилась во двор, к рукомойнику.

Ирина Матвеевна, видимо, давно встала и уже хлопотала на кухне. Увидев в дверях умытую, посвежевшую Веру, улыбнулась:

— С добрым утром, милая. Как спала? Садись к столу.

— Доброе утро, Ирина Матвеевна. Спасибо, отлично выспалась! Что же вы меня не разбудили, я бы с завтраком помогла!

— Не стой в дверях, садись, — снова позвала Ирина Матвеевна. — Яичница с колбасой, творожные оладьи с повидлом, любишь?

— Я не голодная, — неуверенно ответила она.

— И слушать ничего не желаю! — замахала руками Ирина Матвеевна. — Завтрак — самая важная еда. Меня так учили, и, как видишь, дожила до семидесяти шести!

— Весомый аргумент! — засмеялась Вера.

Аппетит и вправду пришел во время еды. Яичница оказалась такая, какую она любила: колбаса хорошо прожарена, а желтки чуть жидковатые.

— Спасибо вам за все-все, Ирина Матвеевна. Знаете, у меня такое чувство, будто я нашла свою бабушку, — призналась Вера.

— Милая ты моя, хорошая девочка! До чего приятно такое слышать! Я ведь совсем одна осталась.

Ирина Матвеевна потянулась к Вере и ласково погладила по руке.

— На правах почти бабушки хочу спросить: чем сегодня думаешь заняться? Отдохнешь?

Вера покачала головой:

— Некогда отдыхать. Съезжу на работу, надо взять одну справку. Потом — в банк, подам заявку на кредит.

— Собираешься взять кредит?

— Угу, — кивнула Вера, — надеюсь, не откажут.

— Зачем тебе понадобились деньги?

— Думаю машину купить. Подержанную, наверное... Хотя, может, и новую. Смотря на какую денег хватит.

— Ты умеешь водить? — поинтересовалась Ирина Матвеевна.

— Умею, у меня давно уже права есть. Практики маловато было, но это ничего. Здесь, в Корчах, покатаюсь, подучусь. Машина — вещь нужная. Сколько можно от продуктового автобуса зависеть и пешком в Ковши топать?

— Верочка, — осторожно начала Ирина Матвеевна, — ты что, собралась остаться? Хочешь поселиться в Корчах?

— У меня просто нет другого выхода. — Вера отодвинула тарелку и стала помешивать чай маленькой изящной ложечкой. Вздохнула и решила:

— Мой гражданский муж... короче, я застала его с другой. Узнала, что он всегда изменял мне, с разными женщинами. И ушла от него.

Вера вкратце рассказала свою невеселую историю и подытожила:

— Как видите, идти мне некуда и жить негде.

— Что тут скажешь, Верочка, — вздохнула Ирина Матвеевна, рассеянно перебирая яблоки в старомодной вазе на массивной стеклянной ножке. — Бог ему судья. А снимать жильё...

— Дорого, — отрезала Вера, — не с моей копеечной зарплатой. Да и смысла не вижу, если есть прекрасный дом! От города далековато, но куплю машину — и проблема, считай, решена.

Видно было, что Ирина Матвеевна хочет сказать что-то, но колеблется. Она неуверенно взглянула на Веру и тихо произнесла:

— После всего, что я тебе вчера наговорила, ты не боишься жить здесь?

— Ирина Матвеевна! Вы образованный, умный человек! — досадливо проговорила Вера. — Неужели вы верите в сказки про заколдованный дом?

— Не думаю, что такие уж сказки. А верю я тому, что видела своими глазами, — прохладно ответила Ирина Матвеевна.

— Ну, подумайте, — торопливо заговорила Вера, — отец мог начать худеть задолго до смерти. Вы же говорили, он жил затворником, вот никто ничего и не замечал! А те три дня он наверняка где-то прятался и потом тихонько пробрался в дом. Согласитесь, такое могло быть! Бабушкина смерть вполне естественна, и нет ничего странного, что у них с дедом помутилось в голове. Такое пережить! Мамино желание развестись с отцом и уехать тоже вполне объяснимо, это случается сплошь и рядом. При чем здесь дом?

— А тебе не кажется, что в этом доме слишком многое случилось?

— Одна трагедия влекла за собой другую, — пожала плечами Вера. — Случилось немало, но винить в этом постройку! Средневековье какое-то. Знаете, что я думаю? Люди внушили себе, что там есть что-то зловещее, вот и рассматривают все факты под этим углом.

— Но неужели ты сама не видишь ничего странного в своем доме? — ломким голосом спросила Ирина Матвеевна.

— Ничего, — быстро проговорила Вера и осеклась.

Странности, несомненно, имелись. Правда, они, скорее, не пугали, а помогали. А как быть со Светкиной историей? Светка-то не знала, что местные связывали с домом всякие ужасы!

Ирина Матвеевна выжидательно уставилась на нее. Вера почувствовала, как глубоко внутри нарастает гнев: и без того забот невпроворот, единственная подруга при смерти, а тут сиди — рассуждай с суеверной пенсионеркой про какую-то чушь!

— Я прожила в доме больше недели и ничего плохого не заметила! — чуть громче, чем нужно, сказала она. — Сплю крепко, ничего подозрительного не вижу.

— А может быть, это только пока? — Ирина Матвеевна не желала сдавать позиции. — Поначалу и с Игорем все было в порядке!

— Ирина Матвеевна, дорогая моя, не хочу вас обижать, но этот разговор бессмыслен. Я остаюсь здесь, это мое окончательное решение.

Вера увидела, как губы у пожилой женщины дрогнули, и поспешно добавила, желая смягчить свою резкость:

— Но если бы я и захотела уехать, мне некуда, понимаете?

— Ну что ж, дело твое. — Ирина Матвеевна встала и двинулась к раковине. — Не сердись на старуху. Я хотела как лучше.

— И вы на меня.

Вера тоже поднялась и стала убирать со стола посуду.

— Завтрак был — пальчики оближешь.

— Оставь посуду, Верочка, я сама, — запротестовала пожилая женщина.

Вера подошла к Ирине Матвеевна и обняла ее, прижавшись щекой к мягкому плечу.

— Нет, вы уж позвольте мне хоть как-то вам помочь.

Легкая натянутость, возникшая было между ними, рассеялась. Вера покончила с посудой и проговорила, вытирая руки:

— Хотела еще попросить вас... Собираюсь сходить к своим, на кладбище. Объясните мне, как туда добраться?

— Конечно, милая. Это совсем близко. Надо идти не к Большим Ковшам, а в противоположную сторону, к Глубокому озеру. Выходишь из Корчей — и идешь все время прямо. До первой развилки. А там, как в сказке. Налево — озеро. Направо — кладбище. Ег сразу видно будет, не перепутаешь. На кладбище тоже легко разобраться: аллея одна, второй поворот направо, и совсем рядом — твои. Мне сходить с тобой?

— Спасибо, я должна одна. — Вера убрала за ухо непослушную прядь. — Прямо сейчас и пойду. Вы не дадите мне цветов из сада? А то в первый раз — и с пустыми руками.

— Господи, конечно! У меня поздние тюльпаны как раз расцвели — очень красивые, — подхватила Ирина Матвеевна, — обязательно отнеси! Твоим приятно будет.

Она сходила в палисадник, нарвала большой букет и вручила девушке.

Дошла Вера быстро — минут через пятнадцать уже была на месте. Свернула с главной аллеи направо и почти сразу наткнулась на знакомые фамилии. Вот они: отец, дедушка и бабушка. Три скромных креста с металлическими табличками выстроились рядышком. Чуть поодаль виднелось еще одно, темное от времени надгробие — Владимир и Варвара Толмачевы. Умерли в один день — 2 августа.

Все захоронения — в образцовом порядке: ни листвы, ни мусора. Оградки выкрашены, на холмиках зеленеет симпатичная травка, растут мелкие розовые и белые цветочки. Потрясенная такой заботой Вера еще раз мысленно поблагодарила Ирину Матвеевну.

Она разделила свой большой букет и положила по несколько тюльпанов на все могилы.

— Теперь сама буду присматривать за вами, — пообещала Вера, — я вернулась.

Боли и тоски не было — она ведь не помнила ни папу, ни бабушку, ни деда. О существовании прадеда и прабабки даже не подозревала, вплоть до вчерашнего дня. Так что оплакивать никого из них не могла. Ей лишь было немного грустно, как это всегда бывает на кладбищах. Но одновременно и радостно, что она нашла-таки своих предков. «Вот они — люди, которым я обязана тем, что живу на свете», — подумала Вера.

Постояв еще немного у дорогих могил, она вслух попрощалась с родными и ушла, не оборачиваясь. Оглядываться на кладбище нельзя, это ей сказала материна подруга тетя Лида, когда они хоронили маму.

— Не вздумай, Верка! Назад не смотри — к себе позовет! — поучала она заплаканную Веру. Верить или не верить — дело хозяйское, но уж больно убежденно говорила тетя Лида. Вот жутковатые слова и врезались в память.

Вернувшись в Корчи, Вера заскочила домой, быстро привела себя в порядок, переделась, взяла необходимые документы и двинулась по дороге в Большие Ковши.

По пути набрала номер реанимации. Состояние Светы было по-прежнему стабильно тяжелое. Она почти дошла до Больших Ковшей, когда навстречу попала Мария Сергеевна

Емельянова.

— В Ковши? — вместо приветствия пробурчала она.

— В Ковши, — откликнулась Вера и хотела пройти мимо, как вдруг Мария Сергеевна остановила ее вопросом:

— А подружка твоя как? Которая хворая? Чё с ей?

— В реанимации. При смерти.

— Вона оно как. Чего («чяво») деется, — покачала головой Мария Сергеевна и двинулась в Корчи.

Вера быстро зашагала в противоположную сторону.

Почти дойдя до остановки, решила зайти в местную школу. Ей пришло в голову, что там наверняка имеется библиотека. Может, найдется и свободная вакансия? Работать ближе к дому было бы здорово.

Опасения Ирины Матвеевны не убавили желания Веры остаться в Корчах. Возможно, ей не хватало воображения, но она верила лишь тому, что видела, слышала, могла потрогать руками. Ее вера в Бога носила условный характер: она просто на всякий случай изредка ходила в церковь. Мистика, колдовство, предчувствия, порча, сглаз, экстрасенсорика — все, что было за гранью осязаемого, раз и навсегда научно-объясненного мира, было вне ее понимания. Человек рационального склада, земной и логичный, Вера никогда не интересовалась такими вещами, не верила в них и потому не боялась.

Где в Больших Ковшах школа, Вера уже знала, и решительно направилась туда. Быстро выяснив местонахождение библиотеки, поднялась на второй этаж и открыла обшарпанную деревянную дверь.

— Перепелкин, почему сдаешь книгу в таком состоянии? Ты что, на ней чай пил и селедку ел? — громко сердилась библиотечкарь, женщина неопределенного возраста и крайне непривлекательной наружности. Высокая, сутулая, плоскогрудая и плоскозадая, с полными икрами, тусклыми волосами — пегими у корней и желтыми на концах, тонкими губами и большим носом, который унылым крючком загибался к подбородку. Как ни пытайся смотреть ей в глаза, взгляд все равно упирается в нос.

Библиотечкарь нависала над тощим рыжим Перепелкиным, а тот без тени боязни хитро косил в сторону Веры ореховыми глазами.

— Я ничё не делал, — скучливо гудел он, с любопытством разглядывая посетительницу.

— Больше ни одного учебника у меня не получишь. Пусть твои родители сами покупают! Потратят разок собственные деньги, быстро научат тебя обращаться с книгами. Все, иди.

Перепелкин ушел. Библиотечкарьша сосредоточенно переключивала бумажки, не обращая внимания на застывшую возле каталогов Веру.

— Извините, можно узнать, нет ли у вас свободных вакансий. Дело в том, что я библиотечкарь, с опытом работы, и...

— Как видите, библиотечкарь здесь есть, — брюзгливо перебила женщина-нос, принимаясь сверлить Веру взглядом. — Ставка одна, и она занята.

— Конечно, — смутилась Вера, — просто я подумала, может, есть еще вакансии...

— Сходите к директору, уточните, — неприязненно процедила унылая библиотечкарьша, — я ничего сказать не могу.

— Спасибо. Извините. — Вера покраснела и повернулась, чтобы уйти. Ей хотелось поскорее выбраться в коридор. Но не успела она взяться за ручку, как дверь широко распахнулась, едва не ударив ее по лбу. Вера отшатнулась, а стремительно ворвавшийся в сонное библиотечное царство молодой человек принялся извиняться:

— Прошу прощения, не рассчитал! Я вас не ушиб?

Вошедшему было на вид лет двадцать пять. Высокий, плечистый, узкобедрый. Светлые волосы собраны на затылке в хвост, подчеркивая хорошо очерченный подбородок и правильный овал лица. Этакая кинозвезда в нашем уезде, удивилась Вера. Королевич Елисей.

— Все в порядке, не беспокойтесь! Жива — здорова. Не подскажете, как найти кабинет директора?

Вера внезапно порадовалась, что на ней джинсы, которые ей очень шли, и новая красивая кофточка. Слава богу, она не пожалела времени, чтобы накрасить глаза и уложить волосы.

— Давайте я вас провожу, — предложил «королевич», — подождите минутку, только сдам литературу.

Длинноносая библиотечкарьша скорбно поджала губы и приняла из рук молодого человека внушительную стопку книг.

— Юлия Борисовна, я чист — долгов нет, — заявил посетитель.

— Вижу, — проскрипела Юлия Борисовна, — еще обращайтесь.

— Непременно, всего доброго!

Они с Верой не спеша двинулись по коридору.

— Павел, — представился молодой человек.

— Вера, — улыбнулась она в ответ.

— Вы меня не узнаете? — прищурился Павел.

— Кажется, мы где-то встречались, — Вера наморщила лоб, и тут ее осенило. И как она сразу не вспомнила?

— Вы помогли мне сумку из автобуса вынести, когда я в Ковши приехала, правильно?

— Абсолютно верно!

— Получается, вы уже второй раз меня выручаете.

— Да, нелегко мне с вами приходится, — весело откликнулся парень.

— Вы здесь работаете? — поинтересовалась Вера.

— И здесь тоже. Веду историю в старших классах. А еще читаю лекции в университете, учусь в аспирантуре. У меня защита этой зимой. Вдобавок в музее по выходным экскурсоводом подрабатываю — скучать не приходится.

— В Ковшах живете?

— Здесь у меня мама. А я живу в Казани: от бабушки «однушка» досталась. Так что квартирным вопросом меня не испортишь. И хватит обо мне! Вы-то зачем к директору собрались? Его, кстати, Семеном Сергеевичем зовут. Отличный мужик. Редко таких встретишь.

— Думала спросить, нет ли в школе вакансий. Я теперь буду жить здесь, мне тоже наследство досталось — дом.

— Вы учительница? Что преподаете? — живо поинтересовался Павел.

— Нет, — Вера отрицательно покачала головой, — библиотекарь. Зря, наверное, иду? Вряд ли нужен еще работник, если есть Юлия Борисовна.

— Как знать. Может, Семен Сергеевич вам еще что-то предложит.

— Например, полы мыть? — усмехнулась Вера.

— Например, оргработником, — спокойно сказал Павел, — наша Майя Львовна решила уйти на пенсию. Между нами говоря, давно пора: человеку, который организует досуг молодежи, всяко должно быть меньше семидесяти. Так что в августе место освободится.

— Но я же не оргработник. Неужели справлюсь? — с сомнением проговорила Вера.

— Уверен! Тут и думать не о чем. Кстати, мы пришли, — Павел заколебался, — хотите, подожду?

— Хочу, — прямо ответила Вера.

Павел ей понравился. Не только внешне, но и своей доброжелательной открытостью и простотой. Она поймала себя на мысли, что старается произвести на него приятное впечатление.

— Тогда договорились. Я посижу в приемной, а вы идите. Ни пуха.

— К черту! — Вера тряхнула головой и решительно постучалась в обитую темно-синей кожей дверь.

«Отличный мужик» оказался маленьким пухлым колобком, почти одного роста с Верой. Он поспешно выкатился навстречу ей из кресла, усадил напротив своего стола и снова

вернулся на место.

— Заходите, не стесняйтесь, милая барышня! Что-то я раньше вас здесь не встречал! Вы по какому вопросу?

Похоже, у него было отличное настроение. А может, он всегда так приветлив с людьми. Вера расслабилась и заулыбалась в ответ.

— Меня зовут Вера Владимировна Андреевна. Я хотела узнать, не нужны ли вам сотрудники. Так сложилось, что теперь буду здесь жить, и очень хотелось бы работать ближе к дому.

— Возможно, что-то и найдется. Кто вы по образованию, Вера Владимировна?

— Библиотекарь, — ответила Вера и поспешно добавила, — у меня есть высшее образование и опыт работы именно в учебном заведении. Я сейчас работаю в институтской библиотеке.

— Ясенько, — задумался «Колобок», — ясенько. Библиотекарь у меня в данный момент есть и, насколько я знаю, пока Юлия Борисовна покидать нас не собирается. Но не спешите огорчаться!

И он рассказал про престарелую «пионервожатую», возжелавшую заслуженного отдыха. Вера записала на бумажке свои координаты, Семен Сергеевич обещал на днях непременно перезвонить.

Вера вышла из кабинета директора в смешанных чувствах. С одной стороны, конечно, хорошо было бы работать так близко. Но с другой, Вера любила библиотечное дело, ей хотелось быть именно библиотекарем, а не каким-то оргработником. Сейчас у нее имелась любимая работа, так стоило ли отказываться от нее ради незнамо чего?

Павел, как и обещал, сидел в приемной, ждал новую знакомую. За полукруглым столом возле большого окна деловито шуршала бумагами обильно покрашенная секретарша. Когда они пришли, ее не было.

— Добрый день, — поздоровалась Вера.

— Здравствуйте, — почти не разжимая губ, оборонила девушка, хмуро взглянув на нее. Похоже, ей не понравилось, что Веру дожидался Павел.

— Как прошло? — нетерпеливо спросил Паша, едва они вышли из приемной в гулкий коридор.

— Все хорошо, — немного неуверенно ответила Вера, — Семен Сергеевич действительно замечательный. Предложил мне место, про которое вы говорили. Вместо Майи Львовны. Обещал на днях перезвонить, так что буду ждать. Может, вы принесете мне удачу.

— Ты.

— Что «ты»? — не поняла Вера.

— Давай перейдем на «ты», — предложил Паша.

— Договорились, — согласилась Вера.

— Ты сейчас в какие края?

— В город. Мне нужно в банк. Хочу подать документы на кредит.

— Зачем тебе долговая яма?

— Собираюсь купить машину. Надоело ходить до Больших Ковшей пешком, — пояснила Вера.

— Пешком? Откуда? Я думал, ты живешь в Ковшах, — удивился Паша.

— Нет, в Корчах. Знаешь это место?

— В Корчах? Но... — в серых Пашиных глазах вдруг появилось странное выражение, — так ты та самая девушка, которая приехала жить в толмачевский дом?!

— Да. И мне порядком надоела странная реакция местных жителей на мое появление, — сухо ответила Вера.

— Конечно, прости, — рассеянно произнес Паша, размышляя о чем-то своем. — Послушай, а ведь мне уже давно хотелось с тобой познакомиться.

— О чем это ты? — не поняла Вера.

Они уже вышли из здания школы и стояли на крыльце. Посреди пустого школьного двора четыре девочки увлеченно играли в «прыгалки».

— Это почти научный интерес. Мне необходимо было поговорить с девушкой, которая приехала в Корчи! И надо же — оказывается, это ты! Как все удачно складывается, — оживленно говорил Павел, не замечая, что Вера слушает его с кислым выражением лица. — Вер, у меня консультация через... — он глянул на часы, — пятнадцать минут. Ребята, скорее всего, уже собрались, я не смогу отменить. Может, подождешь, пока я закончу? Это недолго! А потом я тебя в банк отвезу!

Он смотрел умоляюще. Вера неожиданно для себя расстроилась и почувствовала себя обманутой. Ей показалось, она понравилась Павлу, и была уверена: тот назначит ей свидание. О романе не думалось, но общение с другим человеком отвлекло бы от мыслей о муже, о своем печальном положении. Однако, как выяснилось, красавец-историк тоже не прочь был использовать ее в своих интересах. «Почти научных».

— Извини, я спешу. Приятно было познакомиться, — оборонила Вера.

— Да-да, извини. — Павел, видимо, не ожидал такого отпора. — Может, разрешишь позвонить тебе? Запиши свой номер, пожалуйста! — попросил он, вытащил из кармана маленькую коричневую записную книжку и протянул ей. Она не стала ломаться и неровным почерком написала одиннадцать цифр.

День складывался на удивление гладко: главбух была в отличном настроении и быстро выдала Вере нужную справку. В банке тоже обошлось без очередей и проволочек. Вера заполнила анкету, представила необходимые документы с ксерокопиями и приготовилась ждать до пятницы. Ей обещали позвонить и известить о принятом решении.

Из банка Вера поехала в больницу к Светке. Возле окошка справочной, как обычно, толкались посетители. Требовалось назвать номер палаты и фамилию больного, чтобы получить заранее заказанный пропуск.

Вере не нужен был пропуск: все равно в реанимацию не пустят. Она просто хотела узнать, как по внутреннему телефону позвонить Светкиному врачу и спросить, не нужно ли чего.

В очереди перед ней стояли несколько человек. Мужчина средних лет никак не мог вспомнить номер палаты. Рядом стояла грузная женщина в пестром платье, по всей видимости, жена, и нервно стискивала его локоть. От женщины нестерпимо несло потом, Вера с трудом сдерживалась, чтобы не морщиться и не затыкать нос.

— Посмотрите там, у себя, пропуск у нас заказан, я вам точно говорю. Не помню я палату! Галиуллин его фамилия, Га-ли-ул-лин. Девушка, вы посмотрите по фамилии, и все! — горячился мужчина.

— Да, посмотрите, — вторила жена, подпрыгивая от нетерпения.

«Девушка» лет пятидесяти с недовольным видом рылась в бумажках и бубнила:

— Помнить надо, где родственники лежат! Они забывают будут, а ты ищи! Делать мне

больше нечего!

«Как будто тебя сюда посадили чем-то другим заниматься!» — подумала Вера.

— Вот, держите! В двадцать восьмой ваш Гатауллин, — сердитая сотрудница швырнула через окошечко замызганный пропуск.

— Галиуллин, — радостно поправил мужчина. — Спасибо, девушка!

Супруги, переговариваясь, двинулись к лестнице.

— А где у них тут туалет? — не понижая голоса, поинтересовалась женщина.

— Откуда я знаю? Я что, живу тут, что ли?

— Надо было узнать в справочной! — не унималась жена.

— Ага, в справочной спросить! Полчаса стояли, ты не хотела, а теперь захотела, — вскипел мужчина. — Зассыха!

— Жарища-то стоит, пью все время, — огрызнулась подруга жизни. — «Полчаса стояли»! Не до того было! Ты ж забыл, где он лежит!

— А ты помнила!

Голоса их постепенно стихли. У остальных посетителей, стоящих в очереди, проблем с памятью и мочевым пузырем не возникало, так что скоро Вера узнала нужный номер и набрала его на старом красном телефоне, который висел на стене. Диск был заклеен прозрачной клейкой лентой.

— Реанимация, — отозвалась трубка глуховатым женским голосом.

— Здравствуйте, я по поводу Сюкеевой. Можно узнать, как она?

— Состояние стабильно тяжелое, — равнодушно ответила женщина.

— Скажите, ей... ничего не требуется?

— А вам бы в коме что-то потребовалось? — с ехидцей осведомилась собеседница. — Думайте, что говорите!

— Извините, не так выразилась. Я имела в виду лекарства или еще что-то. Уход, может быть, — зачастила Вера. Ее ставило в тупик отсутствие даже формального, дежурного сочувствия со стороны медперсонала реанимации. Разве сложно проявить чуточку человечности и внимания? Или они не понимают, что говорят с людьми, которые напуганы, придавлены горем?

— Ухаживаем сами. Лекарства есть.

— Понятно. До свидания, — попрощалась Вера.

— Звоните, узнавайте. — Трубка запикала короткими гудками.

В Корчи Вера опять попала только под вечер. Хорошо бы побыстрее прояснилось и с кредитом, и с работой. А то отпуск заканчивается через две недели: в этом году Вера уже брала несколько дней, они с Маратом ездили зимой на турбазу, катались на лыжах.

Вера из всех сил пыталась подавить воспоминания о том времени. О том, как им было хорошо и весело вместе. Как она падала и падала на лыжне, и они вдвоем хохотали над ее, как Марат говорил, «слоновьей грацией». Как Марат забыл куртку в баре, и они ходили искать ее в бюро находок. Как однажды на ночной дискотеке Марат целый танец протанцевал, держа Веру на руках. Как они занимались любовью в своем маленьком номере на втором этаже. И все казалось таким незыблемым.

Тогда Вера даже предположить не могла, что через каких-то полгода окажется одна в забытой богом деревне. А Марат предаст ее, отнимет жилье и фактически выгонит в никуда.

Вера деревянной ложкой помешивала суп в кастрюле и изо всех сил старалась не расплакаться. Знала, что если начнет, то долго не остановится. Потом собрать себя в кучу будет очень сложно, и Вера стискивала зубы, пытаясь дышать глубже и ровнее.

Рассольник получился вкусный — Вере всегда удавались супы. Пытаясь не думать, что теперь ей придется готовить только для себя, она ела и вполглаза смотрела телевизор.

Весь следующий день просидела дома затворницей. Никого не видела и даже не слышала, кроме медсестры из реанимации. Настроение было ни к черту. У Светы все оставалось без изменений: стабильно тяжелое состояние и никакой надежды.

В четверг утром Веру разбудил телефонный звонок. «Марат? Господи, неужели он?! Или Паша? Только бы не *это* со Светой...» — пронеслось в сонном мозгу. Накануне она легла за полночь: смотрела фильм «Мачеха» с Джулией Робертс и Сьюзан Сарандон, и уже без всяких угрызений совести рыдала чуть не в голос. И над судьбами героинь, и над своей собственной жизнью.

Вера нашарила у изголовья телефон. Звонили не Марат и не Паша. К Свете звонок тоже не имел отношения. Это был Семен Сергеевич. Вера не сразу сообразила, кто это, пока тот не напомнил:

— Директор школы. Вы ко мне заходили насчет места. Не узнали?

— Узнала, доброе утро, Семен Сергеевич, — поспешно проговорила Вера. — Просто немного растерялась, не думала, что вы так скоро позвоните.

— Я и сам не думал, — признался директор, — но... Случилось ужасное несчастье.

— Опять? — вырвалось у Веры.

— Прошу прощения? — не понял «Колобок».

— Извините меня, я... Моя подруга попала в аварию и теперь в коме.

— Ай-ай-ай, — сочувственно зацокал языком Семен Сергеевич, — вот ведь как бывает.

А у нас тоже беда. Библиотекарь, Юлия Борисовна, скончалась позавчера.

— Что?! — ахнула Вера.

— Да, скончалась. Умерла.

— Но я только во вторник ее видела, — сказала Вера, как будто этот факт мог на что-то влиять, — она была здорова! Или это тоже был несчастный случай?

— Вот именно, да еще какой! — подхватил Семен Сергеевич.

То, что он рассказал, и в самом деле было из ряда вон. В завершение беседы директор

пояснил, почему, собственно, беспокоит Веру. В результате «ужасного кошмара» школа осталась без библиотекаря. А поскольку Вера — единственная кандидатка на эту должность, ей надлежит прийти с документами прямо сегодня, чтобы, в случае если всех все устроит, дней через десять приступить к работе.

Прощаясь, Колобок расстроено проговорил:

— Что поделать, Вера Владимировна, такова жизнь: и в скорбные минуты приходится думать о деле.

Вера шла привычной дорогой в Большие Ковши, и в голову помимо воли лезли мысли о том, что в последнее время вокруг нее постоянно происходят какие-то события. До недавнего времени она жила рутинной, спокойной жизнью. Шли недели и месяцы, но ничего особенного не случалось. Работа, отдых, семейные заботы, покупки, кредит, уборка, редкие вылазки в кино или кафе. Теперь же время будто ускорило ход, невидимое колесо вертелось все быстрее. Она рассталась с Маратом. Ушла из дома. Оказалась владелицей наследства. Узнала историю своей семьи. Надумала сменить работу, и место, которое было недоступно еще вчера, неожиданно освободилось. Ее подруга находится на волосок от гибели. Что дальше?..

Вере стало казаться, что она находится в центре чего-то, о чем сама не имеет ни малейшего понятия. С людьми, которые оказывались вовлеченными в ее орбиту, что-то случалось. Вера нутром чуяла некую закономерность происходящего, догадывалась, что здесь присутствует глубинная, пока не ведомая ей логика событий.

Мысли ее перескочили на несчастную Юлию Борисовну. Конечно, унылая библиотекарьша не произвела приятного впечатления, и вряд ли они когда-либо смогли бы подружиться. Покойная была не слишком доброжелательным человеком, это сразу бросалось в глаза. Однако такой страшной смерти женщина не заслужила.

Юлию Борисовну нашли утром. С перерезанным горлом. Судя по всему, она топила с вечера баню и отправилась мыться. Что случилось после, оставалось только догадываться. Возможно, прихватило сердце в жарко натопленной бане. Быть может, что-то сильно напугало. Или она почувствовала, что ей нечем дышать. Юлия Борисовна выбила маленькое оконце бани металлическим ковшом с длинной ручкой и попыталась через образовавшееся отверстие выбраться наружу. Или просто хотела позвать на помощь. Однако сделать ни того, ни другого так и не успела: высунувшись в окно, бедная женщина неаккуратно задела горлом вертикально торчащий осколок стекла и умерла в бане от потери крови.

Она могла пролежать там не один день, поскольку была женщиной одинокой и гостей не любила. Но ровно в восемь утра в среду ей полагалось быть на работе и ждать плотника: требовалось отремонтировать стеллажи. Когда взбешенный мастер, прождав пятнадцать минут, обратился в администрацию школы, там поняли: что-то случилось. Неприметная библиотекарьша имела одно яркое отличие, помимо своего носа: она никогда никуда не опаздывала. На все встречи Юлия Борисовна приходила раньше как минимум на полчаса.

Ей стали звонить — она не отвечала. Позвонили соседям: поселок небольшой, все друг с другом знакомы. К тому же живущая рядом Елена Марковна до пенсии преподавала в школе физику. Взволнованная соседка с мужем сначала звали пропавшую возле калитки. Потом, не получив ответа, зашли во двор. Дверь в дом была не заперта, что само по себе не было таким уж необычным. В доме они нашли аккуратно разобранную ко сну кровать, включенный телевизор и стоящие на столе кувшин с квасом и кружку. Судя по всему, хозяйка приготовила себе выпить холодненького после мытья, сообразили соседи, и направились в

баню. Они уже не сомневались: случилось что-то нехорошее. Однако увиденное повергло пожилую пару в шок.

У печки теснились разнокалиберные тазики. Возле входа стояла бадья с холодной водой. Приготовленное для стирки белье сиротливой кучкой притулилось на лавке. Обнаженная Юлия Борисовна лежала на спине возле разбитого окна. Рядом валялся ковшик. Крови было много, несмотря на то, что большая ее часть успела просочиться сквозь щели в деревянном полу. В бане сохранилось тепло — натоплена была на совесть.

Елена Марковна с диким воплем выскочила наружу, ее мужа вырвало в предбаннике, куда он едва успел выбежать. Полиция, которую они вызвали, немного придя в себя, приехала быстро. Буквально через полчаса весть о страшной смерти тихой библиотекарши облетела поселок. Никогда при жизни о Юлии Борисовне столько не говорили. Слухи тотчас же поползли самые разные: и про маньяка, и про самоубийство, и про воров, от которых веником отмахивалась несчастная.

В полиции вскоре выяснили: из дома ничего не пропало. Следов взлома и проникновения не обнаружилось. Судя по всему, никто бедную женщину не убивал, произошел нелепый, ужасный несчастный случай. По всей вероятности, Юлии Борисовне стало плохо. Чтобы открыть доступ к свежему воздуху и, возможно, позвать на помощь, испуганная женщина решила разбить окошко. До этого момента все было более или менее объяснимо, но дальше начиналось непонятное.

Например, зачем ей понадобилось высовываться в разбитое окно, если она могла распахнуть дверь? К тому же окно бани смотрело на небольшую рощу: библиотекарша жила на самой окраине поселка. Кого можно там позвать на помощь? Конечно, от испуга женщина могла не сообразить этого, и все же — почему она не попыталась покинуть баню через дверь?! Ответов на эти вопросы не было, как не было и сомнений, что обвинить в произошедшем некого. Оставалось пожалеть, похоронить и жить дальше.

У входа в школу висел большой отретушированный портрет Юлии Борисовны, перечеркнутый траурной лентой. Вере показалось, что покойная библиотекарша смотрит сурово и осуждающе. Она опустила голову и торопливо скользнула внутрь.

Похороны уже состоялись: Семен Сергеевич пригласил Веру к трем часам. В здании школы было безлюдно: летний школьный лагерь по понятным причинам не работал, экзамены и консультации отменили. Вера шла к кабинету директора по гулкому пустому коридору, мимо одинаковых белых дверей с табличками «Кабинет математики», «Кабинет географии», «Кабинет химии».

Семен Сергеевич был по обыкновению радушен, но печален и растерян. Он рассказал Вере, как прошли похороны, перечислил, кто на них был, хотя ни одно имя, кроме Пашиного, не было ей знакомо. После бегло просмотрел Верины документы, рассказал об условиях работы и выжидательно уставился на нее.

Что она могла ответить? Работа с девяти до шести, обед с часу до двух. Выходные — среда и воскресенье. Отпуск, больничные, праздники — в рамках Трудового кодекса. Зарплата даже чуть больше, чем Вера получала сейчас. Все отлично. Кроме одного. Семен Сергеевич чутко уловил ее настроение и проницательно заметил:

— Вера Владимировна, вам неловко оттого, что вы займете это место в результате смерти Юлии Борисовны?

— Да, — не стала отпираться Вера.

— Вы же понимаете: школа не может оставаться без библиотекаря. Кто-нибудь рано

или поздно займет эту должность. Так почему не вы?

— Почему не я, — задумчиво повторила Вера, теребя ремешок сумочки, и добавила после небольшой паузы:

— Спасибо, Семен Сергеевич. Я согласна.

— Вот и отлично. Не сомневаюсь, мы сработаемся. Приходите в понедельник, — проговорил он и встал из-за стола. Вера последовала его примеру.

— Напишите заявление, принесете ксерокопии вот этих документов, — он протянул Вере бумажку со списком. — Желательно, чтобы двадцатого, через понедельник, вы приступили к работе. Дела вам, к сожалению, принимать будет не у кого, но вы умница, опытный человек, разберетесь.

— Разберусь, Семен Сергеевич, — пообещала Вера.

Она уже выходила из школы, когда в сумочке завибрировал телефон. Высветившийся номер принадлежал Витьку. Вера сразу все поняла, сердце рухнуло куда-то вниз.

— Витя, — тонким голосом произнесла она.

— Светы больше нет.

Он заплакал тихо и горько, как обиженный ребенок.

С похорон и поминок Вера вернулась в субботу, поздним вечером. Она с трудом вспоминала, как добралась домой: в голове стоял тяжелый мутный туман, покрасневшие, опухшие глаза болели от слез. Это были вторые похороны в ее жизни. Но когда умерла мама, Вера не чувствовала такого отчаяния и давящего одиночества. Они с матерью никогда не были особенно близки, не слишком понимали друг друга. Мама держалась отстраненно, замкнуто, была скупа на похвалы, никогда не говорила с дочкой по душам и не пускала в свой мир. К тому же рядом был Марат, и Вера оставалась не одна на свете.

Теперь, когда не стало Светы, у нее не было ни одного по-настоящему близкого человека. Нестерпимо хотелось увидеть Марата, поплакать у него на плече, но это было невозможно. Он, конечно, знал о случившемся, но не пожелал даже телефонным звонком поддержать бывшую жену.

Ночь перед похоронами Вера не спала. Сразу после Витинового звонка, помчалась в Казань, помочь в скорбных делах. День пролетел в хлопотах, а ночь они с Витей и сестрой Светы, Наташей, провели возле гроба. Молились, вспоминали и плакали, плакали, плакали. Витек убивался больше всех. Он остался вдовцом с маленькой дочкой на руках, но не это мучило несчастного сильнее всего. Его сжирала вина. Раз за разом Витек клял себя за то, что по пьянке бил Свету, заставлял плакать и страдать.

— Она девчонка против меня, у меня руки-то — во! — Он тряс огромными кулачищами. — А я ее... Бляха, не мог сдержаться! Она скажет что-то, ну и ... Дурной, когда пьяный! Трезвый никогда!.. Я ж люблю ее! Она знала, Наташ, знала! Терпела, прощала меня. Всегда прощала. Покричит, пообижается и простит. Всё меня «Витенька, Витенька»... А я скотина, — бессвязно бормотал Витек и снова принимался плакать.

Вера никак не могла поверить, что Светы больше нет. Все ждала, что дверь вот-вот откроется, и войдет хозяйка этой крошечной квартирki. Казалось, только вчера они болтали за жизнь, тормозили Ксюшку, носились по магазинам, обсуждали соседей, моду, рецепты и сериальных героинь. А сегодня исхудавшая восковая Светка, строгая, далекая, красивая и чужая, лежит в гробу, поставленном на четыре табуретки. И Верины заботы ее больше не занимают.

Весь вечер приходили какие-то люди, смотрели в мертвое Светино лицо с маленькой складочкой у бровей, вздыхали, охали, всхлипывали, с любопытством украдкой глазели на Светкины вышивки, развешанные по стенам, шептались, гладили Свету по ногам (*чтоб не являлась навещать*), и уходили прочь. Не хотели задерживаться надолго: их ждали собственные дела. Уносить с собой чужое горе было не с руки — своего добра хватало. Светкина жизнь и сама Светка были бесстыдно выставлены напоказ, а люди все шли и шли, обсуждали и переговаривали, забирали еще одну частичку короткого Светкиного бытия.

В день похорон на раскаленное небо неожиданно набежали маленькие серые тучки, похожие на пушистые пуховые варежки, и пошел дождь. «Это хорошо, к добру!», — важно кивали старухи в толпе.

Когда гроб стали заколачивать, Вера окончательно поняла, что подруги больше нет. Отныне она будет находиться в другом, неведомом месте. Молотки стучали, и в этом бьющем по нервам грохочущем звуке было что-то бесповоротное и безвозвратное. Вере стало страшно. Страх лег на дно души холодным камнем. Давил, мучил, мешал дышать.

Вера долго сидела на кухне своего дома в Корчах. Совсем стемнело, но она не могла заставить себя встать и включить свет. Где-то далеко сверкал и переливался огнями большой город, стремительно летели, пронзая ночь светом фар, нарядные автомобили. Здесь, в деревне, было глухо и тихо. «Меня словно заживо похоронили. Вместе со Светкой».

Заиграла знакомая мелодия из «Титаника», на маленьком экранчике высветилось «Семен Серг».

— Добрый вечер, Вера Владимировна. Простите, что беспокою, хотел узнать, как вы уладили дела с предыдущей работой.

— Здравствуйте, Семен Сергеевич, — заторможено ответила Вера, — все в порядке, не волнуйтесь. Трудовую получила. В понедельник приду, напишу заявление, как договаривались.

Вера кое-как выкроила пару часов, чтобы сбегать в институт. Встретаться и говорить ни с кем не хотелось, но Гуля и Аня, конечно, были на месте. Узнав, что случилось, они дружно повздыхали над ранней Светкиной смертью, поджали губы, покачали головами, как требовали приличия. Увольнением Веры обе, кажется, искренне огорчились. Удивились, с чего это вдруг? Пообещали друг другу не пропадать, созваниваться и видеться, прекрасно понимая, что это их последняя встреча. Помимо работы, девушек ничто не связывало. А не будет совместного труда, корпоративов и обедов, и говорить станет не о чем.

Заявление на увольнение Вера пришла подавать заведующей библиотекой, Нине Алексеевне Грачевой, тучной круглолицей женщине сорока пяти лет, незамужней и бездетной. Была она невредной, любила похохмить и ровно относилась к подчиненным. Правда, все знали, что под горячую руку ей лучше не попадаться. А летом Грачева частенько пребывала в дурном расположении духа, поскольку терпеть не могла жару. Она страшно потела, сама казалось себе мокрой и вонючей, и никакие вентиляторы, кондиционеры и дезодоранты не могли отменить этого факта. Нина Алексеевна умывалась каждый час, подкладывала носовые платки под груди и подмышки, меняя их, как только они становились влажными — ничего не помогало. Пот солеными ручьями стекал по лицу и рыхлому телу, разъедал кожу и портил одежду, оставляя уродливые пятна.

Грачева сидела в душном кабинете и ненавидела весь свет, а больше всех — себя. Узнав, что сотрудница внезапно решила уволиться, поначалу раскричалась, но потом заметила: с Верой творится неладное. Та в двух словах поведала о своем горе, и заведующая не стала ее мучить, без лишних разговоров подписала заявление. Вдобавок позвонила в отдел кадров и попросила быстро уладить формальности.

— Выходит, через недельку сможете приступить? — уточнил Семен Сергеевич.

— Конечно, смогу.

— Что ж, ждем вас. Всего хорошего.

Едва успела попрощаться, как раздался осторожный стук в дверь. Она тяжело, как глубокая старуха, поднялась и пошла открывать. Включила свет в сенях и увидела стоящую на пороге Ирину Матвеевну. Перед отъездом Вера сказала соседке о смерти Светы, и теперь та пришла узнать, как дела, не нужна ли помощь.

— Спасибо, со мной все нормально, Ирина Матвеевна. Проходите.

Вера посторонилась, собираясь пропустить старушку в дом, но та резко отшатнулась. Смутилась своей реакцией и попыталась сгладить неловкость:

— Пойдем лучше ко мне, детка. Я шарлотку испекла, варенье достала. Земляничное. Чайку заварила. Пойдем!

— Неудобно, поздно уже, — попыталась отказаться Вера.

— Никогда не поздно пойти туда, где тебя ждут, — мудро заметила Ирина Матвеевна.

Вере пришло в голову, что эта милая женщина, в сущности, единственный человек на земле, которому есть до нее дело. Остро захотелось оказаться в ее гостеприимном доме, ощутить заботу и участие. Страшно оставаться одной в такой день.

Через пять минут Вера вдыхала аромат пирога и разливала крепкий чай в красивые чашки. Холодный камень на сердце стал чуточку меньше.

Ирина Матвеевна уловила Верино настроение и не стала расспрашивать о похоронах. Вместо этого произнесла:

— Верочка, к тебе вчера гость приходил. Молодой человек.

Сердце екнуло: Марат?

— Высокий такой, симпатичный. Я объяснила, что ты уехала.

Раз высокий, значит, точно не Марат.

— Говорит, в школе работает, — Ирина Матвеевна уселась напротив Веры.

— Это Паша. — Вера слегка покраснела. — Что он сказал?

— Сказал, не может дозвониться, но хочет с тобой встретиться. Вот, номер телефона оставил. Просил, чтобы ты перезвонила.

— Странно, что не может дозвониться, — пробормотала Вера. — Я ему сама номер записывала. Ладно, наберу его завтра. Или в понедельник. Мне все равно в школу надо, может, там и встретимся. Ой, я же вам до сих пор не сказала...

— ...что устроилась библиотекарем, — закончила за нее Ирина Матвеевна. — Знаю, знаю. Тут новости быстро разносятся. Выходит, твердо решила остаться?

— Да, решила, — Вера через силу отправила в рот кусочек пирога. Аппетита не было, но не обижать же человека, который для тебя старается.

На лицо Ирины Матвеевны набежала тень.

— Как тебе? Вкусно? — деланно оживленным тоном поинтересовалась она.

— В жизни не пробовала такой шарлотки, — искренне ответила Вера, понимая, что к теме ее пребывания в Корчах они еще вернуться.

— Кушай, моя дорогая. И еще отрезай, не стесняйся.

Несказанное повисло между ними. Стремясь быстрее расставить все точки над *i*, Вера брякнула, не успев до конца обдумать своего вопроса и решить, стоит ли спрашивать:

— Ирина Матвеевна, почему вы никогда не заходите ко мне домой? Только не говорите, что мне показалось! Вы и в первый день не прошли дальше сеней! Вы хоть когда-нибудь там были?

Улыбка сползла с лица Ирины Матвеевны, взгляд стал затравленным.

— Верочка, может, не стоит...

— Очень даже стоит, — резко перебила ее Вера и моментально устыдилась своего тона. — Извините. Простите меня, пожалуйста! Но поймите, мне нужно знать, видели ли вы там что-нибудь необычное!

— Зачем, милая? Ты сама меня убеждала, что это сплетни и домыслы! Голос пожилой женщины звучал расстроено, и Вере стало неловко.

— Я и сейчас так думаю, — безапелляционно заявила она. — Но мне не дает покоя одна вещь. Свету тоже что-то напугало, когда она зашла в дом. А ведь она впервые здесь оказалась и не могла знать, что про него болтают! И ее дочка увидела нечто. Поэтому я хочу знать: были вы там или нет?

— Хорошо, Верочка, — обреченно сказала Ирина Матвеевна, сознавая, что Вера так просто не отстанет, — если тебе так уж хочется знать... Я была в твоём доме. Всего один раз. И ты совершенно права, больше я туда ни за что не войду.

Вера стиснула зубы, ожидая продолжения.

— Это было, когда Игорь с семьёй вернулся сюда. Валя часто забегала ко мне, но сама я к ним не ходила. Как-то не случилось: там маленький ребёнок, молодая семья, зачем мешаться? Однажды я сильно поранила руку. Квасила капусту, разрежала вилком и проехалась ножом. Стою, кровяца хлещет, чуть в обморок не падаю: не выношу вида крови. Замотала руку полотенцем, на улицу выбежала — Валя в калитку заходит. Увидела меня, к себе потащила, на кухню отвела, стала рану обрабатывать. Промыла, заклеила. Я собралась было уходить, а она говорит: «Ира, ты ведь у меня в первый раз! Посмотри хоть, как мы живём». И повела дом показывать. Почти все обошли, добрались до залы, слышим — на плите у нее зашипело. Она бегом на кухню, а я осталась.

Ирина Матвеевна замолчала. Взяла в руки чашку, подержала на весу и поставила обратно. Шумно, с усилием сглотнула, словно у нее болело горло, перевела дыхание.

— Не знаю, что тебе дальше рассказать, Верочка. Я сама не поняла, что произошло. Просто в один миг все вокруг стало другим. Сначала за окнами потемнело, хотя время было обеденное. А потом воздух изменился — стал сырым, туманным. И сама комната пропала. Меня вроде как подвесили в пустоте: ни пола под ногами, ни стен, ни потолка. Водянистая темень вокруг. Но словно бы живая, теплая. Она шевелилась, дышала, перекачивалась возле меня. Самое ужасное, я напрочь забыла, кто я такая. Зачем сюда пришла? Откуда? Как меня зовут? Пыталась кричать, но звук вылетал из горла и таял. Как будто кричишь под водой. Я оглядывалась, искала кого-нибудь, но повсюду — одно и то же. Это место было похоже... — она заколебалась, — похоже на чрево. Материнскую утробу. Так мне показалось.

— Не знаю, что сказать. — Такого Вера точно не ожидала. — И долго вы пробыли в этой... утробе?

— Мне казалось, долго. Потом послышался далекий звук: будто кто-то кого-то звал. Кричала женщина. Я пыталась повернуться на звук ее голоса, но никак не могла понять, откуда он доносится. Озиралась, прислушивалась, а потом вдруг почувствовала удар. Пощечину. Видимо, потеряла сознание. А когда открыла глаза, все было, как раньше — комната, мебель, свет за окном. И я опять знала, кто я такая. Рядом Валя стоит, плачет. Спрашиваю, это ты меня ударила? Да, говорит. Ей показалось, у меня припадок: я кричала, размахивала руками, вертелась волчком. Валя сказала, что быстро вернулась, только суп с огня сняла. Утверждала, что подошла через мгновение, но я-то знала, что провела в... том месте не меньше часа!

Ирина Матвеевна сидела вся бледная, даже губы побелели. Она дотронулась до Вериного локтя — ладони были ледяные. Вера испугалась, как бы у старушки не случился сердечный приступ, и пожалела, что вынудила ее заново переживать тот день.

— Простите, я не должна была, — виновато заговорила она, но Ирина Матвеевна не стала слушать:

— Подожди, Вера. Помолчи, пожалуйста. — Голос ее внезапно набрал силу, зазвучал требовательно. Должно быть, так она говорила на уроках с нерадивыми учениками. Вера невольно притихла. — Дело не в том, веришь ли ты мне! Это было, и точка! Случилось со мной в твоём доме! Понятия не имею, почему. Ты, думаю, уже поняла, что я образованный, неглупый, вполне адекватный человек, не истеричка и не клуша. Всю жизнь живу одна, не

боюсь темных комнат и теней в углах. Не склонна к мистике, даже в Бога уверовала только на старости лет. Да и то, наверное, потому, что боюсь: умру, и все закончится холодной двухметровой ямой. А так хочется, чтобы и после смерти тоже что-то было! Вера, я пытаюсь объяснить, что ни за что не стала бы от нечего делать пичкать тебя деревенскими страшилками!

— Я так никогда не думала!

— Вот и отлично! — отрезала Ирина Матвеевна.

— Мне только хочется найти объяснение! Возможно, с вами случился эпилептический припадок?

— Не думай, что это не приходило мне в голову! Я тогда сильно перепугалась и решила пройти медицинское обследование. Мало ли, что со мной не так! В конце концов, я работала с детьми и не могла рисковать. Так вот уверяю тебя: никаких признаков эпилепсии у меня не нашли. Здоровье, слава богу, оказалось крепкое. Дело было не во мне, а в том месте! Верочка, не знаю, что именно там творится, но что-то точно происходит! Находиться там опасно, рано или поздно ты это поймешь. Даже если все из-за какого-то излучения, то и тогда тебе там делать нечего! Если лучи или поля провоцируют у человека такие жуткие галлюцинации, это не может быть безвредно для здоровья и психики! Зачем искушать судьбу?

Ирина Матвеевна говорила страстно и убедительно, и Вера начала поддаваться ее настроению. Может быть, в доме действительно не все ладно? И Света, и Ксюша чего-то испугались. И она сама видела странности. Но с другой стороны, что теперь делать? Бросить все и уехать? Теперь, когда у нее и работы в городе нет? Она вздохнула и, прервав рассуждения Ирины Матвеевны, произнесла это вслух.

— Я долго думала Верочка, — нимало не поколебавшись, проговорила та, — и решила. Я одинока. Родных и наследников нет. Этот дом оставить было некому. Но теперь все изменилось, у меня появилась ты. Славный и милый человечек, к тому же внучка единственного мужчины, которого я любила в своей жизни. Почему бы мне не сделать для тебя такую малость? Напишу дарственную или завещание — у меня приятельница в администрации, она подскажет, как лучше. Прямо завтра и пойду. Жить мы уже сейчас можем вдвоем, а после моей смерти тебе тем более не нужно связываться с толмачевским домом, пусть себе стоит! Договорились?

Вера потеряла дар речи. Ирина Матвеевна, посторонний человек, собиралась сделать для нее то, что не всегда сделает близкий родственник. Любимый муж выгнал ее, как собаку, а эта чужая женщина готова поселить у себя и подарить свой дом! Слов не было, Вера спрятала лицо в ладони и расплакалась.

Они сидели за столом еще долго. Плакали, обнявшись, разговаривали обо всем на свете. Вера рассказывала про свою жизнь с Маратом, про маму, про бедную Светку, про работу и даже про то, как ей хочется иметь мужа и детей. Ирина Матвеевна слушала, сочувствовала, гладила Веру по голове. Наконец, когда все слезы были выплаканы, а разговоры переговорены, она ушла к себе, отказавшись (сама не понимая почему) от предложения опять остаться ночевать.

Ирина Матвеевна долго смотрела на окна толмачевского дома. Дождалась, пока Вера зажжет свет, а потом погасит его, устраиваясь спать. Тихонько вздохнула и тоже отправилась в спальню. Как хорошо, что Верочка согласилась на ее предложение. «Теперь все наладится», — успокоено подумала она.

Вера проснулась с тяжелой головой. Встала как никогда поздно, почти в полдень, но все равно чувствовала себя невыспавшейся, усталой и разбитой. Еле ползала по дому, кое-как заправила кровать и потащилась готовить завтрак. Больше по привычке: есть совершенно не хотелось. Похоже, ночью ей что-то снилось, но вспомнить, что именно, не удавалось.

Яичница пригорела, и ее пришлось выбросить. Ожесточенно отскребая сковороду, Вера услышала, как хлопнула калитка. Кто-то вошел во двор, но она не успела разглядеть гостя. Наверное, Ирина Матвеевна, подумала Вера и отправилась открывать дверь, наспех вытирая руки кухонным полотенцем.

Однако она ошиблась. На деревянной лавке, чинно сложив на коленях морщинистые руки, сидела Мария Сергеевна Емельянова. Вера растерялась и шагнула вперед, попытавшись улыбнуться.

— Доброе утро...то есть, день. Я вчера поздно легла и только что встала. А вы ко мне? — глупо спросила она, не зная, что сказать и как себя вести.

— Здравствуй, — без намека на улыбку вымолвила Мария Сергеевна, пристально разглядывая Веру. Потом указала на место возле себя:

— Садись. Разговор есть.

— Разговор? Какой разговор? — Вера удивилась, но присела на лавочку.

— Ты собралась остаться в Корчах и работать в местной школе, — прокурорским тоном сказала старуха. Вера ощутила глухое раздражение.

— Все верно, — с некоторым вызовом ответила она, — но вам-то что до этого?

— Выходит, есть что, — отрубил Емельянова. — Я пришла сказать: делать тебе здесь нечего. Уезжай как можно быстрее. Лучше прямо сегодня. Сейчас же.

Вера опешила. Невольно она отметила, что Мария Сергеевна сегодня как-то странно говорит. И тут же поняла: из речи старухи Емельяновой диковинным образом исчезло яканье, а вместе с ним — все эти «чяво», «денисси» и «таперича». К тому же лексикон существенно обогатился.

— Сегодня вы говорите по-другому!

— По-другому? — переспросила Мария Сергеевна.

— Правильно, — пояснила Вера, — а не как необразованная бабка из глухой деревни.

— Я и есть бабка из глухой деревни, — усмехнулась Емельянова, — только образованная. Инженер-энергетик, чтоб ты знала. Правда, по специальности почти не довелось работать: детей растила. А почему говорила с тобой так... В первый день — проверяла. Вдруг испугаешься, сбежишь. А потом... ладно, это к делу не относится. Считай, что забавлялась.

Мария Сергеевна помолчала, пожевала губами. Вера тоже ничего не говорила, обдумывая услышанное.

— Так уедешь? — деловито осведомилась старуха.

— Послушайте, нельзя же так! — не выдержала Вера. — Почему вы меня гоните, чем я вам не угодила? Это мой дом, я имею право здесь жить!

— Право имеешь, — легко согласилась Емельянова, — а возможности — нет. Если останешься, смертей будет еще больше.

— Каких смертей? — опешила Вера.

— Дурочкой прикидываешься? — снова принимаясь сверлить Веру взглядом, гаркнула Мария Сергеевна. — А Юлька? Ты ведь на ее место пристраиваешься! А подружка твоя?

— Я-то здесь при чем? — закричала Вера, вскакивая со скамейки. — Что вы несете? Может, скажете, я их убила?

— Не ори, — строго сказала Мария Сергеевна, — сядь. Я не говорю, что ты убила. Но умерли они из-за тебя.

Вера рассвирепела окончательно.

— Вот что, уважаемая! Вы, конечно, пожилой человек и все такое, но это не дает вам права являться сюда и оскорблять меня. Или прекратите пороть чушь или убирайтесь!

— Все сказала? — невозмутимо спросила Мария Сергеевна. Верины слова не произвели на нее никакого впечатления. — Что ж, попробую тебе кое-что объяснить. Я всегда знала: рано или поздно ты здесь появишься. Дом позовет тебя. И с твоим появлением это место снова станет опасным. Я надеялась, что этого не случится, но мои надежды не оправдались. Поэтому ты должна покинуть Корчи. Вот и все.

— И только-то?! Неужели? — ернически отозвалась Вера. — Думаете, я брошусь собирать вещи только потому, что ваши надежды не оправдались? Вы просто ненормальная, вот вы кто!

— Я не более сумасшедшая, чем ты, девочка! Не ври сама себе! — Голос старухи звучал холодно и властно. — Ты напугана и уже о многом догадываешься. Тебе нельзя здесь находиться.

— Послушайте, все только и делают, что говорят: я не должна была сюда приезжать! — Вера поняла, что возмущением суровую старуху не пронять, и заговорила примирительным тоном. — Кажется, я поняла, в чем дело, Ирина Матвеевна рассказала мне. В этом доме умерло много людей, моих родственников, но ведь люди всегда умирают! Да, в их смертях было нечто необычное, и поэтому вы считаете, что мне нужно уехать? Думаете, у этого места дурная энергетика? Или здесь живут привидения?

— Про привидения мне ничего не известно.

— Вот видите! Значит, бояться нечего. — Вера старалась говорить с Емельяновой ласково, успокаивающе. Та заметила и усмехнулась.

— Я ведь уже сказала тебе: с головой у меня все в порядке! Уезжай. Сегодня же, — упрямо произнесла Мария Сергеевна.

Вера устала пререкаться. Ей хотелось, чтобы назойливая старуха убралась куда подальше.

— Я и так скоро перееду. Ирина Матвеевна тоже считает, что мне не стоит жить здесь, и предлагает переехать к ней. Я согласилась. А теперь оставьте меня в покое.

Она повернулась к старухе спиной и собралась уйти в дом. Емельянова сидела как приклеенная, не двигалась с места.

— Теперь-то что? — сердито спросила Вера.

— Ирина — добрая женщина, — игнорируя вопрос, печально произнесла старуха, — всегда такой была. Только это уже не поможет. Если ты останешься в Корчах, неважно, в своем доме или каком другом, ничего не изменится. Поздно. Это место почуяло тебя и не отпустит. Оно уже начало прельщать! Стало убивать, чтобы ты осталась! Оно опутывает тебя и загоняет в угол, обрубает концы. Послушай меня: уезжай! Пока еще можешь.

Мария Сергеевна почти умоляла Веру, и той стало жутко от ее слов. Она медленно подошла к старухе и с трудом выговорила похолодевшими губами:

— Зачем? Зачем я ему? Что *оно* такое?

Но Емельянова больше не произнесла ни слова. Она с трудом поднялась с лавки, пересекла двор и вышла на улицу, ни разу не обернувшись.

Вера вернулась в дом, едва волоча ставшие слабыми и непослушными ноги. Что происходит? О чем болтает эта юродивая? Наверное, у старухи какое-то психическое заболевание. Двинулась на местных росказнях и пристаёт к людям. То говорит как неотесанная полуграмотная бабка, то вещает тоном оракула. То кликушествует, то рубит фразы на манер героев крутого боевика.

Но думать об этом не хотелось. Лечь бы и уснуть, больше ничего не надо. Однако сначала, напомнила она себе, нужно позвонить Марату. Вера еще на днях собиралась поговорить с бывшим мужем, да все откладывала. Ей нужны были кое-какие вещи: микроволновка, ноутбук, который Марат подарил ей на прошлый день рождения, маленький телевизор, что стоял у них на кухне. Здешний был совсем уж древним.

Вера решительно взялась за телефон.

— Слушаю, — настороженно ответил бывший муж.

— Привет, Марат. Можешь говорить?

— Могу. Как дела?

— Странно, что тебя это интересует, — не удержалась она.

— Конечно, интересует! Мы не чужие друг другу!

— Мило, что ты об этом вспомнил, — ядовито бросила она.

— Послушай, я знаю про Свету, — Марат говорил тихо и несмело. Совсем не так, как обычно. — Ты, наверное, очень переживаешь...

— Да уж, наверное! — ершисто перебила Вера. — А ты как думал? Ладно, твоё фальшивое сочувствие мне ни к чему. Звоню потому, что хочу забрать вещи.

— Конечно, — поспешно отозвался он, — я сложил все в большую сумку, помнишь мы...

— Помню, — она снова не дала ему договорить. — Но мне нужна микроволновка, а ещё телевизор с кухни и ноутбук. Надеюсь, не будешь против? Или ты и на этот случай запасся мамочкиной распиской?

— Пожалуйста, Вера! Что ты говоришь! — запротестовал Марат.

«Решил, что отделался малой кровью! Обрадовался, что не претендую на музыкальный центр, холодильник или стиральную машину».

— Ещё бы ты возражал, — произнесла она, — приеду завтра, до обеда. Будешь дома?

— А сегодня тебе неудобно?

— Нет, — отрезала она, — я живу за городом, и мне сложно добираться домой во второй половине дня.

— Где ты живешь?

— Тебя не касается! — выпалила Вера.

— Ты живешь ...одна? — продолжал настойчиво выпрашивать Марат.

— Тебя интересует, не нашла ли я мужика? — грубовато бросила она, чувствуя, что на глазах закипают слезы. — Хотя это и не твоё дело, отвечу: нет! Я не такая всеядная, как ты!

— Не надо так, Вера, — попросил Марат, — я... я скучаю. Мне плохо без тебя! Прости меня, я вел себя как последний дурак. И скотина.

— Вот как? — холодно осведомилась она.

— Я тебе соврал. Нет у меня никакой расписки. Просто разозлился, что ты так легко

решила бросить меня, вот и брякнул, хотел тебя остановить. Вер, я... такого наговорил! Мне стыдно, и... Может, ты вернешься, и мы начнем сначала?

У нее перехватило дыхание. Колени подогнулись, и она бухнулась на кровать, возле которой стояла. Сердце билось где-то в горле, кровь прилила к лицу. Внезапно Вера осознала, насколько велико было ее желание вернуться. Как отчаянно ждала она его раскаяния, как сильно надеялась, что Марат скажет все то, что произнес сейчас.

Захотелось сказать, что она тоже скучает и тоскует, что ей надоело играть в независимую женщину. Она устала от одиночества, от этого дома, ненормальных сельчан с их дикими сказками. Желание закричать мужу «Приезжай и заberi меня отсюда прямо сейчас!» было настолько сильным, что ей пришлось стиснуть зубы.

Огромным усилием воли Вера подавила рвавшиеся наружу слова и чувства. Успокойся, одернула она себя. Нужно все хорошенько осмыслить. Убедиться, что Марат не лжет. Разобраться в себе, увериться, что этот порыв — не минутная слабость.

— Почему ты молчишь? — немного испуганно спросил Марат, не дождавшись ответа. — Знаю, ты не можешь меня простить вот так, за одну минуту. Но я тебе докажу! Вера, давай поженимся! Выходи за меня! Я люблю тебя, мне больше никто не нужен. И квартиру мы перепишем на твое имя. Завтра же пойдем и перепишем! Теперь ты мне веришь? Вера! — позвал он.

— Я слышу, Марат, — прерывистым голосом отозвалась она, — мне просто сложно... переварить это. Почему ты не звонил? Мне казалось, ты и думать обо мне забыл.

— Я постоянно о тебе думал! Только не мог решиться. Боялся, не станешь слушать. А тут вдруг ты сама звонишь! Так ты приедешь?

— Хорошо, мы поговорим, все обсудим, — как можно сдержаннее отозвалась она. — Я приеду завтра, часов в одиннадцать.

— Договорились! — обрадованно сказал Марат. — Буду ждать.

— Ну, тогда пока.

— Целую тебя.

— Пока, — повторила Вера и с улыбкой нажала кнопку отбоя.

Легла, раскинув руки, и уставилась в потолок. Она всегда признавала, что не переставала любить мужа, хотя и надеялась, что это чувство с годами пройдет. А теперь, выходит, нет нужды вытравливать его из сердца?..

Поначалу казалось, она никогда не сумеет простить. Обида была слишком велика. Но, возможно, Света права, не нужно быть такой категоричной. Люди меняются. Может, они с Маратом и в самом деле заслуживают еще одного шанса? У них снова будет семья, а возможно, и дети. Кроме того, что уж скрывать, примирение означало бы конец осточертевших проблем с жильем. С этим непонятным домом...

Вот только с работы она уже уволилась... Но ничего, что-нибудь придумаем. При желании можно и на старом месте восстановиться. А можно купить машину и ездить сюда. От дома на Северной до сельской школы около часа езды. Бывает, в пробках дольше торчишь. Работа здесь спокойнее, начальства над головой меньше. А дом в Корчах можно продать. Или оставить как дачу, потом решим. «Решим!»! Снова «мы» вместо опостылевшего «я»! Вера понимала, что простила Марата и готова согласиться на примирение.

Однако, несмотря на внезапно нахлынувшее счастье и душевный подъем, ей по-прежнему хотелось спать. Как-то не вяжется одно с другим... Но, прежде чем Вера успела всерьез задуматься об этом, веки отяжелели и снова навалилась парализующая усталость.

«Видимо, я так реагирую на стресс», — решила она, неудержимо проваливаясь в сон.

Когда Вера открыла глаза, за окном было светло. Интересно, сколько она проспала? Наверное, часа два, не меньше. Она приподнялась на локте и дотянулась до телефона. Вот это да — половина восьмого утра! С Маратом они разговаривали около двух часов пополудни, больше семнадцати часов назад! Вскочила с кровати: некогда валяться, дел по горло. Нужно привести себя в порядок, чтобы выглядеть на все сто и показать Марату: она и одна не бедствует. Пусть видит, что Вера вполне самостоятельная, очень привлекательная женщина.

Из дома она выпорхнула чуть позже, чем планировала: пришлось повозиться с прической. Надела купленный в прошлом году легкий костюм цвета морской волны с открытыми плечами и юбкой чуть выше колен. Он был необычно скроен и очень шел Вере.

Слава богу, на этот раз ей никто не встретился и не испортил настроения. В автобус до города она села в прекрасном расположении духа.

С транспортом опять-таки повезло: и ждать не пришлось, и народу немного. «Сегодня мой день, — радовалась Вера, танцующей походкой подходя к знакомой девятиэтажке. — Волнуюсь, как невеста!» Надо срочно стереть с лица это довольное выражение, а то весь воспитательный момент — коту под хвост. Она сурово сдвинула брови и приняла независимый и гордый вид: пусть помучается. Надавила на кнопку звонка и стала ждать, когда Марат распахнет перед ней дверь.

Вскоре она открылась. Но вместо Марата на пороге стояла Римма Ринатовна. Вера настолько растерялась, что не сразу заметила некую странность во внешности свекрови. Буквально через мгновение до нее дошло: она впервые видит мать мужа без косметики. Свекровь молча отступила вглубь квартиры, давая ей войти.

— Здравствуйте, Римма Ринатовна, — проговорила Вера, — что вы здесь делаете?

— Здравствуй. Это я *тебя* хочу спросить, что *ты* здесь делаешь?

— Мы с Маратом договорились сегодня встретиться...

Но свекровь не дала ей договорить. Лицо ее нелепо задергалось, и она завопила:

— Не смей произносить имя моего сына, дрянь! Я всегда говорила, что связь с тобой не принесет ему ничего хорошего! Так и получилось!

Она повалилась в кресло и зарыдала. Плечи ее мелко подрагивали. Внезапно Римма Ринатовна вскинула голову и с ненавистью уставилась на Веру.

— Что, сучка, пришла полюбоваться? Над горем моим насмеяться? На, смотри, радуйся, пока можешь! — иступленно проговорила она.

Вера изо всех сил пыталась сохранить спокойствие.

— Римма Ринатовна, прекратите истерику. Скажите мне, где Марат, и я уйду. Он сам позвал меня поговорить, но если бы я знала, что вы тоже тут будете, ни за что не пришла бы!

Та молчала, не сводя с Веры злых покрасневших глаз.

— Что вы молчите? Вы мне скажете, где Марат, или нет?

— В морге! — с болезненным торжеством выкрикнула свекровь. — Будешь делать вид, что ничего не знала?

Комната поплыла у Веры перед глазами.

— Как ... в морге? Почему? — она не могла собраться с мыслями, голову словно сдавило обручем.

— Потому что умер! Марочки больше нет, — захлебываясь слюной и слезами завизжала свекровь. — И это все ты виновата! Довела его! Если бы не ты, он был бы жив! Лучше бы это ты сейчас там лежала, дрянь, шлюха!

Римма Ринатовна выхаркивала оскорбления, но Вера ее не слышала. В голове молотом стучало: Марат умер. Она пришла помириться, а его больше нет. И никогда не будет.

— Что с ним случилось? — кое-как сумела выговорить она.

Свекровь перестала вопить, и только хрипловато подвывала, раскачиваясь из стороны в сторону. За спиной Веры тихонько приоткрылась дверь, вошла соседка, Ира Маркова. Они с мужем и сыном жили в квартире напротив.

— Привет, — вполголоса поздоровалась Ира. — Римма Ринатовна, давайте я вам водички налью и успокоительного накапаю.

Присутствие постороннего человека немного отрезвило свекровь, она позволила налить себе воды, накапать каких-то туда пахучих капель, залпом выпила все это и удалилась на кухню.

Вера застыла в коридоре, не в силах двинуться с места. Ира жестом пригласила ее в комнату, уселась на диван. Она послушно двинулась следом, но садиться не стала.

— Ты не знала ничего? — прошептала соседка.

Вера покачала головой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А, ну да, — понимающе сказала Ира, — вы же поссорились!

— Угу, — кивнула Вера, — но собрались... помириться, — непролитые слезы мешали дышать, и она говорила сдавленным придушенным голосом. — Я пришла, а он...

— Ой, это же кошмар какой! — покачала головой соседка. — Марат с балкона выпал! Вчера вечером. Мужики внизу стояли, Ковалевым с пятого этажа диван привезли, они выгружали, а он прямо перед ними упал! Руку вывернуло, шея набок... — видимо, Ира запоздало сообразила, с кем говорит, и смущенно замолчала. — В общем, убится сразу. Не мучился, — неуклюже закончила она.

— Как это могло случиться?

— Полиция была, смотрели тут у вас все, расспрашивали — что да как... Матери позвонили. Мы тебе хотели сообщить, так недоступно было, а потом как-то замотались... А она (Ира кивнула на дверь) приехала, сказала ментам, он, мол, один жил.

— Как это случилось? — повторила Вера.

— Кто знает? — пожала плечами Ирина. — С ним же никого не было. Дверь изнутри заперта, мать открывала. У него, говорят, волосы мокрые были, помылся вроде, и на балкон — жара же! Может, голова закружилась. Всякое случается! А может, он сам...

— Он не мог! — ужаснулась Вера. — Зачем? У него настроение было такое... хорошее. Мы вчера разговаривали, он сказал, хочет, чтобы я вернулась. Прощения попросил. Пожениться предложил, я так обрадовалась, — Вера с трудом выталкивала слова из пересохшего горла.

— Обрадовалась она! — Римма Ринатовна, которая, видно, подслушивала под дверью, стремительно влетела в комнату. Ира ойкнула от неожиданности.

— Чему обрадовалась, прошмандовка? Что опять в нашу семью влезешь? Да я бы никогда в жизни не позволила ему на тебе жениться, костями бы легла! Кто ты такая, в жены набиваться к порядочным людям?

Вера оцепенела от горя, но оскорбительные слова сделали свое дело: в ней стала

просыпаться застарелая неприязнь к вздорной склочнице.

— И чем же я вам так плоха? — негромко поинтересовалась она. — Что во мне не так? Я не урод, не пьяница, не проститутка. Даже не курю! Образование у меня, в отличие от вас, высшее. Работаю в приличном месте. Эту квартиру, между прочим, мы с Маратом купили благодаря тому, что я продала мамину комнату и взяла кредит — вам ли не знать, Римма Ринатовна?

Свекровь не ожидала такого отпора и поэтому дослушала Веру до конца. Однако после последней фразы завелась еще больше.

— Вот, значит, зачем ты здесь? Квартиру отхапать? Ничего у тебя не выйдет! Так и знай! Вы с Марочкой, слава богу, не расписаны, ты ему никто, а я — мать! Я наследница, поняла?! Ничего не получишь! Забирай свои шмотки, вон там сумка стоит, у двери, и вали отсюда, пока я милицию не вызвала! Ишь, чего захотела! Квартиру отнять! Не дожدهшься! Иди, доказывай!

— Прекратите, как вам не стыдно? — с отвращением выговорила Вера. — В такой момент... Сейчас о похоронах, наверное, надо бы подумать!

— А чего тебе думать? Надумала уже, угробила Марочку! Сама похороню, тебя близко не пушу! Нечего тебе знать, где он будет лежать! Чтоб духу твоего не было! — вопила Римма Ринатовна. — Подбирается к нам! Хоронить вздумала! А потом нате вам — на квартиру позарится! Видали, какая нахалка? — она попыталась вовлечь в свой спектакль Иру.

— А чего смотреть-то? — грубо ответила та. — Что я, хабалок не видела? Постыдились бы помои лить в такой день. Сына потеряли, а только и думаете, что о деньгах. А Верка — она хорошая. И нечего тут блажить.

Ира встала и направилась к выходу.

— Ты держись, Вер. Если что, звони. Телефон знаешь, — она ободряюще сжала Верину руку и, не удостоив обалдевшую Римму Ринатовну взглядом, вышла из квартиры.

— Спасибо, Ирочка.

Вера взяла сумку с вещами, прошла в комнату, сняла со стены их с Маратом большую фотографию в красивой рамке. Они сфотографировались два года назад, когда ездили на море. Снимок был сделан на закате, фотограф снял Марата с Верой на открытой террасе, а за их плечами в море купалось золотое заходящее солнце. Красивые, счастливые, загорелые, они радостно улыбались в объектив. Вера, которая обычно плохо получалась, здесь вышла очень удачно, и потому эту фотографию, единственную из всех, рискнула повесить на стену, на всеобщее обозрение.

По-прежнему не говоря ни слова, она вернулась в прихожую, открыла входную дверь и оглянулась на Римму Ринатовну.

— Прощайте. Живите, как знаете.

Оглушенная горем, растерянная, уничтоженная, Вера в последний раз выходила из дома на Северной. Не стало Светы, а теперь и Марата...

Марата, с которым она собиралась начать все с начала. Которого любила, от которого хотела детей. Все надежды рухнули вместе с ним со страшной высоты. О чем он думал в последний миг? Как вообще мог упасть?

Где-то глубине души ворочалось нечто смутное, мучительное. Слишком страшное, чтобы позволить себе задуматься, догадаться. Вера чувствовала, что пространство вокруг нее словно бы сужается, не оставляя простора для маневра. Ее неудержимо подталкивало к чему-то, продвигало в заданном направлении. Обходные дороги, запасные пути отпадали раньше,

чем она успевала ими воспользоваться. Кажется, кто-то недавно говорил ей что-то подобное? Но вспомнить, где и от кого она это слышала, не получалось. Снова навалилась непонятная усталость. Опять дико хотелось спать. Ей с трудом удавалось держать глаза открытыми, чтобы не влететь под машину. Кое-как добравшись до автовокзала, она, как заводная кукла, купила билет, уселась в автобус и заснула, едва коснувшись сиденья.

Всю дорогу до Больших Ковшей Вера крепко спала.

Когда она ступила на дорогу, ведущую в Корчи, мимо проплыла полицейская легковушка. Опять что-то случилось, полиция просто так не ездит, промелькнуло в затуманенном мозгу. Вера почти не удивилась, ожидая чего-то в этом роде. Она догадывалась, с кем могло случиться несчастье, но чувствовала странное безразличие. Опустошение, и только. Похоже, она потеряла способность эмоционально реагировать на несчастья: слишком много их случилось за последние дни. Выработался иммунитет. Девушка по инерции переставляла ноги, бездумно глядя перед собой. Шла медленно, часто останавливалась передохнуть, так что обычная дорога заняла почти полтора часа.

Полицейская машина, а рядом с ней и «скорая», стояли возле дома Ирины Матвеевны. Местные жители, похожие на взъерошенных испуганных воробьев, жались поблизости серой сиротливой стайкой. Вера подошла ближе. Старики и старухи сплотили ряды и единым движением, не сговариваясь, отодвинулись от нее. Отхлынули. Она ничего не заметила.

— Что случилось? Что-то с Ириной Матвеевной? — спросила она.

Ей никто не ответил, да и не требовалось: двое мужчин в белых халатах вынесли из дома бывшей учительницы носилки, накрытые простыней. Вскоре их страшная ноша оказались внутри машины и «скорая» укатила.

— Все, граждане, можете расходиться.

Полицейские загрузились в машину и тоже собрались уезжать.

— Выпейте валерьянки, что ли, — сочувственно посоветовал тот, что помоложе, глядя на судорожно рыдающую Марусю. Больше в маленькой кучке стариков никто не плакал. Мужчинам, как известно, не положено, тетка Татьяна скорбно морщила лоб и вздыхала, а старуха Емельянова о чем-то размышляла, держалась отстраненно и смотрела в сторону.

Полиция уехала, Вера осталась наедине с соседями. Стояла напротив них и никак не могла уйти к себе. Волны озлобления и страха, исходящие от стариков, были настолько ощутимы, что их можно было потрогать руками.

— Как она умерла? — прервала немую сцену Вера.

При звуке ее голоса старики стали расходиться, словно по сигналу. Поворачивались и спешили в свои дома, под защиту стен. Стремились спрятаться, забыться привычными делами.

Через пару минут на пыльной улице остались только Вера да старуха Емельянова, которая все так же задумчиво глядела куда-то вбок.

— Мария Сергеевна! — позвала Вера. — Можете ответить, как это произошло?

— Ночью случился инфаркт. Умерла в своей постели.

Веру немного отпустило. Если бы старуха сказала, что Ирина Матвеевна упала в погреб и сломала шею, или угорела в бане, нервы у нее точно не выдержали бы.

— Выходит, умерла во сне? — В ее голосе явственно прозвучало облегчение. Емельянова уловила это и едва заметно усмехнулась.

— Это вряд ли.

— То есть? — не поняла Вера.

— Ирина утром долго не выходила, но с ней такое бывало. Могла ночью засидеться за книжкой, а утром поспать подольше. Осталась городская привычка. Но к десяти часам она бы встала! А тут Танька проходила мимо ее окон: занавески темные не подняты, куры в

сарая вкочнут, во двор не выпущены. Она забеспокоилась, мы и пошли. Входим, — голос железной старухи треснул и задрожал, — а она в спальне, на кровати. Ночнушка в цветочек, одеяло на себя натянула, забила в угол и сидит. Мертвая.

— Видимо, ее разбудили...

— Увидела что-то или услышала, — согласилась Емельянова, — и напугалась так, что сердце не выдержало.

— Она хотела помочь мне. И не успела.

Мария Сергеевна смотрела на нее немигающим взглядом, в котором смешались боль, гнев, страх. «Винит меня», — подумала Вера. И эта мысль словно пробила дыру в ледяном панцире.

Ее затрясло. Слезы, которые застряли где-то в груди, стали выплескиваться судорожными рыданиями, и она заговорила ломким, срывающимся голосом, не заботясь, как выглядит и что про нее подумают:

— Что уставилась?! Думаешь, не знаю, что у тебя на уме? Что это я виновата, да? Да?! А знаешь, что она одна у меня еще и оставалась, больше — никого! Знаешь, что мой муж умер? Выпал из окна! А я к нему мириться поехала. Он прощения просил, и я решила — прощу! Приезжаю — а там сука эта старая, ненавижу! И тоже меня обвиняет! Да пойми ты, я хотела отсюда свалить, хотела! А он умер! Умер! — заголосила Вера и опустилась на землю. Обхватила себя руками, завывала, содрогаясь всем телом.

Только сейчас, выкрикивая эти безысходные слова, она осознала, что Марата больше нет. Окончательно и бесповоротно. Этого не изменить и не исправить. Он никогда не заговорит с ней, не улыбнется, не позвонит, не поцелует. Они не помирятся, и больше не поссорятся. И детей у них не будет, и дома.

Вера рыдала, а Мария Сергеевна, не делая попытки ее успокоить, стояла и рядом. Постепенно слезы иссякли, она только тихонько всхлипывала, и тогда старуха Емельянова негромко произнесла:

— Значит, и муж у тебя помер.

Вера подняла голову, посмотрела на Емельянову.

— Я тоже вижу, — прошептала она. — Сначала убрали Светку, потому что она что-то увидела, потом эта Юлия. Я хотела работать на ее месте. Когда решила вернуться к нему, разбился Марат. И Ирина Матвеевна... Она предложила мне свой дом вместо моего. Теперь все?

— Теперь все только начнется.

Старуха Емельянова отвернулась от Веры и посмотрела на толмачевский дом.

— Оно набирает силу, а у тебя силы нет. Остается только подчиняться.

— Чему? О чем вы говорите? Объясните, ради бога, что вы имеете в виду? — спросила Вера, поднимаясь с земли, и тут же, не дожидаясь ответа, заговорила сама. — Только ни во что такое я не верю! Может, это совпадения? В жизни столько совпадений, а вы меня просто пугаете! Может такое быть?

— Может, — согласилась старуха, — но не в этот раз. Мой отец и дед были священниками. Дед умер в двадцать первом. Слава Богу, сам, от инфаркта. А отца расстреляли. Дед оставил дневники, которые, правда, пропали в революцию. Я с детства знаю: вера она потому и вера, что некоторые вещи душой принимаешь, а не умом, не глазами. Чтобы во что-то верить, не обязательно это осязать, обонять, трогать, слышать и видеть. Не только материальное истинно, пойми. Дед говорил: «Машуля, ты не видишь

воздуха, но это вовсе не означает, что воздуха не существует!» Он так объяснял мне существование Господа. Не знаю, веришь ли ты в Него. Я — верю. Как верю и в ту силу, которую Он попрал, и которая хочет возвыситься вновь.

— Здесь?

— Повсюду. В каждом тонком месте. Всегда, когда есть возможность.

Вера потрясла головой.

— Не хочу вникать во все это! Я устала от сюрреалистических бредней! Привидения, поля, энергетика, хоть сам сатана — хочу быть подальше от этого. Завтра же уеду — радуйтесь! Сниму жилье в Больших Ковшах, продам чертов дом и забуду про эту жуть. Довольны? — с вызовом проговорила она.

— Скажи ты мне это два дня назад, я бы ответила — да, — вздохнула Емельянова. Она смотрела на Веру долгим, тягучим взглядом. — Сейчас все зашло слишком далеко. Ты не сумеешь уехать.

Вера собралась возразить, но тут со стороны Больших Ковшей послышался шум подъезжающей машины. Синяя «семерка», натужно кряхтя, въехала в Корчи и остановилась возле дома Маруси. Из автомобиля с трудом выбралась полная женщина в юбке-марлевке и необъятной цветастой кофте. Подмышками расплылись влажные круги, пыльного цвета волосы замотаны в реденький пучок на затылке. Женщина обернулась, и Вера сразу узнала в ней Анечку, которую встретила в магазине тети Сони. Та тоже узнала Веру и поспешно отвернулась, бегло кивнув Марии Сергеевне.

— Мама, мы приехали, — зычно возвестила она и прибавила чуть тише: — Петр, выходи, чё сидишь?

Ага, стало быть, эта Анечка — та самая плодовитая дочь Маруси, про которую ей рассказывала Ирина Матвеевна. Мысль о том, что старой учительницы больше нет, снова больно ужалила Веру. Она сжала зубы, чтобы опять не расплакаться.

Из «жигуленка» выбрался Петр, лысый и круглоглазый, как лемур. В отличие от жены, мелкий и тощий.

Дверь дома распахнулась, Маруся засеменила навстречу дочери и зятю.

— Что это от тебя лекарством пахнет? Сердце? — в голосе Анечки слышалась неподдельная тревога.

Емельянова с ноткой зависти произнесла:

— Нюрка — хорошая дочь, ничего не скажешь. Любит мать, заботится.

Анечка тем временем бережно вела мать обратно в дом, приговаривая:

— Будешь с нами жить. Тишина и покой. Хватит, нажилась в этом медвежьем углу.

Нечего тебе теперь, — она злобно зыркнула в сторону Веры, — тут делать. Вещи собрала?

Их голоса смолкли, но уже через несколько минут женщины вновь появились на улице. Анечка с мужем принялись сноровисто затаскивать узлы и тюки в багажник, а Маруся заковыляла к Вере и Марии Сергеевне.

— Забирают меня, Мань, — виновато сказала она, одергивая платье. — Нюра говорит, без тебя, мол, назад не поеду.

Старушка опасливо покосилась на Веру и заискивающе посмотрела на Марию Сергеевну. Похоже, она слегка опасалась соседки.

— И правильно! На то она и дочь! — одобрила Емельянова намерение Анечки.

Маруся с облегчением зачастила:

— Они и раньше звали! Нюра говорит, комнату дадим, места много. А мне жалко,

Мань! Куры у меня, мебели, огород. Как бросишь? Хоть плачь!

— Да уж твои «мебели» не бросить! — ухмыльнулась Емельянова. — Антиквариат! Да и в огороде одна лебеда. Больно ты им занималась!

— Здоровья-то нет, Мань, — робко оправдалась Маруся.

К ним решительным шагом маршировала Анечка. Видимо, она прислушивалась к разговору и спешила вставить свои пять копеек:

— Мам, ну, какой у тебя огород? А у нас с Петром тридцать соток, паши — не хочу! Курей завтра заберем, посадим к нашим. Петр договорился с машиной.

— Спасибо, Нюра.

Маруся глядела на дочь с любовью и нежностью, видя перед собой не толстую неряшливую женщину, а ту Анечку, которую держала на руках еще младенцем, провожала в первый класс, отдавала замуж. Юную, прелестную девчушку, какой она навсегда останется для своей матери.

Петр отнес в машину последний баул и с грохотом захлопнул багажник.

— Выдвигаемся, что ли? Карета подана, — хохотнул он.

— Идем, идем, — отозвалась жена.

— А дом-то запереть? — вскинулась Маруся.

— Что у вас брать-то, мамаша? Кто позарится на ваши табуретки? Нашлись бы хорошие люди, мы и сами бы приплатили, только заберите! — не к месту взялся острить Петр.

— Помолчи, — цыкнула Анечка, — садись в машину, не мороси.

— Эх, мать честная, — поморщился Петр, но послушаться не посмел.

— Пошли, мама. До свидания, Марь Сергеевна.

Они двинулись к машине. Внезапно Анечка остановилась, будто передумала, и обернулась. Видимо, ей давно не терпелось высказаться.

— Довольна? Сколько народу перемерло! Ишь, выставилась! Люди с насиженных мест снимаются, а ей все нипочем! Бессовестная... — расходилась она, но старуха Емельянова осадила:

— Все, Анна, хватит! Замолчи!

Та задыхнулась от возмущения, но продолжать не рискнула. Мария Сергеевна слегка улыбнулась и сказала:

— Мать береги. Поезжайте с Богом.

Маруся снова заплакала, зашмыгала носом. Старуха Емельянова обняла ее за плечи, зашептала что-то на ухо и повела к машине. Анечка напоследок смерила Веру злым взглядом, открыла рот, но тут же захлопнула его, поджала губы и спешно зашагала следом.

Через пять минут автомобильчик скрылся за ближайшим поворотом. Мария Сергеевна, не пожелав больше говорить с Верой, направилась к своему дому.

Вера тяжело потащилась к себе. Толмачевский дом терпеливо поджидал ее, плясь через улицу сверкающими на солнце окнами.

Придя домой, Вера, не раздеваясь, упала в кровать и моментально заснула. Она забыла, когда в последний раз ела, но голода не ощущала. Желание было одно — спать. Краем меркнувшего сознания успела отметить, что в постоянном сонном состоянии есть что-то ненормальное. Эта здравая мысль полыхнула в голове и тут же погасла.

Проснулась девушка внезапно, словно ее толкнули. Она смутно припоминала, что только что видела во сне мать. Та трясла Веру за плечо и сердито говорила: «Вставай! Опоздаешь! Давай, просыпайся! Проспишь!».

Вера открыла глаза, и сначала ей показалось, что в комнате солнечно. Но в уже следующую секунду она сообразила, что видит свет пламени. За окном что-то горело! Она вскочила с кровати и с ужасом осознала, что вся комната заполнена густым едким дымом. Господи, как она могла спать: здесь же дышать нечем! Мучительно закашлялась, схватилась за горло, на глазах выступили слезы.

— Пожар, — прошептала она, — мамочка, я горю!

Метнулась к окну и заголосила:

— Помогите, пожар! Кто-нибудь!

Она хотела разбить стекло, чтобы выбраться наружу, но тут же поняла, что это невозможно: ей пришлось бы прыгать в открытое пламя. В самой комнате ничего не горело, но кто-то развел огонь под окном.

Вера выбежала из спальни и бросилась в другие комнаты — везде одно и то же. Белесая пелена вонючего дыма и яркие сполохи за окнами. Становилось все жарче. Стены раскалились от огня, и Вера чувствовала себя курицей в духовке. Пот лил ручьями, дышать было невозможно. Шатаясь, теряя сознание и пытаясь задержать дыхание, она почти ползком пробралась в кухню, нашарила полотенце и вылила на него содержимое чайника. Плотной прижала мокрую тряпку к лицу и с наслаждением несколько раз вдохнула.

Стало чуть легче, вернулась ясность мысли. Пожар возник не сам по себе, из-за неисправной проводки или еще чего. Ее хотят убить! Кто-то нарочно устроил поджог, разложил под каждым окном костер, чтобы Вера не могла выбраться. «Дверь!» — запоздало сообразила она и бросилась в коридор. Но дверь, разумеется, была закрыта снаружи. Вера забарабанила по ней и заорала:

— Эй! Выпустите меня! Выпустите! Откройте!

Она стучалась, билась, вопила и плакала, но никто не отзывался. «Я не хочу умирать», — отчаянно думала Вера, по-прежнему оставаясь запертой в дымном плену. Кулаки болели, в горле саднило, сердце колотилось как сумасшедшее, виски ломило, слезы текли сплошным потоком, мешаясь с потом.

Смирившись, что звать на помощь, кричать бесполезно, и никто не собирается ее выпускать, Вера опять пробралась на кухню и снова смочила свое полотенце, на этот раз нащупав в темноте кран. Прижав влажную ткань к лицу, села на пол.

Это точно старуха Емельянова! Днем она сказала, что уехать Вера не сможет! Потому и не сможет, что сгорит. И с ее смертью все прекратится. Что бы это ни было.

Неожиданно Вера успокоилась. Возможно, все к лучшему. Зачем ей жить? Для кого? Стоит ли так уж цепляться за жизнь? Ладно бы у нее была семья: муж, родители, дети, которым без нее плохо. Но она осталась совсем одна, ее смерть никого не огорчит, никому

не причинит боли и горя. Все равно она когда-нибудь умрет, так почему не сейчас?

Своим приездом Вера запустила неведомый механизм, привела в действие таинственные шестеренки, и невинные люди вокруг нее стали гибнуть. Она никому не желала зла, но вина за эти смерти по неведомым причинам ложилась на нее. Наверное, пришла пора искупать свои грехи.

Мысли текли медленно и неохотно. Дыхание было частым и поверхностным, как у больной собаки. Вера не кричала и не суежилась, просто сидела на полу, оставив попытки спастись. Мозгу не хватало кислорода, сознание затуманивалось, ее опять стало клонить в сон.

«Если умереть означает просто уснуть, то пусть я умру. Только бы не мучиться, не задыхаться. Лечь и спать, как после трудного дня».

Она прикрыла глаза и поудобнее привалилась к стене, не забывая держать возле лица полотенце. Через некоторое время Вера действительно стала засыпать, но тут заметила нечто странное. Запах дыма стал не таким сильным! Тряпка у лица была уже практически не нужна.

Она широко распахнула глаза и с изумлением обнаружила, что в кухне почти нет дыма. Держась за стену, поднялась на ноги, поковыляла к окну. Огонь больше не бушевал за стеклами, пламя унялось и лишь вяло потрескивало. Вера трясущимися руками подергала шпингалет и настежь распахнула окно.

Ворвавшийся в кухню ночной ветер был таким свежим и вкусным, так быстро наполнил ее больные легкие живительной силой, что она едва устояла на ногах. Жадно дышала, вцепившись обеими руками в подоконник.

Постепенно дыхание восстановилось, и Вера стала лихорадочно соображать, вглядываясь в темноту. Что произошло? Почему погас огонь? Поджигатели пожалели ее, решили оставить в живых? Или изначально не собирались убивать, просто пугали?

Вера отодвинулась от окна, присела на табурет. Потом поднялась, умылась, намочила волосы. Давясь, кашляя и захлебываясь, залпом выпила три стакана холодной воды. Она не сомневалась, что пламя утихло везде, не только под окном кухни, и ей больше не грозит погибнуть во время пожара, как прадеду и прабабке.

Окончательно придя в себя, обошла остальные комнаты и убедилась, что пламя по неизвестной причине всюду погасло. Она открыла все окна, проветривая дом, и подошла к входной двери. Поколебавшись минуту, с силой толкнула ее. Израненные руки зазвенели острой болью, но дверь оставалась неподвижной. Если ей хотели сохранить жизнь, то, наверное, в первую очередь открыли бы дверь, чтобы она могла выбраться. Погасить огонь под окошками она вполне смогла бы и сама — зачем утруждать? Выходит, никто и не думал ее спасать. Но тогда почему погасло пламя?

Вера вылезла через окно на улицу. Неловко зацепилась юбкой за открытую створку, и легкая воздушная материя с треском порвалась. Она спрыгнула на землю. Догадки ее подтвердились: под окнами кто-то разложил большие костры из сухих веток, в воздухе ощутимо пахло бензином. Вера склонилась над одним кострищем и принялась внимательно разглядывать его. В серых сумерках наступавшего утра увидела, что ветки не залиты водой, вокруг совершенно сухо. Получается, никто не пытался гасить пламя.

Чтобы щедро облитые бензином ветки погасли сами собой, да еще в такую жару, какая стоит этим летом?! Вера плохо разбиралась в физике, но это, кажется, противоречило всем ее законам.

Стены дома были черными от копоти. Оконные рамы тоже почернели, и Вера удивилась, почему они не загорелись? Почему стекла не лопнули? Может, не хватило времени? Сколько же длился пожар? Сплошные вопросы... Голова гудела, ныли отбитые об дверь руки, ломило спину.

Обойдя дом, Вера поднялась на крыльцо. Оказалась, что дверь подперли снаружи огромным ломом. Выбить ее изнутри не было никаких шансов. Она с усилием отодвинула лом, и в который раз спросила себя, что же спасло ее от верной смерти? Уж точно не раскаяние поджигателей.

— Спаслась! — громко произнес знакомый голос. — Ну, теперь уж все.

Вера, не выпуская из рук лома, стремительно обернулась.

У калитки сгрудились все шестеро оставшихся жителей Корчей: старуха Емельянова с Семенычем, тетка Татьяна, ее муж Федор, братья Козловы. Они молча смотрели на Веру. Только тетка Татьяна шевелила губами, прикрыв глаза. Должно быть, молилась.

— Это вы? — непослушным севшим голосом прокаркала Вера. — Вы хотели меня убить?

Старики хранили молчание. Выглядели суровыми и мрачными. «Как раскольники», — подумала она, хотя понятия не имела, как должны выглядеть раскольники.

— Я вас спрашиваю! — разрывая связки, завопила Вера и отшвырнула тяжелую железяку. — Сволочи! Убийцы!

Она, спотыкаясь, сбежала с крыльца и двинулась к ним. Ее не пугало, что они могут наброситься на нее все вместе, забить чем-нибудь до смерти. Не боялась, хотя их было больше, а ее мотало от слабости. Она вообще ни о чем не думала, просто продолжала идти на них, глядя в упор то на старуху Емельянову, то на братьев Козловых, то на других поджигателей.

Веру ничто не страшило, а вот старики, наоборот, перепугались. Они держались друг за друга, как заблудившиеся дети, и едва не бросились бежать, когда Вера подошла ближе. Похоже, их сдерживало только присутствие Марии Сергеевны — идейной вдохновительницы.

— Да, мы собирались сжечь тебя, — спокойно ответила она за всех. Единственная, кто не пошевелилась при приближении Веры. — Разложили костры, облили ветки бензином, закрыли дверь — ты видела лом. У тебя не оставалось ни одного шанса выбраться. Ты должна была задохнуться во сне! Ты ведь много спишь? — внезапно спросила старуха Емельянова.

— Да, — машинально ответила Вера. Старуха кивнула.

— И все-таки у нас ничего не вышло. Слишком долго собирались! — Она строго глянула на притихших стариков, как на нашкодивших детсадовцев.

— Вы не гасили огня? — прошептала Вера.

— Разумеется, не гасили, — отмахнулась Мария Сергеевна. Она словно не подробности убийства излагала, а рассказывала о том, как собиралась травить тараканов. Хладнокровно и с полным сознанием своей правоты. — Разве для того мы его с таким трудом разводили, чтобы потом погасить? Мы уже не в том возрасте, чтобы глупостями заниматься.

— Вы поганые убийцы! — снова приходя в бешенство, зарычала Вера. — Я в полицию пойду, пусть вас всех пересажают!

— Некого будет сажать, — глухо оборонила Мария Сергеевна. — Пойдем, пожалуй.

Старики как по команде повернулись и зашаркали к своим домам. Как будто ничего

особенного не случилось. Словно они каждый день поджигают спящих, ничего не подозревающих людей в их собственных домах!

— Эй, постойте! — позвала Вера и задала свой главный вопрос:

— Если вы не гасили огонь, то как он тогда погас? Кто погасил пламя?

Это произвело неожиданный эффект. Братья Козловы синхронно заматерились и ускорили шаг. Тетка Татьяна в голос завыла и запричитала «Господи Иисусе, Пресвятая Богородица, спаси нас», вцепилась в мужа и не оглядываясь, потащила его домой.

Емельяновы остановились. Мария Сергеевна ласково погладила мужа по плечу. Он пошел дальше, видимо, поняв, что она хотела сказать этим успокаивающим жестом. Старуха развернулась и пошла назад. Голова ее была опущена к земле. Не дойдя до Веры пары метров, она остановилась и посмотрела на нее. Вера вздрогнула. Никогда раньше ей не приходилось видеть в человеческих глазах такого ужаса.

— Ты нужна ему, — прошептала старая женщина, — поэтому и осталась жива. Оно сохранило тебя для себя.

— Оно?

— Лучше бы ты умерла. Сама скоро поймешь.

Пораженная Вера молчала.

— Мне надо идти, — голос старухи звучал слабо и невыразительно. Она прикрыла глаза, покачала головой и ушла догонять мужа, который уже почти добрал до дома.

Вера так и не сумела подняться на крыльцо. Кое-как доковыляла до лавки, на которой недавно (а будто целую вечность назад!) поджидала ее старуха Емельянова, упала на узкую деревяшку. Безвольно свесив руки вдоль туловища, слепо уставилась перед собой.

Она понимала: надо обдумать сложившуюся ситуацию. Немедленно что-то предпринять! Нельзя после *такого* сидеть и ждать неизвестно чего. Что, если старики решат вернуться и добить ее? У Козловых есть ружье. А она в таком состоянии, что ее можно задушить голыми руками. Нужно срочно уйти отсюда или позвонить в полицию, попросить помощи. В горле першило и резало, хорошо бы попить тепленького, принять таблетку. Не мешало бы показаться врачу — руки болят нестерпимо, возможно, что-то сломано.

Но Вера сидела и ничего не делала. Ей не хотелось бежать, прятаться, рассказывать кому-то о случившемся, защищаться. Она была не в состоянии просто подняться с чертовой лавки.

Сама того не заметив, провалилась в забытие, и очнулась от того, что прямо в глаза настойчиво било солнце. Она вяло разлепила веки, но тут же снова зажмурилась. Попыталась подняться с лавки, и, застонав, опустилась обратно: все тело затекло от сидения в неудобной позе, поясница отозвалась ноющей болью, шея одеревенела.

Со второй попытки ей удалось-таки встать. Вера потянулась, повертела головой, хотела помять ладонями спину, но невольно вскрикнула от боли: руки с тыльной стороны превратились в один сплошной синяк, пальцы распухли и почти не гнулись. От маникюра остались одни воспоминания. Однако, похоже, кости целы. Могло быть и хуже, а так — легко отделалась, подумала Вера и поздоровалась сама с собой:

— Доброе утро.

Голос был чужим, низким и сиплым, горло болело. Нужно выпить чаю. Вера повернулась лицом к дому, собираясь подняться на крыльцо. Занесла ногу над ступенькой и застыла от изумления.

Дом выглядел совершенно обычно. На нем не было никаких следов ночного пожара.

Кирпичик к кирпичику, ни сажи, ни черных разводов копоти. Окна приветливо сверкали свежевывытым блеском. Позабыв о боли, Вера обошла дом и убедилась: за несколько часов он полностью восстановился! И обгоревшие ветки, наваленные под окнами, диковинным образом исчезли.

Присниться это не могло — вот они, доказательства! Девушка вытянула вперед израненные руки и несколько секунд смотрела на них. Она чуть не сгорела, а потом ругалась с полоумными стариками — все это было! Было!

Но где тогда последствия пожара?

Вера круто повернулась и побежала в дом. Ураганом промчалась по комнатам, сбросила с себя и зашвырнула в мусорное ведро все, что было на ней: нижнее белье, нарядный костюм, пришедший в полную негодность. Схватила с полки трусики, лифчик, нацепила попавшийся под руку сиреневый сарафан. Наспех умылась, причесалась, почистила зубы, чтобы убрать изо рта противный привкус. После недолгих поисков нашла свою сумку, положила туда все деньги, телефон и документы.

На всё про всё ушло минут пятнадцать, и вскоре Вера бежала по дороге. Деревня выглядела как обычно: старые дома, как сонные черепахи, примостились друг возле друга. Мирная обыденная картина навевала, тем не менее, тошнотворный страх. Отойдя на порядочное расстояние, словно кто-то мог услышать ее, Вера достала из сумки сотовый и нашарила в боковом кармашке клочок бумажки с телефонным номером. Остался последний человек, к которому Вера могла обратиться за помощью. К тому же он что-то знал обо всей этой истории.

Было довольно рано, но сейчас Веру мало заботили приличия. Раздались гудки, и она облегченно вздохнула: отлично, телефон не отключен! На четвертом гудке трубку сняли.

— Алло! — бодро отозвался Паша.

— Привет, это я. Вера.

Паша подобрал ее на автобусной остановке. Той самой, где они впервые встретились, когда она приехала в Большие Ковши. Вере казалось, это было в другой жизни, много-много лет назад. И сама она стала другой. Состарилась.

Паша узнал ее голос с большим трудом. Она не стала вдаваться в подробности, пообещав все рассказать при встрече, просто сказала, что попала в беду и ей нужна помощь. Паша немедленно спросил, где она, куда ему подъехать.

На ее счастье, он ночевал у матери, в Ковшах, так что долго ждать не пришлось: не успела присесть на скамейку на автобусной остановке, как рядом затормозила выдавшая виды серая «девятка» и оттуда вылетел Паша.

— Вера!

Не обращая внимания на любопытные взгляды редких прохожих, он поднял ее на руки и понес к машине. Усадив на переднее сиденье, обежал «девятку» и уселся рядом.

— Господи, Вера, что с тобой?

— Неважно выгляжу? — попыталась улыбнуться Вера.

— Ты когда ела в последний раз? Что с твоими руками? Тебя били?

Она повернула зеркало заднего вида и посмотрела на свое отражение. Бледное до голубизны, исхудавшее лицо. Запавшие глаза, обведенные темными полукружьями. Волосы спутанные, губы потрескались в кровь. Вера отвернулась.

— Это все неважно, Паш. Нам нужно поговорить. Что-то происходит, и больше мне не к кому обратиться.

— Конечно, только сначала давай-ка я отвезу тебя к доктору.

— Не надо доктора, — решительно запротестовала Вера, — я здорова.

— Хорошо, — он не стал спорить и завел двигатель. — Поступим так. Сейчас поедem ко мне. Вернее, к моей маме. Она уже ушла на работу, так что мы сможем нормально поговорить. А там разберемся, что делать.

Мать Паши жила в небольшом домике, спрятавшемся за высоким голубым забором. В палисаднике густо разрослись сирень и черемуха. Павел оставил машину у ворот, и они зашли во двор: вымощенная светлым камнем дорожка, аккуратная поленница, резная лавочка, собачья будка как с картинки детской книжки, мохнатый добродушный пес. Внутри дома все тоже выглядело трогательным и милым. Удобная мебель, вышитые коврики, кружевные занавески, светильники с нарядными абажурами, картины на стенах — возможно, здесь было слишком много всего, но Вере пришелся по душе этот бесхитростный, незамысловатый уют. Чувствовалось, что каждая вещь оказалась на своем месте не просто так, ее выбирали с любовью.

— Здесь есть горячая вода. Хочешь принять душ? — немного смущенно спросил Паша. Вера с радостью приняла это предложение: она ощущала исходящий от нее запах гари, который вьелся в кожу и волосы.

Боль в руках заметно утихла: Паша дал ей обезболивающее. Вера достала из косметички маникюрные ножницы и пилочку, наскоро привела в порядок ногти. Горячая вода, запах шампуня и душистого геля доставили такое удовольствие, что она долго не могла заставить себя вылезти из ванны. Когда же, наконец, чистая и благоухающая, с влажными волосами она появилась на кухне, Паша улыбнулся:

— Теперь ты больше похожа на себя. Садись завтракать.

Вера послушно присела на табуретку у окна и стала смотреть, как Паша хлопчет у плиты, повязав цветастый мамин фартук. Спустя пару минут он поставил перед ней большую порцию овсяной каши с фруктами.

— Овсянка на завтрак — это полезно. К тому же больше ничего нет, — извиняющимся тоном проговорил Паша.

— Спасибо, обожаю овсянку, — соврала Вера. — А ты почему не ешь?

— Уже позавтракал. Но кофе с тобой попью. Ты ведь будешь кофе?

— Угу, — кивнула Вера, — сто лет не пила! А молоко у тебя есть?

— Есть. И печенье найдется. Будешь?

— Буду. В последнее время вечно забываю поесть, хорошо еще, добрые люди подкармливают.

Она пробовала шутить и говорить непринужденно, но получалось плохо. Что случилось с ее жизнью? И что еще случится?

Вера боялась начать разговор. Она стала отходить от пережитого, и теперь ей казалось невыносимым, что она ни свет ни заря позвонила едва знакомому человеку, отвлекла его от дел (Вера слышала, как он звонил в школу, объяснял, что сегодня не придет на работу), оказалась у него в гостях. И теперь сидит за столом в кухне его матери и поглощает приготовленную ею для сына овсянку.

— Я вымою посуду, — предложила она и поднялась со стула.

— Тут и мыть-то нечего, я потом сполосну, — отмахнулся Павел. — Ты сказала, нам надо поговорить.

Она затравленно глянула на него и отвела глаза.

— Давай я все же помою. Мне надо собраться с мыслями.

Вера повернулась к Паше спиной и открыла кран. Ей всегда нравилось прибираться на кухне, даже странно было, почему многие женщины этого не любят. Вере была по душе любая работа по дому, связанная с водой — стирка, мытье полов, окон и посуды.

Покончив с чашками и тарелками, Вера вытерла руки ярким нарядным полотенцем, повесила его обратно на крючок и снова уселась за стол. Она была готова рассказать Паше обо всем, что с ней случилось за последние две недели. Надо же, всего две недели...

Сначала Вера говорила медленно, с трудом подбирая слова. Но вскоре уже не могла остановиться: пережитое выплескивалось бурным потоком, она припоминала новые подробности, заново переживала загадочные и страшные события.

Паша умел слушать. Был внимателен и вдумчив, ободряюще кивал, не перебивая. Когда она выговорилась и замолчала, он продолжал смотреть на нее, словно обдумывая, что можно сказать, а что нет. Вера восприняла его молчание по-своему.

— Считаешь меня чокнутой? — нервно хмыкнула она.

— И в мыслях не было, — спокойно возразил Павел. — Ты же сама убедились: здешние жители считают толмачевский дом чем-то вроде дома с привидениями. Ты лишь недавно узнала историю своей семьи, а они — точнее, мы — знали ее всегда. Так что я ожидал чего-то в этом роде.

— Почему не предупредил меня ни о чем? — сердито произнесла Вера.

— А ты бы мне поверила? Если бы я в день знакомства вывалил на тебя местные легенды и свои собственные опасения? — мягко усмехнулся Паша.

— Извини. Глупость сморозила, — после паузы согласилась она.

— Принимается! — Паша откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. — Но на самом деле мне тогда хотелось кое-что тебе рассказать. Я потому тебя и искал.

— Что рассказать? — Вера стремилась и одновременно страшилась это узнать.

— Вера, я историк. Копаться в прошлом — моя профессия. А толмачевский дом — это просто болезнь моей юности! Я узнал про него все, что только можно было: читал, говорил с очевидцами. Все, что тебе рассказала Ирина Матвеевна, в принципе, никакой не секрет. Живы, или были живы на тот момент, когда я их спрашивал, люди, которые многое видели своими глазами. Однако свидетелей событий более раннего периода не осталось. Сведения о твоём прадеде, Владимире Толмачеве, я собирал буквально по крупицам. Повезло еще, что он был фигурой заметной, довольно известным революционером. Ты ведь этого не знала?

Вера отрицательно покачала головой.

— Его героической личности посвящена отдельная статья в сборнике биографий революционных деятелей. Захочешь — прочтешь, я тебе дам.

— Паша, как он умер? Ирина Матвеевна упоминала о пожаре.

— Верно, Владимир Толмачев и его жена сгорели в собственном доме. Официальная версия, поддержанная и местной газетой, гласит, что произошел несчастный случай.

— Выходит, есть и неофициальная? — похолодела Вера.

— Есть. Скорее, некоторое уточнение. Дело в том, что пожар Владимир Толмачев устроил сам. Застрелил свою жену, и, когда пламя разгорелось, застрелился.

Вера не могла вымолвить ни слова. Паша сочувственно посмотрел на нее:

— Прости за эти подробности.

— Не извиняйся, — замотала головой она, прикрыв ладонью рот. — Продолжай, пожалуйста. Я уже ко всему готова.

«Боюсь, не к тому, что я собираюсь тебе рассказать», — подумал он.

— Затушить пламя не было никакой возможности: Владимир Толмачев устроил пожар со знанием дела, поджег свой дом сразу в нескольких местах. Односельчанам оставалось смотреть, как бушует пламя, и следить, чтобы оно не перекинулось на соседние дома. Люди слышали, как Толмачев клялся истребить на корню всю гнилую породу, как кричала его жена, Варвара, и просила выпустить ее. Слышали, как раздался выстрел, и женские крики смолкли. Потом Владимир выстрелил еще раз, уже в себя.

— Гнилую породу? Он имел в виду себя и свою семью?

— Видимо, да.

— Но ведь мой дед спасся?

— Он бы не спасся, да мать каким-то чудом умудрилась выбросить полумертвого ребенка из окна. Остальное ты знаешь от Ирины Матвеевны. Но это только вершина айсберга. Загадка дома кроется куда глубже. Я уже учился на истфаке, писал курсовую. Копался в архиве университетской библиотеки, в отделе рукописей, и случайно наткнулся на дневниковые записи. Точнее, небольшой отрывок. Писал местный священник...

— Дед Марии Сергеевны! — озарило Веру.

— Кого, прости?

— Старухи Емельяновой! Она сказала, ее дед и отец были священниками, и дед вел дневник, который пропал во время революции!

— Вполне вероятно, — согласился Павел, — так вот, уцелевшие записи касаются бабушки твоего деда, Елизаветы Толмачевой.

— Елизавета Толмачева, — Вера завороченно попробовала имя на вкус. — И что с ней

случилось?

— Как ты понимаешь, о многом можно только догадываться. Видимо, дело было примерно так. Елизавета жила в городе с матерью, отчимом и младшей сводной сестрой. Отчим занимался коммерцией. Мать овдовела, второй раз вышла замуж за компаньона своего покойного мужа. Елизавете было около двадцати лет, когда началась вся эта история. Девушка никак не могла выйти замуж и по тем временам считалась перестарком. Наверное, сильно переживала по этому поводу, но тут у нее приключился роман с неким мужчиной, назовем его Иваном. К сожалению, Иван не собирался брать Лизу в жены, ситуация осложнилась тем, что барышня забеременела. Когда все вскрылось, она думала, что родители вынудят любимого жениться. Но не тут-то было. Иван дал понять, что совершил ошибку, вняв настойчивости девушки, и попросил отчима Лизы замять историю. А взамен пообещал серьезные финансовые вливания в его бизнес. Отчим согласился. Все решилось удачно, к тому же дочь-то неродная, а сбыть ее выгодно замуж он все равно, видимо, уже не надеялся.

— А что же мать? — возмутилась Вера.

— Понятия не имею, — пожал плечами Паша. — Наверное, согласилась с решением мужа. А может, ее мнения никто и не спрашивал. Опозоренную Лизу сослали «в деревню к тетке, в глушь, в Саратов». Сюда, в Корчи. Здесь жила родная тетя матери Лизы, Евдокия. Ее дом стоял на том самом месте, где стоит сейчас твой. Тут Лиза и прожила до самой смерти.

— Пока все напоминает рядовую мелодраму, — заметила Вера. — Что же стряслось с этой Лизой дальше? Утопилась Глубоком озере?

— Учитывая то, что случилось потом, лучше бы утопилась, — серьезно ответил Павел. — Понятно, в каком состоянии находилась девушка: любимый бросил, отчим продал, мать предала. Вдобавок она была беременна, и ей приходилось целыми днями сидеть взаперти, никому не показываясь. А тут и новый удар: Иван вскоре женился на ее сводной сестре. Вот тут-то, видимо, в голове у Лизы что-то повернулось. Она стала якшаться со знахаркой, ведуньей, которая жила в соседней деревне.

— Ведуньей? Что за бред!

— Между прочим, таковая имелась практически в каждом селении.

— Откуда ты знаешь, что она стала к ней ходить? Вернее, откуда это мог узнать священник?

— Всю эту историю ему рассказала та самая Евдокия. Но это было уже позже, когда сыну Лизы, будущему пламенному революционеру Владимиру Толмачеву, исполнилось три года. В дневнике священник пишет, что Елизавета по навету ведуньи решилась на страшное богопротивное дело. Чтобы отомстить всем, кто ее обидел, она, начитавшись каких-то книг, умудрилась вызвать некое жуткое создание.

— Хочешь сказать, она была одержима?

— Что-то вроде того.

— Паша, неужели ты веришь в такие вещи? Это же глупо. — Вера потерла пальцами лоб и скептически усмехнулась. — Ты ведь ученый!

Паша молчал, глядя куда-то в сторону. Потом повернул голову и посмотрел на Веру. Под этим взглядом ее усмешка выцвела.

— Представь себе, верю. Нельзя насмеяться над силами тьмы, даже если ты убежденная материалистка. Один теолог очень верно подметил: самое большое достижение Сатаны в наши дни — это то, что он заставил нас забыть о своем существовании! Мы не

верим в него и не пытаемся противостоять, потому что стоит ли бороться с тем, чего нет? А он спокойно делает свое дело! — Павел говорил горячо и увлеченно. Видимо, много размышлял на эту тему. — Епископ Кит Силамонс, который разрешил в 90-м году документальную съемку изгнания бесов из одной американской девушки, сказал после ее окончания, цитирую: «Дьявол действительно существует. Он силен, и активно, как и на протяжении всех веков, действует на планете».

— Пац, я не думала смеяться! После того, что со мной стало, во что угодно поверишь! Но такое!

— Знаю, современному человеку трудно поверить. Возможно, ты не слышала, но одержимость инфернальными сущностями официально признана церковью и о ней можно прочесть во многих серьезных изданиях! Если душа поработана страстями — например, алкоголизмом или жадной мести — это ведь тоже одержимость. Но мы сейчас с тобой говорим не о недопустимости грехов, а о крайнем проявлении одержимости. О том, когда в человеке в прямом смысле этого слова обитает бес. О вселении внутрь, полном контроле и подавлении личности! Сами по себе инфернальные сущности не могут воздействовать на физические объекты, потому что не имеют тела, для этого им нужны посредники и носители. Лиза спала и видела, как бы ей отомстить, жила своей ненавистью. И добровольно впустила в себя нечто, чтобы с его помощью расправиться с обидчиками.

— Ей удалось? — помертвевшими губами выговорила Вера.

— Кажется, да. Подробностей в записках не было, но однажды Елизавета внезапно вздумала навестить родных. После того визита в течение двух месяцев по разным причинам умерли все — отчим, мать, сестра и ее муж.

— Господи! — ахнула она.

— На этом все не закончилось. Сущность не захотела убраться туда, откуда Лиза ее вызвала. Очевидно, этому существу нельзя сказать: спасибо, вы свободны. Оно осталось, и Лиза изменилась. Поэтому тетка и побежала к священнику. Боялась жить в одном доме с Лизой — или кем там она стала. Евдокия рассказала священнику, что ее начали мучить кошмары, а в доме стало твориться всякое.

— Что значит «всякое»?

— Не знаю. Вера, это же не цельные записи, просто обрывки. Многое приходится додумывать.

— Священник поверил?

— Поначалу нет. Но потом к нему стали все чаще обращаться местные жители. В селении что-то происходило: без всяких причин погибали люди, чаще маленькие дети, и смерти были необычными. На скот напал мор. Люди связывали происходящее с Лизой Толмачевой. Ее боялись, одно лишь имя навевало ужас. Говорили, если кто заговорит с ней, или она чуть дольше посмотрит на кого-то, то вскоре с несчастным непременно случится плохое. В итоге священника уговорили провести обряд изгнания беса. Он долго раздумывал, сомневался, но взялся провести его. И что-то пошло не так.

— У него не получилось?

— Обряд изгнания бесов — дело сложное. Он существует в разных религиях: в Исламе изгоняют джиннов, в иудаизме жива традиция изгнания диббука. В православии обряд этот называется отчиткой. Самым известным экзорцистом был Иисус Христос, который, как сказано в Священном Писании, неоднократно изгонял бесов из людей. Помнишь известный эпизод, где рассказывается, как Он заставил переселиться скопище злых духов из человека в

стадо свиной?

— Это откуда «имя нам — легион!»? — неожиданно всплыло глубоко запрятанное в глубинах Вериной памяти знание.

— Верно, — подтвердил Паша. Немного поколебался и признался:

— Я сам видел обряд отчитки, специально ездил в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Это самое известное место изгнания бесов в России.

— И... каково это? — Вере было любопытно, но вместе с тем она испытывала нечто сродни отвращению, как будто спрашивала о чем-то непристойном.

— Это впечатляет. Но давай об этом позже, хорошо? Для нас сейчас важно, что отчитывать имеет право только священник, который получил специальное благословение епископа. А всем остальным позволено лишь читать обычные молитвы о здравии. Они, кстати, тоже помогают. Помогают потому, что случаи настоящей одержимости бесом все же крайне редки. Часто это психические расстройства, душевные недуги типа раздвоения личности, шизофрении, паранойи, истерии. Но в случае с Лизой одержимость была самая настоящая. А священник оказался неподготовленным.

— Что же там случилось?

— Опять-таки точно не знаю, — проговорил Паша. — Доподлинно известно, что священник пришел в дом Евдокии и Лизы. Тетка опоила ее чем-то, и та спала. Хотя вообще-то спать почти перестала. Сельчане, которые вызвались помочь, скрутили Елизавету, привязали к кровати, и поначалу все шло гладко. А потом Лиза проснулась, попыталась освободиться, стала визжать не своим голосом, с невиданной силой рваться из веревок, угрожать всем. Деревенские мужики, напуганные и озлобленные, не выдержали этой сцены и убили ее. Священник кричал, чтобы они остановились, но его никто не слушал. Лизу кололи и резали, чем попало — топорами, вилами, ножами, рвали на части, пинали ногами. А потом вытащили окровавленные обрубки во двор и сожгли.

— Боже мой! Но ведь их ярость можно понять...

— Понять-то, может, и можно, но священник пишет, что это было недопустимо и крайне опасно. Тело одержимого умертвили до того момента, как бесу пришлось покинуть его. Это было не изгнание, а банальное убийство. Сущность лишили добровольно отданного ей тела, и она осталась обитать там, где все это случилось. В твоём доме, Вера. Возможно, она просто не может покинуть его.

— Не может покинуть, — эхом отозвалась она.

— Священник пишет, что *нечто* осталось ждать своего часа. Помнишь, что привиделось Ирине Матвеевне? Что она внутри утробы! Это место словно беременно чем-то, вот что я подумал. Бес, демон, сущность — все равно, как это назвать, но оно набирает силу. Заметь, никто не может там нормально жить. У людей начинаются видения, галлюцинации, ночные кошмары, а в итоге они или умирают или сходят с ума. Вспомни историю своей бабушки, деда, родителей. Не говоря уже о прадеде и прабабке.

— А я? Со мной-то ничего страшного не происходило! — выкрикнула Вера, слетела с табуретки и метнулась к окну.

— А ты подумай сама. Догадаться не сложно, — негромко проговорил Паша. Он смотрел грустным, сочувствующим взглядом, и от этого взгляда у нее мурашки побежали по коже. Он словно видел перед собой приговоренного или смертельно больного человека, которому не на что надеяться.

— Нет, — пискнула она, затрясла головой и прижала ладони к ушам. Не хотела слышать

то, что он скажет дальше. То, что и сама уже поняла.

— Ты единственное дитя женского пола, которое родилось в роду Толмачевых за целый век. По логике получается, оно ждало тебя, Вера. По какой-то причине ему нужна именно женщина. Может, потому что женщина его и вызвала когда-то? Видимо, ты должна помочь ему вернуться. С твоим появлением оно становится сильнее, оно действует! Вспомни, что говорила старуха Емельянова. Оно не пугает тебя, как остальных — оно *прельщает*! Дом был готов для тебя, и все связи с миром постепенно отпадали — оно каким-то образом об этом позаботилось. Тебе некуда было идти, и ты осталась.

— Не могу поверить! — закричала Вера. Лицо некрасиво исказилось, девушку затрясло от страха, отчаяния, еще каких-то эмоций, которые, казалось, разрывали ее изнутри. — Не хочу! Пойми, я не отрицаю ничего! Дьявол, Сатана, демоны, бесы, одержимость — пусть все это существует, но как оно может быть связано со мной?! Я обычный человек, совершенно посредственный, и жизнь у меня такая же! Как такое могло со мной приключиться?

— Да это с кем угодно может произойти! — в свою очередь вскричал Паша.

Он тоже вскочил, подошел к ней почти вплотную и торопливо заговорил:

— Не ты одна такая, Вера! Я сам в Лавре видел — и на крутых тачках приезжают, и на электричках! И простые бабки с авоськами, и интеллигентные дамочки, и золотая молодежь — кого только нет! Почему это произошло с ними? Почему они столкнулись с бесовщиной?

Павел замолчал, налил воды из хрустального графина и залпом выпил.

— Хочешь попить?

Вера глядела в пол и ничего не отвечала.

— Прости, я напугал тебя?

— Дело не в этом.

Она медленно подняла голову, посмотрела на него немигающим свинцовым взглядом. Паше стало не по себе. Показалось, что Вериными глазами смотрит кто-то другой. Он почувствовал, как увлажнились ладони, в голове стало горячо, а в желудке, наоборот, заледенело. Он моргнул и поспешно отвернулся, а когда снова встретился взглядом с Верой, наваждение исчезло. На него смотрела просто насмерть перепуганная растерянная девушка.

— Дело не в этом, — жалобно повторила она, — ты пойми, это просто догадки! Мы можем ошибаться, нет же никаких доказательств...

— Хочешь доказательств — будут тебе доказательства!

Он выбежал из кухни, прошел в комнату, порывлся в недрах письменного стола, вернулся и положил на стол бумажный конверт.

— Вот!

— Что это?

— Открой и посмотри.

Вера послушно взяла конверт и вытащила две фотографии. Не успев посмотреть на них, умоляюще глянула на Павла.

— Паша, прости меня, пожалуйста.

— За что? — удивился он.

— Втянула тебя во все это.

— Во-первых, я сам себя втянул, еще очень давно. В Ковшах живет моя мать, друзья, родственники. Я не хочу, чтобы им что-то угрожало, и если смогу это предотвратить, то предотвращу. И потом, — открыто улыбнулся Паша, — ты красивая девушка. А помогать прекрасным дамам — долг настоящего мужчины.

Вера благодарно улыбнулась и взялась за фотографии. Пригляделась к ним повнимательнее, и улыбка сползла с ее губ. Она потрясенно уставилась на Павла.

— Да-да, это твой дом, — подтвердил тот, — снимок сделан почти год назад. А этот — буквально на днях, когда я приезжал к тебе и не застал.

Девушка не верила своим глазам. На первом снимке был заброшенный дом. Крыльцо полуразрушено, стекла выбиты, кирпичная кладка облупилась, крыша провалилась внутрь. Забор покосился и зиял провалами. Калитка сорвана, двор зарос бурьяном.

На втором снимке был дом, который она видела каждый день, с тех пор, как приехала в Корчи. Ухоженный, словно только что выстроенный.

— Это ведь не ты делала ремонт, правильно?

— Нет, — проскрипела Вера, — когда я приехала, кусок забора еще валялся на земле. Не успел воссоздаться. А через пару дней стоял на месте как новенький.

— Вот видишь.

— И пыли там никогда не было, — продолжала Вера, — я ни разу не убиралась и полы не мыла.

— Погоди, это еще не все.

Вера не знала, к чему ей подготовиться, и покорно ждала. Паша порылся в своей записной книжке, нашел нужную страницу и протянул книжку Вере.

— Взгляни. Это тот номер, что ты мне записала.

Вера изумленно вглядывалась в написанное. Рука была, несомненно, ее. А нацарапанное этой рукой выглядело издевательством. Вместо цифр — знаки препинания, звездочки и галочки.

— Паша, честное слово... не понимаю, как... — запинаясь, проговорила Вера, — я записывала свой номер...

— Я прекрасно знаю! Разумеется, записывала!

— Хочешь сказать, я одержима?

— Откуда мне знать, Вера. Есть просто факты, а уж как их толковать...

— Послушай, — чуть не плача сказала она, — а если мне просто не возвращаться туда?

— Если верить старухе Емельяновой, то этого уже недостаточно, — как можно мягче произнес Паша. — Знаешь, что я думаю? Дед или отец что-то рассказали ей, поэтому она ждала твоего возвращения.

— Тогда, наверное, она знает, что делать! — с надеждой воскликнула Вера.

— А вот это вряд ли. Если б знала, давно бы сделала. Поджечь тебя они пытались больше от отчаяния. Наугад — вдруг сработает? Не сработало.

— Но должен же быть какой-то выход! Может, в Интернете почитать?

— Ни разу не слышал, чтобы бесов изгоняли по Интернету, — невесело усмехнулся Паша. — Но почитать кое-что и впрямь стоит. В записках священника упоминалась книга — «Экзорциум». Автор неизвестен. Я заказал этот трактат в университетской библиотеке и пока не успел прочесть. Редкое издание восемнадцатого века, книга существует всего в нескольких экземплярах. Надеюсь, там найдется что-то полезное...

Паша не успел договорить фразу, как за окном, пронзительно завывая, пронеслась пожарная машина. За ней — еще одна, и еще. Во дворе зашелся лаем пес.

— Что случилось? — вскинулся Павел, — Где горит?

Вера замерла, сцепив руки. Паша выбежал из дома, и секунду спустя она увидела его: он оживленно говорил с крупной женщиной в домашнем халате — та все указывала куда-то.

Недослушав ее разглагольствования, Павел понесся обратно в дом.

— Пожар! — влетев внутрь, проорал он. — В Корчах горит!

— Что? Как? — заметалась Вера и с безумной надеждой посмотрела на него. — Паша, а если старики завершили начатое? И у них получилось?

— В любом случае, стоит съездить туда, посмотреть. — Паша схватил ключи от машины и вышел во двор. Вера тенью метнулась за ним.

На месте деревни Корчи было пожарище: почерневшие балки, жалко торчащие печные трубы, остатки заборов и крыш, резкий запах гари. Потрясенные, раздавленные невыносимым ужасом происходящего, Вера и Павел смотрели на это, не в силах вымолвить ни слова. Вид разоренной деревни напоминал кадры хроники Второй мировой войны. Посреди руин бродили бесполезные пожарники: все успело закончиться до их приезда. Полиция и скорая тоже были здесь. Но и им спасти было некого: в живых не осталось никого.

Огонь не тронул только одно строение. Толмачевский дом злоево возвышался посреди деревни, победно взирая на поверженных в прах противников.

— А-а-а-а, что же этта-а-а-а! — надрывно закричала какая-то женщина. — Горе-то какое-е-е-е-е!

Вера содрогнулась и прижалась к Павлу. Они почти одновременно обернулись и увидели Марусю, которая голосила, припав к плечу дочери. Позади них стоял Петр. Сегодня он остричь не пытался.

Анечка успокаивала мать, приговаривая, что, слава Богу, она успела уехать. А хозяйство, куры — бог с ними.

— Да разве ж в курах дело! А Танюшка, а Маня! И Иры нету, и никого!

К ним приблизился неприметный мужчина лет сорока с короткими жесткими волосами.

— Здравствуйте, извините, — обратился он к Марусе.

— Да? — насторожилась Анечка.

— Меня зовут Дмитрий Михайлович Кочетов. Я буду заниматься этим делом. Нам нужна помощь в составлении протоколов осмотра. Понадобится помощь в опознании пострадавших, установлении их личностей и...

Маруся зарыдала еще громче. Анечка разгневанно просвистела:

— Вы в своем уме? Не видите? Она и так еле жива, того и гляди сердце откажет!

Демонстративно отвернулась и стала успокаивающе поглаживать мать по голове.

— Мамуль, давай домой поедем, а?

— Правда, мамаша, что уж теперь... — поддержал жену Петр.

Маруся ничего не отвечала, только плакала. Анечка с Петром тихонько повели старушку к машине. Она спотыкалась и покачивалась, ничего не видя перед собой. Кочетов, поколебавшись, не стал останавливать их маленькую группу, и вскоре они погрузились в машину и покинули Корчи.

— Послушайте! — теперь Кочетов обращался к Вере. Представился и спросил:

— Это ваш? — Он махнул рукой в сторону толмачевского дома.

— Мой, — обреченно сказала Вера. Павел ободряюще стиснул ее локоть.

— Только что подъехали? Пожара не видели?

— Нет, — коротко ответила она.

— Повезло, что на другой стороне улицы живете. Потому дом и уцелел.

Вера ничего не ответила, только коротко вздохнула. Знал бы Кочетов, как сильно она надеялась увидеть здесь совсем другую картину!

— Как вас зовут? — Кочетов изучающе смотрел на Веру.

— Вера Владимировна Андреева. Я недавно переехала.

— Документы у вас при себе?

Вера согласно кивнула.

— Задержитесь, пожалуйста, можете понадобиться. Вы знали соседей?

— Не очень хорошо, но знала.

Кочетов хотел еще что-то сказать, но тут вмешался Павел.

— Извините, это надолго? Мы собирались ехать в город.

— Не могу сказать. Как пойдет. Возможно, час. Или больше. А вы...

Павел назвал.

— Это мой друг, — смешавшись, пояснила Вера.

Кочетов понимающе хмыкнул. Точнее, думал, что понимает. Вера с Пашей отошли в сторону, и она вполголоса сказала:

— Мне придется остаться, поговорить с ним.

— Тогда я тоже останусь, — быстро сказал он.

— Нет смысла торчать тут вдвоем. Поезжай, возьми ту книгу. После заедешь за мной, подумаем, что дальше делать.

Павел помолчал, обдумывая Верины слова, потом неохотно согласился:

— Хорошо. Но мне не нравится мысль оставлять тебя здесь одну.

— Я не одна, — возразила Вера, — здесь полно народу: полиция, врачи, пожарники.

— Дай слово, что не будешь заходить в дом! Это опасно.

— Ни за что не пойду туда, — поежилась Вера, — обещаю!

— Тогда я поехал?

— Давай, — поторопила она, — не задерживайся.

Они скрестили взгляды, словно шпаги, и каждый хотел сказать нечто важное, одновременно ожидая значимых слов от другого. Не решившись (и не дождаввшись!), оба промолчали.

Скрепя сердце Павел направился к своей машине. Вера побрела к Кочетову.

Последующие два часа показались ей самыми долгими в жизни. Сначала она подробно рассказывала, почему оказалась сегодня в Больших Ковшах, когда и при каких обстоятельствах покинула деревню, кто может подтвердить факт ее нахождения вне Корчей.

Это было чистой воды формальностью, потому что никаких следов поджога специалисты отыскать не смогли, как ни пытались. Поверить в то, что несколько домов загорелись сами по себе, ни с того, ни с сего, было невозможно. Но другого объяснения не находилось.

Получалось, что пожар возник во всех домах одновременно, пламя не перекинулось с одного дома на другой, как предполагали в начале. Очаги возгорания имелись, по-видимому, в каждом доме, но обнаружить их не удалось. Неисправная проводка, оставленные без присмотра утюг или чайник на плите, неполадки с печью или газовой горелкой — ничего такого не было.

Как позже сказал эксперт пожарной службы, по всему выходило, что в сгоревших домах в один миг вспыхнули стены, потолки, полы, мебель. Пламя бушевало так, словно все было пропитано бензином. Вот только ни малейших следов бензина или иного горючего вещества так и не нашли.

Самое ужасное заключалось в том, что обитатели домов — шестеро стариков — не сделали ни малейшей попытки покинуть горящие жилища! Все тела обнаружались в комнатах, на остатках кроватей, словно люди крепко спали. Старики задохнулись от дыма

или были уже мертвы, когда случился пожар? Ответить на этот вопрос эксперты не сумели, слишком сильно пострадали в огне тела несчастных.

Но если они были мертвы, значит, это было убийство. Ведь очевидно, что шесть человек не могли скончаться разом. Кому и зачем понадобилось так жестоко расправляться с людьми, чей век и без того был недолог? Если же старики были живы, то почему все, как один, находились днем в кроватях? И почему никто не сумел встать, чтобы попытаться спасти свою жизнь?..

Подъехала еще одна машина — местное телевидение. Шустрые ребята посновали между полицейскими, пожарными и врачами, сунули микрофон под нос тому и этому, поснимали угрюмый пейзаж и унеслись вставлять сюжет в ближайший выпуск новостей.

Вера рассказывала, кто в каком доме проживал, чем занимались погибшие, не было ли чего подозрительного в последнее время, не появлялись ли в деревне незнакомые люди. Отвечала, тщательно подбирая слова, чтобы не запутаться в своей лжи.

А что ей оставалось делать, как не врать? О том, что и ее собственное жилище горело прошлой ночью, Вера, естественно, промолчала. Да и кто поверил бы ей, глядя на чистенький, словно только что отремонтированный домик?

Та правда, которую недавно открыла для себя Вера, никому не была нужна. Начни она рассказывать обо всем, что случилось с ней в последние недели, поделись своими выводами, и Кочетов в лучшем случае покрутит пальцем у виска и посоветует обратиться к психиатру. А в худшем начнет подозревать ее в совершении преступления.

Кочетова заинтересовало, почему у нее разбиты руки. Вера соврала, что заклинило дверь бани — более правдоподобную версию придумать с ходу не сумела. Мысли с трудом ворочались в измученном мозгу. Кочетов недоверчиво покосился, но промолчал. Пока.

Вера чувствовала, что держится из последних сил. Отвратительный запах — запах смерти и разрушения, нудные вопросы, собственная неуклюжая ложь, необходимость контролировать каждое слово, издерганные нервы, неопределенность будущего, страх, горе перенесенных утрат — все это давило нестерпимой тяжестью. Голова раскалывалась, тело ныло. К тому же Веру все сильнее одолевала усталость. Невыносимо клонило в сон. Кочетов заметил ее состояние и сочувственно спросил:

— Вера Владимировна, вам плохо?

— Ничего, все в порядке, — прошелестела она.

Из руин дома Марии Сергеевны, возле которого они стояли, стали выносить носилки. На них — прикрытые чем-то останки хозяев. Это стало последней каплей. Перед глазами поплыло, уши заложило, как в самолете, Вера почувствовала, что куда-то падает, и потеряла сознание.

Очнулась она, когда ее бережно несли. Гарью уже не пахло. Вера плавно покачивалась, как на волнах, и чей-то голос говорил:

— Осторожнее!

— Это ее дом? — спросила женщина.

— Ее, — ответил Кочетов, — вон там, похоже, спальня.

Вера распахнула глаза и увидела коридор толмачевского дома. Пошевелила было рукой, но та не поднялась, как будто весила неимоверно много.

Тем временем Веру бережно опустили на кровать.

— Что это со мной? — шепотом спросила она.

— Очнулись? — Над ней склонилась миловидная женщина в белом халате. — Вот и

славно. Ничего страшного не произошло. Обычный обморок. Давление скакнуло. Шутка ли — такого насмотрелись. Поспите, отдохнете, и все пройдет.

— Я не хочу спать, — запротестовала Вера и попыталась встать.

Докторша успокаивающе похлопала ее по плечу и уложила обратно на подушку.

— Обязательно нужно полежать! Я поставила вам укол, ничего особенного — успокоительное и снотворное. Поспите и почувствуете себя гораздо лучше! — Она улыбалась доброжелательно, но отстраненно. Кто она Вере и кто ей Вера?

— Снотворное, — с ужасом выговорила девушка. — Мне нельзя здесь оставаться! Я должна уйти! Пожалуйста!

Ее никто не слушал. У всех было полно своих дел. И потом, они же оказали помощь упавшей в обморок девице, уложили почивать в кроватку — разве нет? Кочетов, докторша и еще какие-то люди вышли из комнаты, негромко переговариваясь, и вскоре покинули ее дом. О Веринем существовании они почти позабыли.

Вера осталась одна в наступившей оглушительной тишине. Сил не было даже пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы подняться с постели. Что вколола ей эта ласковая истязательница? Веки слипались, руки и ноги одеревенели и больше не слушались, тело налилось ватной сонной тяжестью. Думать ни о чем не хотелось, сознание меркло, перед глазами покачивалась мутная пелена. Зато прошел страх, проблемы отступили, отодвинулись на задний план.

Вера засыпала и уже ничего не могла с этим поделать.

Доехав до города без приключений, почти возле самой библиотеки Павел наглухо застрял в огромной пробке. По слухам, где-то впереди произошла крупная авария, вроде бы с человеческими жертвами, и надежды, что пробка скоро рассосется, было мало.

Паша плавился от жары и вполголоса матерился. Вера уже почти час одна в Корчах. Он звонил, хотел узнать, как она там. Однако механический голос уведомил, что абонент временно не доступен. Что случилось — кончилась зарядка или в Корчах плохая связь? Помнится, Вера жаловалась, что сотовый плохо ловит. Чем больше он размышлял о происходящем, тем отчетливее понимал: события стремительно движутся к развязке. Что-то должно случиться совсем скоро. Он злился на себя: о чем думал, когда оставлял Веру одну? Пусть бы выехали позднее на пару часов! Теперь сиди тут сиднем, сходи с ума от беспокойства.

Пашина «девятка» была в крайнем правом ряду. Поток машин медленно продвигался, и впереди замаячил крупный супермаркет. Павел решил оставить машину на стоянке и отправиться пешком — здесь уже недалеко. В любом случае это будет быстрее.

Вскоре он уже влетел в прохладный гулкий холл. Отдел редких книг и рукописей располагался в отдельно стоящем здании. Паша всегда любил бывать тут, даже студентом никогда не отлынивал от посещения библиотеки. Ему нравилась торжественная тишина читальных залов, длинные ряды каталогов, особый «библиотечный» запах и сама строгая, сосредоточенная атмосфера познания. Он любил вчитываться в рукописи, выискивать в книгах крупицы полезной информации, выписывать заинтересовавшие его мысли и факты. Пашу неизменно восхищала мощь накопленного человечеством за долгие века знаний, и он втайне надеялся когда-нибудь внести свой скромный вклад в эту копилку.

Уладив формальности на входе, Паша поспешно поднялся по лестнице и оказался в небольшой комнатке, где выдавали литературу.

— Добрый день, Марина Геннадьевна! — поздоровался он.

— Добрый, Пашенька, добрый! — радушно заулыбалась невысокая, совершенно седая дама в старомодном платье с кружевным белым воротничком. Ее тонкие пальцы были обильно украшены массивными серебряными кольцами с разноцветными камнями.

Выдавая Паше книгу, Марина Геннадьевна в который раз думала, какой перед ней положительный молодой человек, как он увлечен своей работой. Умный, перспективный, вежливый. И очень симпатичный. Она постоянно рассказывала о нем своей внучке Леночке, прочно застрявшей в старых девах. Вот бы познакомить их, мечтательно вздохнула библиотечарша. Какой был бы замечательный муж! Марина Геннадьевна представила молодого красавца-историка рядом с обожаемой, но такой невзрачной плоскогрудой очкастенькой Леночкой и снова тихонько вздохнула.

А Паше тем временем не было дела ни до горестей заневестившейся Леночки, ни до тайных матримониальных планов ее бабки. Он уселся у занавешенного плотными шторами окна, включил настольную лампу и углубился в изучение трактата. В нем было около двухсот страниц, но объемы произведений никогда не пугали Пашу. Он умел просматривать текст быстро, охватывая взглядом весь разворот целиком и безошибочно вычлняя суть.

Посмотрим, что тут у нас. Первые несколько глав неизвестный автор посвятил философским размышлениям о том, какую роль играет Сатана в человеческой жизни, как

искушает людей, и как опасно для наших душ предаваться страстям и забывать Господа. Трактат изобилует многочисленными примерами жутких мучений, которым подвергались жертвы одержимости и их близкие. Павел перевернул несколько страниц. Пока ничего нового он для себя не открыл.

Так, а вот это уже кое-что. В одной из глав автор подробно описывал признаки, по которым можно опознать одержимого, рассказывал, как именно лукавый исподволь овладевает душой человека, незаметно пробираясь потайными тропами. Автор утверждал, что легче всего бесу одолеть человека, когда тот пьян, предается «блуду» или попросту спит. В такие моменты он слаб, открыт и безволен. А ведь Вера жаловалась, что ее стало постоянно клонить в сон, и в последнее время этому уже почти невозможно сопротивляться! Выходит, это неспроста.

Спустя примерно час трактат был практически прочитан, а ему так и не удалось понять, что же настолько заинтересовало в этом сочинении Корчинского священника. Зря время потратил, сетовал Паша, но многолетняя привычка всегда дочитывать книги до конца взяла верх.

Стоп! Кажется, вот оно, кольнуло Павла. В предпоследней главе автор текста перечислял, кто из людей подвергается наибольшей опасности стать одержимым. Так называемая группа риска. Утверждалось, что одержимость — это не болезнь, заразиться ею от одного лишь совместного времяпрепровождения или нахождения поблизости невозможно. А вот по наследству получить — запросто.

Павел вчитывался в каждое слово. По мнению автора, в редких случаях, когда человек сам призывает беса, вступает с ним в сговор и умирает прежде, чем произошло изгнание, infernalная сущность переселяется в кого-то из его близких. Это может произойти сразу же или через многие годы: по-видимому, понятие времени для людей и демонических сущностей различается. Все же прочие представители «проклятого» рода «мучимы бывают скорбями и болезнями душевными и телесными» и «находят смерть тяжкую, необъяснимую», словом, неестественную.

Паша на мгновение прикрыл глаза. Он был уверен, что нашел строки, которые так сильно потрясли священника. Тот, видимо, усмотрел в них судьбу семейства Толмачевых, предполагая, что со смертью Елизаветы ничего не закончится. И был абсолютно прав: ее несчастные потомки жили, претерпевая всевозможные страдания, лишаясь рассудка, и умирали при необъяснимых и жутких обстоятельствах. Платя непомерную цену за несчастную любовь Лизы и ее безумную жажду мести.

Если верить трактату, изгнать терзающего целый род беса возможно единственным способом: обратившись к священнику-экзорцисту. Иного способа не существовало, а самостоятельные попытки избавления могли привести к еще более тяжким последствиям.

Павел утвердился в мысли, что помочь Вере сможет только специалист. Дилетантские обряды и вмешательство обычных священнослужителей могут только усугубить ситуацию. Действовать надо быстро, возможно, счет идет на минуты, рассиживаться некогда. Веру как можно скорее следует отвезти в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру!

Паша поспешно вскочил из-за стола и отодвинул стул. Тот отозвался неприятным громким скрежетом. Сидевшие рядом книгочеи недоуменно подняли головы от лежащих перед ними рукописей и тут же уткнули носы обратно. Павел подлетел к Марине Геннадьевне, сунул ей в руки рукопись, наспех попрощался и умчался прочь.

Отыскав свою «девятку» на стоянке возле супермаркета, он открыл дверцу и забрался внутрь. Его обдало таким жаром, что захотелось сразу же вылезти обратно на улицу, и Паша поспешно открыл настежь все окна, чтобы не задохнуться. Двигатель завелся без капризов, и автомобиль на предельно допустимой скорости понесся назад в Корчи.

При хорошем раскладе, рассуждал Паша, минут через сорок буду на месте. Конечно, Вера там уже больше трех часов, но будем надеяться, с ней ничего не случилось. Дай Бог, чтобы пожарники, врачи, полиция оставались в деревне как можно дольше. Даже если допрос — или как это называется — закончился, Вера не останется одна. Сядет где-нибудь в сторонке и спокойно дождет его приезда, как договаривались, убеждал себя Паша, стараясь не давать воли гнетущему беспокойству. Нужно сосредоточиться на дороге, не хватало попасть в аварию. Он включил магнитола и сделал звук громче.

До поворота на Корчи оставалось не больше сотни метров, когда «девятка» неожиданно заглохла, хотя бензина было достаточно. Чего-то в этом роде Павел в глубине души и ожидал, поэтому не стал терять время на попытки разобраться, что случилось. Был уверен: с машиной все в порядке, это *оно* не пускает его, а не карбюратор или другая таинственная деталь в железных кишках автомобиля.

Раз так — придется бросить машину у обочины и идти пешком. Ничего, здесь близко: Вера чуть ли не каждый день туда и обратно ходила. Паша выбрался из машины, заблокировал двери и поспешно зашагал в Корчи. Главное — вытащить оттуда Веру, а с машиной после разберемся.

Он прибавил ходу, побежал, и «девятка» вскоре исчезла из виду. Дорога серой лентой петляла среди полей. Несмотря на то, что день клонился к вечеру, жара не спадала. Рубашка прилипла к спине, заныла правая лодыжка — он недавно потянул ее. Хорошо, хоть сандалии надел, туфлями бы точно натер ноги до костей.

Пока бежал — об опасности не думалось. И о том, что делать, если Веры, да и вообще никого, в Корчах не окажется, размышлять было некогда. Проскочив очередной поворот, Павел оказался на месте. Дорога оказалась короче, чем он ожидал. Вид на деревню еще не открылся, но Паша уже знал, кожей чувствовал, что в Корчах пусто. Было тихо — и тишина пугала. Он инстинктивно замедлил шаг, чуть не на цыпочках подбираясь к выгоревшей деревне. Ни пожарников, ни скорой помощи, ни полиции. Безлюдно, безмолвно, устрашающе.

Павел остановился. Предзакатное солнце с бесстыдным равнодушием освещало обгоревшие остовы домов, почерневшие заборы, изъезженную, израненную колесами многочисленных автомобилей дорогу. Посреди всей этой разрухи, словно единственный уцелевший зуб во рту, торчал толмачевский дом. Белый, пугающе аккуратный, издевательски целехонький.

Его пробрала дрожь, он почувствовал, как по влажной от пота спине ползут мурашки. Паша был один — наедине непонятно с чем. «А ведь я боюсь до чертиков». Совсем как в детстве, когда снился кошмар. Проснешься — и страшишься повернуться на другой бок, боязно неловким движением разбудить дремлющих под кроватью монстров.

Душный страх скручивал узлом внутренности, не давал оглянуться, мешал дышать, парализовывал волю. Развернуться и уйти, мелькнула предательская мысль. Прислушаться к внутреннему голосу, который вопит: беги отсюда куда подальше!

Его ли это дело? Если разобраться, кто такая Вера? Чужая, незнакомая девушка. Он видел ее всего три раза в жизни! Она, бесспорно, красивая, интересная, обаятельная. Честно

говоря, Вера ему нравится, но до любви или хотя бы влюбленности еще далеко — никакого пресловутого притяжения, электричества, химии. Вероятно, у них мог бы завязаться роман, однако сейчас, на этом этапе, их ничего не связывает. Стоит ли рисковать ради нее?

Но дело было не в возможном романе и даже не в этой девушке. Пашу съедал научный интерес к происходящему. Но главное, толкала вперед обычная человеческая порядочность. Его, слава богу, хорошо воспитали. Научили не бросать в беде, не предавать, не обманывать доверившихся. А Вера ему доверилась.

Павел стоял и мучился. Порядочность выступала против мощного инстинкта самосохранения.

Веры здесь нет, но что в этом странного? Зачем ей оставаться одной в Корчах? Скорее всего, уехала вместе с полицией. Наверное, им понадобилось опросить ее в отделении или опознать кого-то. Мало ли, какая причина! Здесь ее нет, это очевидно. Надо уходить отсюда, найти Веру в Больших Ковшах.

Несколько шагов назад, и все закончится. Уволиться из школы, как давно собирался. Переехать окончательно в город. Забрать отсюда мать: хватит ей, пенсионерке, работать. Матери давно предлагали продать дом, сулили неплохие деньги, уж на приличную «однушку» в городе точно хватило бы. Может, пришла пора согласиться?

А если Вера все же здесь и ей нужна помощь?

Паша перевел дыхание, сделал шаг вперед.

— Вера! — громко позвал он. — Вера!

И медленно двинулся вглубь разоренной деревни.

Паша еще сидел в библиотеке, когда Вера открыла глаза в толмачевском доме. Сон слетел сразу, как панاما на ветру, словно она и не спала вовсе. Это была уже несколько подзабытая за последние недели бодрость. Девушка успела привыкнуть к усталости и полудреме, которые с некоторых пор владели ею. А теперь всё — выпалась. Может, чудодейственный укол подействовал?

Интересно, сколько же она проспала? Видимо, долго. Сейчас уже ночь: за окном непроглядная темень. Именно непроглядная, а к тому же еще и неприслушиваемая. Глухая. «Ну, конечно, — мелькнула тоскливая мысль, — откуда взяться звуку и изображению, если во всей деревне только я и подаю признаки жизни?»

Вера села в кровати. Странно, но, несмотря на темнотищу за окном, в комнате легко можно разглядеть очертания мебели, дверь, подушки, тапочки у постели. Такое впечатление, что где-то имеется источник света — включенный телевизор в соседней комнате или свет от циферблата электронных часов. Оглянувшись, Вера убедилась, что ничего такого нет и в помине. Казалось, тусклое свечение источают сами стены или потолок.

Вера тихонько встала и осмотрелась.

Так, а где же Паша? Если сейчас уже ночь, то, получается, он не вернулся, чтобы забрать ее. Но почему? Просто так бросить ее он не мог, не тот человек. Значит, что-то случилось. Или Павел здесь, в доме, решил не тревожить спящую. А может, не смог добудиться. Мысли беспорядочно метались в голове, и Вера почувствовала, что начинает паниковать.

— Паша! — окликнула она его. — Паша, ты тут?

Вопрос упал в пустоту, как камушек в темный пруд. Бульк — и нет. Только круги на воде. Будь он здесь, непременно отозвался бы. «Выходит, я тут совершенно одна! Господи, одна ночью в Корчах!» — содрогнулась Вера. После всего того, о чем они говорили с Пашей, эта мысль была нестерпима. Надо выбираться отсюда, и чем скорее, тем лучше. Перспектива оказаться в одиночестве на полузаброшенной сельской дороге ее не пугала. Где угодно, главное, подальше отсюда.

Вера направилась к дверям спальни, но тут же развернулась обратно к кровати. Там, возле подушки, лежал мобильник. Надо позвонить Паше. «Как я сразу не догадалась!» — раздосадовано подумала Вера. Схватила крохотный плоский аппаратик и откинула крышку. Монитор безжизненно чернел. Разрядился? Вроде бы не должен был. Хотя кто знает, сколько она проспала, и который час? Вера попробовала включить телефон — бесполезно. От волнения руки затряслись — и телефон выскользнул из них маленькой серебряной рыбкой.

Звук его падения разрезал тишину и оказался совершенно не таким, как можно было ожидать. Звонкое хрустальное дзиньканье вместо глухого стука. Будто разбилась рюмка или бокал. Приглядевшись, Вера увидела, что телефон и в самом деле рассыпался на тысячи осколков, словно был сделан из стекла.

На мгновение Вера замерла. Ей стало по-настоящему жутко. Что-то было не так, совсем не так в этой беззвучной и обездвиженной ночи, в темно-сером сумраке, в Пашином отсутствии и в том, что привычный предмет превратился в нечто незнакомое! Словно молекулы и атомы перемешались, перестроились и собрались заново во что-то отличное от первоначального состояния.

Вера выскочила в коридор. Он по-прежнему вел к входной двери, и эта неизменность немного утешала. Не медля ни секунды, девушка двинулась вперед. И сразу же поняла, что рано радовалась. Двигаясь, она странным образом оставалась на месте. Добросовестно переставляла ноги и делала шаги, но это не приближало ее к цели ни на сантиметр! Наоборот: коридор удлинялся, дверь с каждым шагом удалялась и скоро превратилась в недостижимую точку.

Где-то она уже слышала об этом, кто-то рассказывал... Света! Точно, Свету напугало то же самое! И что она сделала? Она помолилась, закрыла глаза и оказалась у двери. Вера замерла. Она не помнила ни одной молитвы. Вернее, никогда не знала. Зажмурилась и горячо зашептала:

— Господи, Боженька, пожалуйста, помоги мне выбраться!

И в этот момент из спальни, которую она покинула, донесся странный шорох. Вера дернулась от неожиданности, широко распахнула глаза и быстро обернулась, с испуга не удивившись тому, что стоит прямо у двери, возле самого косяка, как будто и не отходила от него ни на шаг.

В спальне определенно кто-то был! Никого не могло быть — откуда?! И тем не менее кто-то производил этот шелестящий звук. Хрусткий и слабый. Невесомый и жуткий. «Надо ли мне знать?» Но прежде, чем Вера успела ответить себе, ноги уже несли ее обратно.

На полу возле кровати, опрокинувшись на спину, лежал человек. Силился и не мог встать, беспомощно царапая пальцами пол. Царапанье ногтями по дереву — вот что производило этот тихий шепчущий, скребущий звук. Как загипнотизированная, Вера, приблизилась к лежащему. Встав рядом, пристально посмотрела на него сверху вниз. Человек казался смутно знакомым. Он смотрел прямо на нее, но не видел. Его глаза силились разглядеть что-то неведомое Вере.

Мужчина был страшно, невероятно истощен. Такую худобу Вера видела только в фильмах про узников немецких концлагерей. Темные впадины глаз, торчащие скулы, костистые скрюченные лапы вместо рук, зияющий, раскрытый в крике, на который не хватало сил, безгубый рот, оскаленные зубы.

— Кто вы такой? Как сюда попали? Что вы здесь делаете? — то ли спрашивала вслух, то ли думала про себя Вера. Человек не мог ответить, но ответа и не требовалось. Догадка острой иглой пронзила мозг.

Перед Верой был ее отец, Владимир Толмачев. Человек, которого она никогда не знала. Игрок и бездельник, пустивший под откос собственную жизнь и принесший столько горя близким. Пропавший однажды, и найденный в этой комнате, на этом самом месте. Умерший больше двадцати пяти лет назад, но все еще немислимым образом существовавший где-то в запредельности, мучимый непонятно чем и кем, оставшийся, застрявший, жизнеподобный....

Вера отступила назад и закричала. Натужно, хрипло, безнадежно. Шарахнулась вон из комнаты, захлопнула за собой дверь, прижалась к ней спиной. Она задыхалась, руки ходили ходуном. Лицо пылало, глаза были словно маленькие горячие шарики. По щекам стекала влага — Вера поняла, что плачет. Плачет не от горя — от слепого, невообразимого ужаса.

Она стояла лицом к входной двери. Та опять была на своем месте — далекая, призрачная, недостижимая. Вера закрыла воспаленные глаза и так — незряче, на ощупь, упрямо двинулась вперед.

К ее изумлению, буквально через минуту, как и должно было быть, она уткнулась лбом

в деревянную поверхность. Коридор остался позади, Вера подошла к выходу из проклятого дома. От облегчения она застонала и стала нащупывать ручку. Напрасно. Ее не было.

Вера, подвывая от страха, стала бешено обшаривать поверхность перед собой. Не было не только ручки, но и самой двери. Стена — только гладкая стена без признаков выхода. Девушка обернулась — перед ней снова был коридор, впереди маячила дверь в спальню, которую она только что закрыла. За которой вяло шевелился в затянувшей его бесконечности измученный монстр.

Вера не понимала, где она. Одно знала точно: это не было доступное обычному человеческому пониманию место. Утроба, пришло ей на ум. Чрево, которое выносило и исторгло из себя нечто, забрав взамен ее, Веру.

Слезы лились и лились, бежали по лицу, оставляя соленые дорожки. Она поняла — сразу и бесповоротно — что ей не выбраться отсюда. Пространство и время потеряли свое значение. Она, как и ее отец когда-то, затеряна в этом сумраке. Как долго она сможет искать выход, плутая в комнатах и коридорах, которые будут удаляться, приближаться, петлять, удлиняться, заманивая еще глубже?..

Вера бесцельно закружила по дому: открывала и закрывала двери, которых становилось все больше, обходила коридоры, которые сворачивали к неведомым комнатам. Вглядывалась в окна, которые невозможно было выбить, как ни старайся, и в зеркала, где рядом с ней отражались колеблющиеся неясные тени.

Потолок над головой был то высоким, как в соборе, то почти касался макушки. Стены под дрожащими руками в некоторых местах проминались, становясь мягкими, влажными и отвратительно теплыми. Это было животное, нутряное тепло, дышащее и мягкое. А в следующую минуту стены становились просто стенами, твердо преграждающими путь к свободе.

Пол скользил, проваливался, делался вязким, превращаясь в густое месиво, потом снова оказывался обычным деревянным полом в обычной комнате. Или все это только чудилось Вере? Жило лишь в ее испуганном, измученном сознании?

Кого-то встречала она, и кто-то встречал ее, они сталкивались, как шары в бильярде, а потом проваливались каждый в свою бездну. Сколько времени прошло там, снаружи? Сколько минут, часов, дней, недель или, может быть, десятилетий она блуждала? «Главное, что я еще помню, кто я такая» — обожгла мысль. Ирина Матвеевна, помнится, сразу забыла. Однако той повезло — ее позвали и спасли.

«Но и меня тоже могут позвать! Есть человек, который все знает и хочет помочь! Он помнит мое имя и должен суметь вытащить обратно. Мне просто обязательно нужно его услышать!» Она изо всех прислушивалась, но вечность молчала. До Веры не доносилось ни звука. Она бежала все быстрее, и темные извилистые коридоры, как черные голодные змеи, уводили ее все дальше.

Паша медленно шел по единственной улице. Не мог отвести взгляд от толмачевского дома и, как замороженный, приближался к нему шаг за шагом. Тишина была стеклянная — опасная и хрупкая. Птицы не пели, собаки не лаяли, не возились в сору куры, не мычала Татьяна корова. Кроме Паши, здесь не было никого живого.

Скрипнула калитка, Паша пересек небольшой аккуратный дворик. Дверь закрыта. Заперта ли? Прежде чем подергать за ручку, он решил обойти дом по периметру, заглянуть в окна: если Веры в доме нет, то незачем заходить внутрь, тревожить то, что там притаилось.

Павел заглянул в первое окно — оказалось, это кухня. Чистая, пустая и безжизненная. Впрочем, он и не ожидал увидеть там Веру на круглом табурете, преспокойно попивающую чай с конфетами. Сделав несколько шагов, подобрался к следующему окну. Что тут у нас? Большая комната — так называемая «зала». Тонкие тюлевые занавески не скрывали аскетичной обстановки — старый телевизор на столике да диван. Веры нет.

Павел завернул за угол. Судя по Вериним рассказам, это должно быть окно ее спальни. Если девушка в доме, то она может быть только там. Вернулось почти непреодолимое желание бросить все и бежать. Павел перевел дыхание и заглянул внутрь. Почти посередине светлой комнаты — большая кровать. На ней лежала Вера, одетая все в тот же легкий сиреневый сарафан, до пояса укрытая покрывалом. Она спокойно спала, ничего зловещего в облике девушки не было. Паша едва не заплакал от облегчения.

— Вера! Вера, это я, — он постучал в окно сначала осторожно, потом сильнее и настойчивее.

«Как средневековый герой-любовник, осталось только серенаду спеть».

Вера не пошевелилась, продолжая крепко спать.

— Эй, спящая красавица! Просыпайся!

Паша уже изо всех сил колотился в окно, но она не слышала, не желала просыпаться. Возможно, врачи перед отъездом дали ей успокоительное. И, в конце концов, она вымоталась за эти дни. Нет ничего удивительного в том, что человек спит, успокаивал себя Паша, поднимаясь на крыльцо. Плохо то, что спит именно здесь.

Если верить прочитанному трактату во сне Вера наиболее уязвима. Времени на размышления не было — ее следовало как можно быстрее привести в чувство и увести из Корчей. Машины не было, вполне возможно, придется нести девушку на руках, если она окажется слишком слаба.

Незапертая дверь распахнулась от малейшего усилия. Паша ступил в прихожую. Внутри было душно, и на лице мгновенно выступил пот. Павел огляделся по сторонам и не увидел ничего необычного. Дом как дом — коридор, комнаты, невысокие потолки, деревянные полы. Он отбросил опасения и поспешно прошел в спальню.

Здесь ничего не изменилось: Вера в той же расслабленной позе лежала в кровати. Единственной странностью можно было считать царящий в комнате пронизывающий до костей холод. Паша зябко поежился. Такое впечатление, будто шагнул из бани в погреб.

Он присел рядом с Верой и негромко позвал по имени. Никакой реакции. В следующие несколько минут Паша тщетно пытался разбудить девушку: тормошил, орал дурным голосом прямо в уши, растирал мочки, хлопал по щекам, тряс за плечи. Безрезультатно. Он даже легонько поцеловал Веру — вдруг сработает, как с принцессой из сказки? Не сработало.

Надо сходить на кухню, возможно, в аптечке есть нашатырный спирт. Если не получится привести Веру в чувство и с его помощью, придется взять ее на руки и вынести отсюда.

В кухне Павел по очереди заглянул во все шкафчики в поисках аптечки. Открыв навесной шкаф, обнаружил небольшую прозрачную коробку из-под торта-мороженого. В ней лежали какие-то пузырьки, флакончики, пилюли, упаковки таблеток. Паша потянул коробку на себя и, разумеется, уронил. Содержимое рассыпалось по полу, и Паша, негромко чертыхнувшись, присел на корточки, чтобы собрать лекарства.

В этот момент из спальни донесся негромкий звук. Паша замер с флаконом йода в правой руке. Показалось? Звук повторился — это жалобно скрипнули пружины кровати, на которой лежала Вера. Первой мыслью было — ну, наконец-то, проснулась! Но тут же Паше стало не по себе. Почему она очнулась ото сна именно сейчас, когда он оставил ее в тишине и покое?

Павел попытался загнать сомнения вглубь сознания и медленно выпрямился, напряженно вглядываясь и вслушиваясь. Пружины больше не стонали, зато послышался звук приближающихся осторожных шагов. Вера шла, неуверенно переставляя ноги, словно нащупывая дорогу. Наверное, еще не стряхнула с себя остатки сна. Этот шаркающий звук почему-то показался Паше таким пугающим, что он едва сдержался, чтобы не завизжать от страха.

Вера выросла в дверях кухни как-то вдруг: до этого шаги раздавались словно бы издалека. Паша подпрыгнул от неожиданности, но быстро справился с собой, улыбнулся и подался навстречу девушке. Волосы ее слегка растрепались, сарафан измялся, Вера была босиком.

— С добрым утром! Выспалась, соня? — Паша поставил полупустую коробку на стол и сделал шаг вперед.

— Да, выспалась, — усмехнулась Вера. Глаза ее при этом оставались холодными и пустыми.

Она изучающе, как на диковинное насекомое, смотрела на Пащу. Потом отвела взгляд, вытянула перед собой руки, с которых бесследно исчезли раны и ссадины, и стала внимательно разглядывать свои пальцы. Пошевелила ими, сжала кулак, согнула правую руку в локте, передернула плечами, снова разжала пальцы. Павел следил за ее, в общем-то, внешне безобидными манипуляциями. Где-то в районе желудка похолодело, ноги налились тяжестью.

Наконец Вера вспомнила о его существовании.

— Я долго спала. А ты, выходит, вернулся, — заметила она.

— Конечно, как и договаривались. Получилось немного дольше, чем мы рассчитывали, попал в пробку, а сюда пришлось пешком топтать — машина сломалась, — Паша произносил слова автоматически, просто чтобы не молчать.

Внутри нарастало недоумение — что творится с Верой? Это была она — и не она. Где-то на грани сознания брезжило понимание. И все труднее удавалось держать в узде животный, вроде бы ничем не мотивированный ужас.

— Ну и как? Понял, что со мной делать? Научила тебя книга? — губы Веры растянулись в широкой улыбке. Точнее, она распахнула рот, как на приеме у стоматолога, и в этой гримасе не было ничего общего со смехом и весельем.

— Вер, я не понимаю, что происходит? — было дико видеть, как она кривляется.

— Да неужели? — с театральным изумлением проговорила Вера. — Все ты понимаешь! Поэтому и трясешься, как заяц, — презрительно бросила она, — но ты опоздал, мальчик. Ее здесь нет. Теперь здесь только я!

Павел не стал переспрашивать — кто.

— Где тогда Вера? — еле-еле прошелестел он.

— Не твоя забота, — грубо отрезало существо в Верином теле и вдруг заговорило голосом самого Павла:

— «Нельзя насмехаться над силами тьмы, даже если ты убежденная материалистка. Один теолог очень верно подметил: самое большое достижение Сатаны в наши дни — это то, что он заставил нас забыть о своем существовании».

А потом продолжило голосом Веры:

— Это ты точно подметил. Умненький мальчик, тебе пятерка!

Существо пронзительно захохотало, сильно откинув назад Верину голову. Павел испуганно подумал, что хрупкая шея девушки не выдержит, сломается. Внезапно начавшись, хохот столь же неожиданно прекратился. Существо снова буравило Пашу угрюмым взглядом.

— Что ты там видел, в этой своей Лавре, сосунок? Нет у вас силы против меня! — теперь голос, который вырывался из Вериного горла, был мужским. Оглушительно громким, яростным. — Ничтожные твари!

— Чего ты хочешь? — Павел из всех сил старался сохранить остатки самообладания.

Он был абсолютно незащищен перед кошмарной тварью, стоявшей напротив, чувствовал себя голым и беспомощным. Самое ужасное, что бес отлично это чувствовал. Павел никогда не сомневался в существовании Бога, однако редко обращался к Нему и сейчас понятия не имел, как просить Его защиты. Слова единственной молитвы, которую он помнил наизусть, «Отче наш», перемешались в памяти, и он никак не мог воспроизвести ее. Не было на нем и креста — снял, когда принимал душ, и забыл надеть.

— Что тебе от меня надо?

— Поговорим лучше о тебе, — существо заговорило спокойно и миролюбиво, — чего ты хочешь? Желаеть потрахаться напоследок? Могу разрешить!

В глазах беса светилось отвратительное понимание.

— Не смущайся! Ты же поцеловал девку там, в кровати! Небось, с трудом сдержался?

Существо глумливо передернуло бедрами и картинно облизнуло губы. Язык был красный и ненормально длинный. Он все больше высывался из раскрытого рта, раскачивался из стороны в сторону и тянулся к подбородку, точно алая змея

Павел не выдержал и бросился к дверям. Но не успел приблизиться к ним, как что-то сильно толкнуло его в живот и отшвырнуло назад, к окну. Падая, Павел задел ногой табуретку и больно ударился спиной о стол. Он лежал и смотрел, как существо неспешно приближается к нему. Остановившись в шаге от него, то, что сидело в Верином теле грустно и строго заметило:

— Нехорошо уходить, не попрощавшись. По-английски — это в моем понимании невежливо. Следует придерживаться национальных традиций, ты так не считаешь?

Павел молчал. Он понимал, что просто так ему отсюда не выбраться.

— Правильно понимаешь, — кивнуло существо в ответ на его мысли.

— Чего тебе от меня нужно? — повторил Павел.

— Экий ты нудный, — разочарованно протянул бес. — А мне казалось, любопытный. Неужели не хочется спросить меня о чем-нибудь? Я знаю такое, чего тебе не вычитать ни в

одной книжке.

Павел не нашел в себе сил ответить. Бесовское создание подняло опрокинутую табуретку и уселось возле Паши, закинув ногу на ногу.

— Мне не хватало общения, — доверительно проговорило оно. — Поговорим?

— Как ты убил всех этих людей? — прохрипел Паша.

— Мы, — поправил бес и провел руками по груди и бедрам. — Обожаю женские тела. Мне в них уютно. Особенно в молодых и крепких, — существо заурчало от удовольствия, как голодная дворняга над костью, — ведь они вызывают вожделение. Способны воспроизводить себе подобных. Это дает поистине безграничную власть! А мужские тела сухи и бесполезны — они лишь орудие, если ты меня понимаешь. Терпеть не могу там находиться. Так о чем мы?

— Об убийстве.

— Ах, ну да. Славно потрудились, — существо мечтательно закатило глаза и дурашливо вздохнуло, косясь на Пашу. Видеть, как милое Верино лицо гримасничает и искажается чуждыми ее мимике ухмылками и ужимками, было невыносимо жутко. Павел старался не смотреть, чтобы не сойти с ума.

— Почему ты говоришь «мы»? Тебе помогали? — глухо спросил он.

— Не зли меня. Мне казалось, ты догадливей, — раздраженно произнес бес и снова заговорил Пашиным голосом: — «Инфернальные сущности не могут воздействовать на физические объекты, потому что не имеют тела, для этого им нужны посредники и носители».

— Кто тебе помогал?

Бес скривил губы в ухмылке, и ничего не ответил.

— Нет, — прошептал Павел, — не может быть... Она не могла!

— Она не знала, бестолочь! Согласия девки не требовалось, — снисходительно ответил бес. — Когда она приехала сюда, то уже была моя. Не сразу — вся, но я умею ждать. Мне нужно было, чтобы она осталась — и она захотела остаться. А потом мне с каждым разом все легче было действовать через нее. Все очень просто — я смотрел ее глазами и приказывал, а овцы выполняли. Сейчас покажу.

Существо выбросило руку, схватило Павла и рывком поставило на колени рядом с собой. Потом сжало его виски и приблизило лицо, заставив смотреть прямо перед собой.

Заглянув в красивые карие глаза, недавно бывшие Вериными, Паша словно провалился куда-то. Перед его глазами замелькали картинки, как в рекламном ролике.

Вера и высокий парень слегка неотесанного вида стоят возле бани. Где-то вдалеке — детский смех и веселый женский голос. Мужчина отрешенно смотрит в глаза Вере, а та высоким голосом что-то монотонно объясняет ему, и глаза ее наливаются лукавым торжеством.

Картинка меняется. Вера и Юлия Борисовна одни в библиотеке. У некрасивой носатой библиотечарши, внимающей размеренным подробным разъяснениям, тот же безжизненный взгляд. «Ты не сможешь выйти через дверь, там опасно и ты боишься. Полезешь через окно. Выбей стекло чем-нибудь и вылезай. Сделай так, чтобы остались острые края. Ты должна задеть их шей, пусть воткнутся как можно глубже! Не пытайся остановить кровь! Не зови на помощь и не пытайся остановить кровь!»

Снова смена декораций. Вера говорит по телефону, ей взволнованно отвечает симпатичный темноволосый мужчина. «После нашего разговора проверь входную дверь —

она должна быть заперта. Потом прими душ и выйди на балкон. Если кто-то будет стучать, не открывай. Не отвечай на телефонные звонки. Ты должен выполнить все, как я скажу. Иди на балкон. Закрой за собой дверь. Наклонись как можно ниже, перегнись через перила. Опрокидывайся и падай вниз».

Сцена на кухне. Поздний вечер, почти ночь. Ирина Матвеевна сидит напротив Веры и слушает, как та перечисляет ей, что надо делать: лечь спать, проснуться через три часа, на рассвете. Открыть глаза и увидеть в дверях бывшего возлюбленного, Игоря Толмачева, каким она его помнит в последние годы жизни. Он стар, сед, безумен и держит в руке большой молоток. Игорь движется к ней и хочет убить. Она до смерти напугана. Забивается в угол кровати и смотрит, как он приближается к ней, поднимает молоток. От страха ее сердце перестает биться.

Последняя картинка. Вера стоит на улице. Напротив — жалкая кучка напуганных стариков. Уставились на нее, как кролики на удава. Она, отчетливо выговаривая слова, приказывает им лежать в своих кроватях, пока огонь будет пожирать их дома. Ни единой попытки спастись — деловито подчеркивает Вера. Старики заворуженно кивают.

— Вызвать огонь — это, как ты понимаешь, для меня не проблема, — самодовольно произнесло существо, отпустив голову Павла. — Чисто исполнено, правда?

Перед глазами у Паши плыли разноцветные круги. В висках стучало, череп готов был расколоться от боли.

— Тебе нехорошо? — заботливо спросил бес. — Потерпи, ягодка. Скоро станет лучше.

Павел, позабыв о боли, вскинул голову. Это был голос его матери. Паша застонал. Бес захохотал.

— Ладно, не буду, не буду! Какой ты, право, впечатлительный.

Внезапно существо в Верином теле поднялось с табуретки и озабоченно глянуло на настенные часы.

— Заболтались мы с тобой. Хотя, если честно, собеседник ты не так, чтобы очень. Больше задерживаться не могу. Пора, — бес развел руки в клоунском жесте.

Павел едва мог различать что-либо перед собой. С трудом встал, опираясь на табуретку, и попытался выпрямиться.

— Молодец, — одобрило существо, — уважаю храбрость.

Паша понимал, что обречен, но уже не боялся. Было только очень жалко маму.

— До встречи, мальчик.

Существо проворно подскочило к нему и снова обхватило руками голову, глянуло в глаза. Потом отстранилось и с безумным весельем принялось наблюдать за тем, что будет дальше.

Последнее, что помнил Павел перед тем, как все потемнело и пропало, были Верины глаза — огромные, завораживающие, манящие. Наверное, он все же был чуточку влюблен в нее...

Потом Пашина голова стала сама собой плавно поворачиваться влево, делая оборот вокруг шеи, как будто он силился разглядеть что-то у себя за спиной, не поворачивая корпуса. Раздался хруст переломанных позвонков, и тело Паши тяжело осело на пол кухни.

Существо пару секунд с некоторой грустью смотрело на него, потом подошло ближе, схватило безжизненное тело в охапку, и без малейших усилий взвалило на плечо. Бормоча что-то себе под нос, бес со своей страшной ношей выбрался на крыльцо толмачевского дома.

Первое в этом учебном году совещание было окончено. Все расходились, тихонько задвигая за собой стулья. Оставшись в одиночестве, Семен Сергеевич выбрался из-за широкого стола и подошел к окну, которое выходило на школьное футбольное поле. Пока поле безлюдно, но после первого сентября оживет, наполнится звуками голосов и топотом детских ног, как и вся школа.

Семен Сергеевич задумчиво смотрел перед собой. Он любил первое сентября и предвкушал начало учебного года. Круговерть школьных будней, проблемы и радости, отличники и двоечники, хулиганы и примерные ученики, первоклашки и юные влюбленные, открытия, свершения, суматоха — всему этому он радовался, этим жил. И всегда ждал только хорошего.

Всегда. Но не в этот раз. Впервые в жизни начало нового года пугало директора. Он не хотел, чтобы дети вернулись в школу. Семен Сергеевич боялся за них и чувствовал, что бессилён помочь.

Эта новая библиотекарь, Вера Владимировна... Было в ней что-то не то. Семен Сергеевич не мог выразить свои чувства словами, но видел, что не он один неловко ощущает себя в присутствии этой девушки. Другие сотрудники тоже инстинктивно старались держаться подальше. Даже на совещании тесно прижимались друг к другу, чтобы разместиться вокруг небольшого стола, оставив возле нее пяточок незанятого пустого пространства.

Вера Владимировна была хороша собой, даже лучше, чем тогда, в начале лета, когда он увидел ее впервые. Она охотно и дружелюбно улыбалась, остроумно шутила, была начитанна, вежлива и профессиональна. Но что-то в ней пугало людей до обморока. Холодило душу, вымораживало до самого дна. Хотелось вскочить и бежать сломя голову. Тот самый древний инстинкт, который помогал выжить их первобытным предкам, и голос которого заглушили техногенные новинки, научные теории и современный рационализм, властно кричал: спасайтесь!

Однако все они, и в том числе сам Семен Сергеевич, были слишком хорошо воспитаны и не привыкли поддаваться своим инстинктам. А прогрессивный разум ничего против Веры Владимировны не имел.

Она теперь жила в Больших Ковшах — купила небольшую квартиру в двухэтажном доме. Дом в Корчах умудрилась продать, хотя никто не верил, что кто-то захочет там поселиться — на отшибе, в стороне от дороги, рядом с огромным пожарищем, в одиночестве. Тем не менее покупатели нашлись — это были цыгане. Купили дом и поселились всем табором. То, что пугало других людей, — одиночество, обособленность проживания — этим было только на руку. Ходили слухи, что они собираются выкупить и земли по соседству, на месте сгоревших домов. Отстроиться, прочно обосноваться.

Директор передернул плечами и отошел от окна. Снова уселся за стол, утопив лицо в ладонях. Весь этот ужас с Павлом... Эх, Паша, Паша! На глазах у Семена Сергеевича снова выступили слезы. Спокойно думать о Паше он не мог. Сердце привычно заныло, затосковало.

Своих детей у директора не было, и Павла он любил, как сына. Старый и молодой, они отлично понимали друг друга, любили беседовать, спорить, говорить обо всем на свете.

Семен Сергеевич был в курсе Пашиных дел, советовал, старался помочь, поддержать. Скучал по нему, радовался его успехам, гордился, переживал.

Он знал Пашку еще ребенком, когда тот учился в этой самой школе. Семен Сергеевич тогда преподавал географию, и ему сразу понравился смысленный живой мальчишка. Красивый, но не избалованный, не испорченный вниманием. Собранный, умный, добрый, увлеченный, общительный. Он был отличником, но не зубрилой, просто ему все давалось легко. Пашу любили и учителя, и одноклассники. Девчонки табунами ходили, а он, помнится, встречался с девятого класса с Катей Строгановой — и никаких вам любовных треугольников. Правильный был, честный, не вертлявый. Наверняка и женился бы на Кате, если бы она сама не напортичила. Эту историю знала вся школа, потому что за их романом наблюдали все — еще бы, такая пара красивая!

Разрыв произошел на новогоднем празднике, до окончания школы оставалось всего ничего. Катя, первая красавица школы, решила поиздеваться над дурнушкой Наташей. Подростковые коллективы порой напоминают волчьи стаи. Выживает и становится лидером сильнейший, слабых и больных гонят, а могут и загрызть — и вовсе даже не до первой крови. До последней капли.

Чего наговорила Катя бедной Наташе, Семен Сергеевич не слышал — не застал начала конфликта. Кто-то из ребят хохотал — Катя была остра на язык. Кто-то отодвинулся подальше, опасаясь, как бы на него не перекинулись. Наташа неуверенно улыбалась, то ли не вполне понимая, что над ней откровенно глумятся, то ли пытаюсь сдержать слезы.

Паша подошел немного раньше Семена Сергеевича, который не успел еще вмешаться, и одернул свою девушку. Та, вместо того, чтобы послушаться и замолчать, полезла на рожон. Наверное, хотела продемонстрировать, лишний раз доказать безграничность своего влияния на Пашу. Он потребовал, чтобы она прекратила этот балаган. Катя прокричала, что он должен всегда поддерживать ее, раз она его девушка, а не делать замечания при всех. Павел ответил, что готов поддерживать, а не поощрять, когда она некрасиво себя ведет. «Ну, ты же у нас такой правильный!» «Я просто терпеть не могу, когда обижают слабых». «Я всего лишь пошутила!» «Ты поиздевалась, и мне за тебя стыдно». «Ты меня стыдишься? Тогда все кончено!» «Ну, если ты так решила...»

Возможно, они могли бы помириться, если бы Катя в отместку не начала прилюдно вешаться на шею Пашиному другу Борьке. Паша покинул праздник и больше с Катей не общался. Молодость категорична: как ни пыталась та его вернуть, ничего не получалось. Дело было не в прощении, позже объяснил Семену Сергеевичу Паша. Он просто разочаровался в девушке, и не мог видеть ее рядом с собой.

Поступил на истфак, как и мечтал, окончил университет и вернулся в родную школу учителем. Семен Сергеевич радовался, что они будут работать бок о бок. Ученики обожали Пашку, буквально боготворили, другого слова не подберешь, на уроки к нему бегом бежали. Кем такого заменишь? Семен Сергеевич безнадежно вздохнул.

И ведь какие надежды подавал! Какие перспективы были! Защитился бы зимой — в этом и сомнения нет. Стал бы кандидатом наук в двадцать шесть лет. В университете на отличном счету, блестящая научная карьера. Так глупо и страшно все оборвалось.

И снова эта Вера, будь она неладна! В тот день Павел позвонил на работу и сказал, что не может прийти, попросил административный или день в счет отпуска. Судя по голосу, был взволнован и обеспокоен, Семен Сергеевич спросил, что случилось. Паша ответил, что все хорошо, просто его знакомой нужна помощь. Это было так похоже на Пашу — поддержать,

спасти, выслушать, помочь, пусть и малознакомому человеку.

Люди видели, он забирал с остановки девушку — как позже выяснилось, Веру Андрееву, и они куда-то поехали. Где были, что делали — неизвестно. Но они точно заезжали домой к Пашиной маме — там его видела соседка, от нее Павел и узнал про пожар в Корчах.

Вера и Паша примчались на пожарище, и человек двадцать — пожарники, полиция, врачи, санитары, водители — видели, что девушка осталась беседовать с сотрудниками полиции, а Паша уехал. С тех пор его никто не видел.

Вере стало плохо, врачи вкололи ей сильное успокоительное, оставили отдыхать в своем доме. Она должна была проспать как минимум пять — шесть часов. Оперуполномоченный Кочетов вернулся в Корчи к вечеру, примерно в восемнадцать часов, по каким-то служебным делам, и зашел к Вере проверить, как она. Он подтвердил, что застал девушку крепко спящей. Разбудил и отвез в Большие Ковши, потому что оставаться ночевать здесь после случившегося пожара она побоялась.

Вера настойчиво расспрашивала про Пашу, говорила, что они договорились встретиться. Ждала, что он приедет за ней. Андреева рассказала полиции, что Павел должен был поехать в университетскую библиотеку: он заказал редкую книгу, что-то для его диссертации. Поэтому и уехал из Корчей. Позже ее слова подтвердила сотрудница библиотеки. Павел действительно приезжал в тот день, читал отложенную для него книгу.

Машину Павла нашли на въезде в Большие Ковши. Запертую и поставленную на сигнализацию. Куда делся хозяин, было совершенно не понятно. Его похитили? Убили? Он куда-то уехал по собственной воле?

Когда Веру спрашивали, не знает ли она, почему Павел в тот день отпросился с работы и зачем она встречались, она стыдливо опускала глаза и мило краснела. Давала понять, что у них намечался роман. А что особенного? Оба молодые и холосты.

Ее причастность к исчезновению Павла исключалась полностью: когда он покинул машину и исчез в неизвестном направлении, Вера крепко спала под действием укола, что категорично подтверждалось медиками и полицией. Да и мотива у нее нет и быть не может.

В том, что девица врет, Семен Сергеевич не сомневался. Доказательств нет, но он был уверен: Паша не мог отпроситься с работы, чтобы помиловаться с девушкой, да и не имел на Веру серьезных видов — Семен Сергеевич был убежден, что уж ему-то Паша точно бы рассказал, если б влюбился. К тому же Пашкин голос в тот день по телефону... В нем звучало отнюдь не предвкушение свидания, а волнение, беспокойство, тревога. Паша ясно сказал, что должен помочь кому-то. И он не стал бы лгать.

Время шло, но найти его — живого или мертвого — так и не смогли. Хотя искали все — от мала до велика. И по долгу службы, и по зову сердца. И здесь, в Ковшах, и в городе. Строили предположения, выдвигали версии — одна другой чуднее. Но напрасно. Сраженную горем Пашину мать увезли в больницу с инфарктом, и две недели назад она скончалась.

Ближе к осени многие уже смирились, что Паша пропал навсегда. Почти все поверили в его гибель. Но Семен Сергеевич продолжал надеяться. Пока своими глазами не увидит мертвого Пашу, он будет ждать возвращения своего любимого ученика, светлого и чистого мальчика, которого считал близким и родным, которого любил.

Откуда Семену Сергеевичу было знать, что изувеченное Пашино тело со свернутой шеей давно доедали рыбы и раки на дне Глубокого озера. Что его так никогда и не найдут.

... Пройдет всего полгода, и самого Семена Сергеевича, единственного человека,

который смутно подозревал Веру Андрееву, найдут повешенным в собственном кабинете. Уборщица с утра откроет дверь и увидит его, синего и страшного, на крюке от люстры.

Тому, что накануне вечером он о чем-то беседовал с библиотекарем, не придали ровно никакого значения. Да никто и не собирался заниматься расследованием бесспорного самоубийства: директор в этом учебном году был подавлен, рассеян и на себя не похож.

И без этого случая в последнее время в Больших Ковшах хватало странностей, проблем и неожиданных смертей. Напасть какая-то, качали головами сельчане. Может, цыгане виноваты?

А если у кого-то и были другие версии, так они помалкивали.

Авось минует.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ноябрь 2011 — Январь 2012.